
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2018. Том 16, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

<i>Карпович В. Н.</i> Логика, мораль и рациональность	5
<i>Целищев В. В.</i> Семантическая традиция на пути к новой парадигме: Карнап между синтаксисом и семантикой	19
<i>Диев В. С.</i> Рациональные модели и реальные решения в «обществе риска»	31
<i>Шевченко А. А.</i> Практическая нормативность: внутренние и внешние основания	42
<i>Пастухова Е. В., Николина Н. В.</i> Языковая личность: лингвистический и философский аспекты	53

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Розов Н. С.</i> Когда началась эпоха модерна и закончилась ли она?	63
<i>Шкарин Д. Л.</i> Отчуждение в неолиберальном обществе: к вопросу о трансформации социального субъекта современности	75
<i>Абрамова М. А., Костюк В. Г.</i> Социокультурные детерминанты развития и трансформации общества и сообществ России: исследовательские подходы	86
<i>Аблажей А. М.</i> Пореформенная наука: глобальные тренды и российская специфика	96
<i>Тарбастаева И. С.</i> Право и этничность: исследовательские подходы	108
<i>Трубицын О. К.</i> Актуальность разработки философии города	118

<i>Попков Ю. В.</i> Миграционные процессы как социокультурная детерминанта трансформации межэтнических сообществ (на примере Сибири)	129
<i>Шмаков В. С.</i> Предметные области исследования сельских локальных сообществ	142
<i>Зазулина М. Р.</i> Между централизацией и децентрализацией: к вопросу о детерминантах развития местного самоуправления в России	155
<i>Мадюкова С. А., Персидская О. А.</i> Социокультурные детерминанты развития межэтнического сообщества Республики Алтай	167
<i>Синюкова Н. А.</i> Нравственно-экзистенциальный контекст опыта тяжелой болезни в современности	178

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Вольф М. Н.</i> Историография истории философии как модус аналитической истории философии	189
<i>Санжениаков А. А.</i> О влиянии античного театра на общественное мнение	201
<i>Бровкин В. В.</i> Греческая философия и образование эллинистических монархий	212
<i>Попов В. В.</i> О трехчастной ангельской жизни в «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико	223
<i>Щеглова М. И.</i> Исследование содержательного поля проблем квалитативности в работах Э. Шрёдингера	231
<i>Евдокимова К. Н. Ж.-П.</i> Сартр о соотношении понятий свободы и отчуждения	238
Сведения об авторах	246
Информация для авторов	249

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2018. Vol. 16, № 2

CONTENTS

ANALYTICAL PHILOSOPHY, EPISTEMOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

<i>Karpovitch V. N.</i> Logic, Ethics, and Rationality	5
<i>Tselishchev V. V.</i> Semantic Tradition on the Way to a New Paradigm: Carnap between Syntax And Semantics	19
<i>Diev V. S.</i> Rational Models and Real Decisions in Risk Society	31
<i>Shevchenko A. A.</i> Practical Normativity: Internal and External Rea- sons	42
<i>Pastukhova E. V., Nikolina N. V.</i> Linguistic Personality: Linguistic and Philosophical Aspects	53

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Rozov N. S.</i> When does the Modern Begin and Has It Ended?	63
<i>Shkarin D. L.</i> Alienation in Neoliberal Society: on Transformation of the Social Subject of our Time	75
<i>Abramova M. A., Kostyk V. G.</i> Sociocultural Determinants of Devel- opment and Transformation of Society and Communities of Rus- sia: Research Approaches	86
<i>Ablazhey A. M.</i> Post-Reform Science: Global Trends and Local Spe- cifics	96
<i>Tarbastaeva I. S.</i> Law and Ethnicity: Research Approaches	108
<i>Trubitsyn O. K.</i> The Development of a Philosophy of the City	118
<i>Popkov Yu. V.</i> Migration Processes as Sociocultural Determinants of Transformation of Interethnic Communities (The Case of Si- beria)	129

<i>Shmakov V. S.</i> Subject Fields in Rural Local Communities Research	142
<i>Zazulina M. R.</i> Between Centralization and Decentralization: on the Determinants of Local Self-Government Development in Russia	155
<i>Madyukova S. A., Persidskaya O. A.</i> Socio-Cultural Determinants of Development of the Interethnic Community of the Altai Republic	167
<i>Siniukova N. A.</i> The Moral-Existential Context of the Experience of Serious Illness in Modern Times	178

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Volf M. N.</i> Historiography of the History of Philosophy as a Modus of the Analytic History of Philosophy	189
<i>Sanzhenakov A. A.</i> On an Influence of the Ancient Theater on Public Opinion	201
<i>Brovkin V. V.</i> Greek Philosophy and the Formation of the Hellenistic Monarchies	212
<i>Popov V. V.</i> About the Three-Part Angel Life in Giovanni Pico Della Mirandola's «Oration on the Dignity of Man»	223
<i>Shcheglova M. I.</i> Substantial Study Field Problems in the Works Qualitative E. Schrödinger	231
<i>Evdokimova K. N.</i> J.-P. Sartre on the Relationship of Concepts of Freedom and Alienation	238
Our Contributors	246
Instructions to Contributors	249

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-5-18

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

kkvvn@gmail.com

ЛОГИКА, МОРАЛЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Обоснован тезис о том, что моральные теории и практика должны удовлетворять минимальному логическому требованию непротиворечивости. Поскольку логика часто считается основным критерием рациональности, теоретические основы различных трактовок этики можно считать рациональными с точки зрения совместимости теоретических построений и их практической реализации.

Ключевые слова: мораль, этика, теория, практика, непротиворечивость, рациональность, логика.

В философской теории нормативных социальных наук, в частности этики и морали, есть точка зрения, что моральные суждения в принципе оценочны, как в форме прямых оценок, так и в оценочных восклицаниях по поводу фактического положения дел, а поэтому и не сводимы к описаниям. Тут достаточно вспомнить так называемую «гильотину Юма», где утверждается, что должностование из фактов вывести никак нельзя. А. Д. Айер известен тем, что на подобных основаниях исключал моральные теории из области науки – как он это обосновал в главе 6 своей книги «Язык, истина и логика», перевод которой опубликован в антологии «Аналитическая философия» (см.: [Грязнов, 1993. С. 50–66]). Основанием послужил тот факт, что оценки и моральные убеждения выводят за пределы оценки на истину, и если их и называют «истинными», то не в том же смысле, как утверждения о фактах.

Различие можно проиллюстрировать известным примером. Возможно оценить положительно тот факт, что Вальтер Скотт – автор романа «Вэверлей» (по каким-то причинам может нравиться,

что именно этот автор написал этот роман), но оценивать как хорошее или плохое тот факт, что автор «Вэверлея» является автором «Вэверлея», по меньшей мере странно, хотя, как известно, оба утверждения истинны (см.: [Черч, 1960. С. 15–63]).

Сравнительно простой факт заключается в том, что оценки и императивы не являются описаниями действительности, но выражением нашего отношения к ней или пожеланий по ее изменению. И вот здесь встает вопрос о рациональности или нерациональности. Это тоже оценка, однако не до конца ясно, на каких основаниях ее применяют, в частности, к этическим суждениям. Пока обратим внимание на то, что констатирующая тавтология про В. Скотта вида $a = a$ содержит только собственное имя человека, и очевидно истинна. Другая фраза, тоже про В. Скотта, но на этот раз как автора романа «Вэверлей», является описательной, и по этой простой причине ее оценка как истины может быть правильной или неправильной, что зависит только от исторических обстоятельств.

Сразу отметим, что рациональность описательных суждений бесспорно включает в себе возможность применения к ним логики (обычно в ее дедуктивном варианте, даже если речь идет о связи вероятностных суждений), т. е. в обосновании их со ссылками на общепринятое как на истину или на объективно истинное суждение. Рациональность логики заключается в особенности ее правил, которые сохраняют достоверность от посылок к заключению. Иначе говоря, если посылки принимаются, то и заключение должно быть принято, поскольку если посылки были истинными, то при выводе из них логических следствий мы получим также истинные утверждения. Когда следствия противоречат или не согласуются с посылками, мы получаем либо опровержение посылок по известному логическому правилу отрицания следствия, либо делаем вывод об иррациональности человека, который одновременно утверждает посылки (принимает, соглашается с ними), но не соглашается с логическим следствием из них.

Вместе с тем обычная (экстенциональная) логика требует некоторого изменения в отношении к ней (или изменении самой логики), чтобы использовать ее для оценок или пожеланий (императивов), поскольку оценки не двузначны – события делятся на плохие, хорошие и не оцениваемые никак, а императивы вообще нельзя квалифицировать как истинные или ложные. И хотя это в значительной мере утверждалось в основном «позитивистами», особенно в отечественной философской литературе, причем с отрицательным оттенком слова «позитивизм», этой классификации нельзя отказать в осмысленности разделений убеждений на три разные категории. Вот здесь-

то и возникает вопрос: в каком смысле можно (и можно ли вообще) считать моральные обоснования рациональными?

В принципе в этику и метаэтику, как часть этики в наиболее общем понимании, входят утверждения о том, что следует избегать противоречий между следующими элементами этической теории:

- убеждениями (логичность);
- целями и средствами (непротиворечивость, согласованность, последовательность);
- моральными суждениями и поступками (добросовестность);
- сходными оценками сходных поступков (беспристрастность).

Но как найти какой-то подход или метод для выбора моральных принципов, если не по истинности (т. е. приемлемости в силу адекватности смысла суждений принятым правилам оценки на истинность)? Обычно это делают по смыслу моральных суждений. Это может быть следование воле сверхъестественного существа (Бога); или другие методы – обращение к социальным конвенциям, личностным эмоциям или объективным истинам, как в интуитивизме. В последнем случае объективность просто совпадает с интерсубъективностью.

Проблема в том, что люди не могут все еще прийти к единому мнению по поводу истолкования моральных истин. Принципы согласования могут быть очень разные и предоставляют разнообразные возможности в этом плане. Примеры подходов: логичность, совесть, единство оценок, золотое правило этики, и т. п. Эти идеи широко распространены, но нужно рассмотреть их более тщательно, в деталях, чтобы сознательно использовать при анализе моральных предписаний и определиться с тем, как их применить при различных методах анализа морали – и теми, кто считает источником морали религию, и другими, которые используют социальные конвенции, и т. д.

Приведем сходный пример. Большинство положений математики и логики очевидны и бесспорны. Известно, что $x + y = y + x$, или что условный силлогизм – если все A суть B , а все B суть C , то все A суть C – обеспечивает сохранение истины от посылок к заключению. Тем не менее вопрос об основаниях такой очевидности сам по себе не столь же очевиден. Возможно, это языковые соглашения, или объективные истины, или установленные сверхъестественными силами положения, а может, эмпирические истины? Философские ответы по этому поводу сильно расходятся, несмотря на единство мнений по поводу их истинности как логических и математических истин... Вполне возможно, с моральной последовательностью (согласованностью, непротиворечивостью) дело обстоит аналогично... Возможно,

что разные подходы к истолкованию морали никак не отражаются на признании общности самих моральных истин.

Несмотря на отказ некоторых теоретиков применять логику для оценки моральной теории, можно все-таки утверждать, что некоторые логические принципы к моральным теориям (этике) применимы. Особенное место здесь занимает логическая последовательность мысли, или сокращенно «логичность». Логичность представляет собой требование, чтобы мы были последовательны в отношении наших убеждений. Нарушение этого требования заключается в том, что можно соглашаться с убеждениями, которые противоречат друг другу (либо противоположны, противоречивы явным или неявным образом), или, как вариант, отказываться принимать убеждения, которые логически вытекают из тех, с которыми мы уже согласились.

Здесь нужны некоторые пояснения. С логической точки зрения минимальным требованием к системе убеждений является дедуктивное замыкание на их множестве. Иначе говоря, если вы согласились (приняли) с некоторыми убеждениями, то вы должны признать и все, что из них вытекает, и отвергнуть все, что им противоречит явным или неявным образом. Явное противоречие при этом представляет собой прямое отрицание, когда вы предворяете то, с чем вы ранее согласились, отрицанием. Например, согласившись с тем, что на улице дождь, вы тут же соглашаетесь и с отрицанием этого простого факта. Неявное противоречие может возникнуть, когда вы соглашаетесь с утверждением, которое прямо не отрицает исходного, но из исходного убеждения вытекает логически утверждение, с которым вдруг не соглашаетесь. Например, приняв за истину высказывание «Идет дождь», вы, тем не менее, готовы утверждать, что асфальт на улице сухой (при обычных обстоятельствах, т. е. при прочих равных, когда обычно асфальт в дождливую погоду мокрый). Противоречие здесь будет в том, что асфальт для вас должен быть мокрым и не мокрым одновременно. Именно в этих двух ситуациях – прямого и косвенного противоречия – убеждения считаются несогласованными *противоречивыми* для косвенного и *противоречащими* для прямого.

Теперь рассмотрим следующее, сугубо философское рассуждение о морали.

Моральные суждения многие считают относительными, откуда делают вывод, что моральные обязательства не могут быть всеобщими, распространяться на всех. Правильное в одном сообществе может оказаться неприемлемым в другом. Всеобщее долженствование невозможно. Отсюда заключение: релятивизм нужно признать как требование толерантности по отношению к другим взглядам и убе-

ждениям. Мы не можем однозначно сказать, что правы мы, а не те, кто с нами не согласен. Поэтому каждый должен уважать ценности и убеждения других людей.

Это рассуждение противоречиво в том отношении, что первое утверждение несовместимо с последним. Сначала говорится, что моральный долг не всеобщий, а потом – что каждый все-таки должен уважать ценности и убеждения других людей – что, по существу, само является моральным и всеобщим требованием. Действительно, если каждый, по моральным основаниям, ДОЛЖЕН уважать убеждения других людей (в частности, толерантность), то моральный долг представляет собой универсальное требование, что не согласуется с утверждением, что мораль всегда не универсальна.

Логичность запрещает противоречивые сочетания убеждений. Поэтому логическая последовательность требует отказа от каких-то убеждений при их непоследовательности (логической несовместности). Но при этом неизвестно, от чего именно следует отказаться, так как мы имеем дело с дедуктивным замыканием, т. е. на самом деле с бесконечным множеством утверждений, даже если кажется, что их мало. Это особенность логической непротиворечивости, когда выделяются базовые утверждения (принципы): несовместность запрещается, но при этом не говорится, в чем конкретно мы должны быть убеждены и как конкретно мы должны поступать в тех случаях, когда речь идет о следствиях.

Тем не менее непоследовательность может использоваться как исходная точка для критика моральных теорий. Предположим, что мы принимаем принцип, но затем кто-то указывает на его неправдоподобные последствия. Принимаем ли мы эти последствия? Если мы приняли сам принцип, но не соглашаемся с тем, что из него следует, тогда мы нарушаем принцип совместимости и должны что-то изменить. Мы можем не соглашаться с другими людьми по поводу первых принципов, базовых убеждений, используя косвенный вывод «от абсурда (противоречия)». В частности, такую аргументацию можно использовать, чтобы показать моральную несостоятельность принципов, на которых построена система расистской идеологии.

По поводу соотношения моральных рассуждений и логики можно сформулировать относительно формальные требования, например, такие:

Если *A* и *B* логически не согласуются друг с другом, то нельзя соединить следующие два положения:

- Я считаю, что *A* верно.
- Я считаю, что *B* верно.

Если *A* логически влечет (имплицирует) *B*, то в данном случае нельзя соединить логически следующие два положения:

- Я считаю, что *A*.
- Я не верю, что *B*.

Допустим, что мы все-таки должны быть логически последовательными. Тогда придется ответить на вопрос, откуда взялось такое долженствование.

Здесь можно явным образом задать некоторые вопросы и сформулировать ответы о логичности моральных убеждений.

1. Содержит ли логичность требование доказать все наши убеждения?

На самом деле ответ отрицательный. Доказывать все не нужно, требуется только непротиворечивость, совместимость наших убеждений; для этого вовсе не нужно доказывать или осознавать все следствия из принятых убеждений. Это вообще невозможно, поскольку потребует бесконечной цепочки аргументации, когда каждая из посылок потребует доказательства на основе других убеждений, а значит, дополнительной аргументации.

2. Требуется ли логичность отказа от эмоционального отношения к действительности?

Нет, она требует только последовательности. Отношения к эмоциональности это не имеет. Эмоциональное отношение может быть выражено в непротиворечивой системе убеждений, а некоторые люди, не будучи эмоциональными, могут не видеть противоречий при их наличии и поэтому быть непоследовательными. Отсюда, вопреки распространенному мнению, ссылка на эмоциональность оценки не является свидетельством ее ошибочности.

3. Является ли логичность метаэтическим требованием или носит прямо нормативный характер (относится к нормативной этике)?

Ответ очевиден. Это и метаэтическое, и содержательное нормативное требование. Как требование последовательности убеждений – это нормативное требование рациональности наших моральных принципов (проверяемых на совместимость логикой). Вместе с тем его можно считать метаэтическим требованием рациональности при построении этической теории (непротиворечивость исходных положений). И понятно, что логические критерии в этом отношении двойственны, распространяются и на отдельные моральные положения в их связи, и в целом на этическую теорию.

4. Имеются ли исключения для обязательства по отношению к согласованности убеждений?

Да. Такая оценка неприменима, например, если мы психологически неспособны к последовательности идей (возможно, из-за какого-либо ментального дефекта) или ситуации, когда какое-либо более значимое обязательство препятствует выполнению нормы о логической последовательности (возможно, демон Декарта вводит нас в заблуждения либо «доктор Зло» уничтожит мир, если мы не допустим противоречивости по каким-то соображениям). Все наши обязанности по отношению к логической последовательности подчиняются неявным уточнениям применительно к некоторым ситуациям, что, кстати, вполне согласуется с возможностью паранепротиворечивых (параконсистентных) логик [Gensler, 1996. Р. 15–39].

5. Обеспечивает ли согласованность моральных убеждений их достоверность?

Нет. Мы можем быть логически последовательными, но при этом ошибаться. Однако логическая последовательность часто указывает на истину, связана с ней, и во всяком случае, ведет к обоснованию достоверности заключений при истинности посылок. Предположим, что вы убили своего соседа и пытаетесь выдумать последовательную историю, чтобы скрыть следы. Если умный детектив исследует дело и допросит вас, вам будет трудно сохранить логическую последовательность и не впасть в противоречия – на этом построены все детективы с удачным концом. Обнаружение противоречий – это один из лучших способов найти истину по поводу преступления. Получается, что последовательность действительно указывает на истину, хотя и не гарантирует ее.

Помимо непоследовательности в убеждениях, возможна несогласованность намерений и поступков, т. е. выражения и воплощения своей воли. Это ведет к двум дополнительным требованиям к логической последовательности: согласованность цели и средств ее достижения, а также соответствия между словами и поступками.

Согласованность в данном случае означает, что мы соизмеряем средства и цели. Нарушение согласия здесь возникает, когда (а) есть цель, (б) есть понимание, что для достижения этой цели необходимо предпринять некоторые дополнительные действия и (в) эти действия не совершаются.

Например:

- Я хочу похудеть.
- Я считаю, что для похудения мне нужно меньше есть или больше тренироваться.
- Я при этом не соблюдаю диету (не ем меньше) или / и не упражняюсь в достаточной мере.

Если рассматривать все эти условия вместе, то последовательность требует, чтобы я что-то поменял – отказался от своей цели или убеждений либо выполнил программу упражнений и соответствующих ограничений на потребляемые калории.

Однако несогласованность целей и средств, как и несогласованность убеждений, является достаточно распространенным явлением. Люди склонны выполнять то, что легко сделать и ведет к немедленному удовлетворению желаний (съесть сладкое, вопреки установленной диете), и откладывать выполнение действий, ведущих к отдаленной и даже более важной цели. Но гедонистическая этика несовместима с этикой долга, просто по причине противоречивости конструкции (нерациональности).

Аристотель определил «человека» как «разумное животное»; однако люди несовершенны в этом отношении, и наше рациональное и животное начала постоянно борются друг с другом. Например, я могу принять какое-то твердое решение (бегать по утрам), но затем не исполнять его (откладывать исполнение). Или у меня может быть несколько несовместимых целей (учиться хорошо и при этом регулярно и подолгу посещать спортзал). Наконец, я могу оказаться просто недобросовестным.

Добросовестность – это требование, чтобы мы держали в согласии наши поступки и желания в гармонии с нашими моральными убеждениями. Мы нарушаем это соответствие, когда моральные убеждения не согласуются с тем, как живем мы сами и чего требуем от других.

Предположим, что я придерживаюсь пацифистской убежденности в том, что человек никогда не должен убивать человека, независимо от приводимых оснований для такого поступка. Добросовестность предполагает в этом случае, что (а) я никогда сам не убиваю намеренно, (б) я не убиваю человека независимо от каких-либо оснований (даже для защиты моей жизни или жизни моей семьи), и (в) я не хочу, чтобы другие убивали по какой-либо причине.

Пацифистский пример касается веры в «должное», но здесь содержатся и убеждения относительно того, что считать «правильным» и / или допустимым. Если я добросовестен, то я не буду думать, что все в порядке, когда я не согласен или не одобряю соответствующий поступок. И я не сделаю ничего такого, что не соответствовало бы моему убеждению в правильности совершаемого поступка.

Сформулированная императивно, добросовестность требует избегать несоответствий между вашими моральными суждениями и вашим образом жизни. Рассмотрим конкретный вариант проявления долженствования в идее добросовестности.

Не следует соединять два положения:

- Я считаю, что я должен сейчас совершить поступок А.
- Я не предпринимаю действий для реализации поступка А.

Если соединить эти положения (как люди и поступают по разным причинам), то наше моральное убеждение разойдется с нашим образом жизни, и формула последовательности требует, чтобы мы что-то изменили в этом случае.

Обратим внимание, что императив «Мы должны следовать нашей совести» можно трактовать двояко.

1. Мы должны избегать несоответствий между нашими моральными убеждениями и нашими поступками.

2. Мы должны безусловно доверять голосу совести – если мы считаем, что мы должны поступить определенным образом, то долженствование нужно реализовать.

При этом надо обратить внимание, что второе толкование имеет странные последствия. Из него следует, что в том случае, когда мы считаем, что должны совершить массовое убийство, то мы должны действительно это сделать. В этом отношении первое толкование лучше, поскольку запрещает лишь рассогласование убеждений и поведения, а если они разойдутся, то что-то неправильно либо в убеждениях, либо в поступках.

Вот аналог согласованности: «Поступай так, как ты советуешь другим». Это значит, что нельзя придерживаться одновременно следующих двух положений:

- Я считаю, что все должны совершить (в соответствующих обстоятельствах) поступок А.
- Я сам не поступаю (при тех же обстоятельствах) описанным образом.

Это конкретный случай общего требования избегать несоответствий. Здесь не предполагается, что наши принципы верны, и поэтому, если мы проповедуем ненависть к другим людям как универсальное правило, другие, с нашей точки зрения, тоже должны нас ненавидеть. Однако в предложенной трактовке нет такого, она лишь говорит о том, что надо избегать несоответствий между принципами и поступками, и если такое обнаружится, то что-то неправильно либо в принципах, либо в поступках. Представляется, что именно в этом состоит идея так называемого «рефлексивного равновесия» в суждениях о морали, которую предложил Ролз в отношении справедливости [1995. С. 55–57].

До сих пор добросовестность рассматривалась как разновидности согласованности моральных убеждений и поведения. Оставим пока

вопрос о логическом или внелогическом характере такого соответствия и будем рассматривать его в более общем плане, как вариант совпадения или согласованности слов и поступков.

Предположим, мои моральные убеждения конфликтуют с моим поведением. Сторонники так называемой прескриптивистской этики (способа толкования трактовки моральных правил исключительно как императивов, а не суждений) утверждают, что мы имеем дело с неправильным употреблением правила логической непротиворечивости (о чем свидетельствует злоупотребление термином «должно», скрывающим простую команду «делай так», тогда как команды не могут противоречить друг другу – у них другой статус) (см.: [Этика, 2001. С. 387–388]).

Можно отметить и другие аспекты описанной ситуации, например, сказать, что обязанность соблюдать соответствие поведения и моральных убеждений представляет собой отступление от добросовестности. В принципе долженствование может быть основано на социально принятой конвенции, собственных идеалах человека, из богоугодных предписаний или из самоочевидных истин. Во всех перечисленных случаях отступление от добросовестности может трактоваться как неправомерный разрыв между моральными убеждениями и поведением, причем неправомерность будет необязательно логической, т. е. противоречием или логической непоследовательностью, оно может быть несоответствием слов и поступков.

Последовательность зачастую представляет полезное возражение против неприемлемых моральных принципов. Допустим, что принят принцип «Всех людей маленького роста нужно бить просто по той причине, что у них маленький рост». Такой принцип обязывает меня к допустимости некоторых поступков. Например, пусть я согласен с утверждением:

Всех людей маленького роста следует бить просто по той причине, что у них маленький рост.

Тогда, просто из обязанности быть последовательным, я должен *признать*, что, если бы я был маленького роста, *меня следовало бы избивать*.

И я должен *желать*, чтобы, если бы был маленького роста, меня бы регулярно били.

Если же я не думаю так и не желаю этого, то я непоследователен и мои моральные принципы противоречивы.

Применим рассмотренные положения к сторонникам дискриминации людей по каким-либо признакам.

Чтобы узнать, как использовать согласованность, давайте представим, что мы оспариваем тезис, что ко всем чернокожим следует относиться плохо. Пусть «плохо относится к Х» – это сокращение, и вместо Х можно подставить разные виды расистских предрассудков, например, «поработить Х» или «оскорблять Х и держать Х на низкооплачиваемых работах».

Расист скажет: «К черным следует относиться плохо, потому что они неполноценные». Как мы можем ему ответить? Нужно ли нам оспаривать его фактические предположения и сказать: «Все расы генетически равны»? Или мы должны противопоставить ему наш собственный моральный принцип и сказать: «С людьми всех рас следует обращаться одинаково»? Любая стратегия, вероятно, приведет к тупиковой ситуации, в которой ни одна из сторон не сможет убедить другую. Вместо этого я предлагаю четко и ясно сформулировать расистский аргумент, а затем посмотреть выражение его лица. Очевидно, что вывод этого умозаключения относится к вопросу о том, как следует обращаться с чернокожими. Его посылка формулируется так: все чернокожие недоразвиты. И еще ему нужна посылка, что со всеми недоразвитыми людьми следует обращаться плохо. Тогда его аргументация выглядит следующим образом:

Все черные неполноценны.

Ко всем, кто неполноценен, следует относиться плохо.

Значит, ко всем чернокожим следует относиться плохо.

Чтобы прояснить вопрос, нам нужно понять, что означает «неполноценный». Почему мы относим человека в эту «низшую» группу «неполноценных»? Что это: IQ ¹, образование, богатство, физические силы или что-то еще? Предположим, что вопрос решается с помощью измерения IQ. Допустим, «неполноценность» означает «IQ меньше 80». Здесь мы просто перешли от непонятной оценки «неполноценность» к операциональному определению полноценности через соответствующий показатель IQ.

При такой операционализации расистский аргумент превращается в следующее умозаключение:

Все черные имеют IQ менее 80.

Ко всем, у кого IQ менее 80, следует относиться плохо.

Значит, ко всем чернокожим следует относиться плохо.

Как только расист принимает такое уточнение (операционализацию) понятия «неполноценный», становится ясно, что его деление на «полноценных» и «неполноценных» проходит не по расовым груп-

¹ Коэффициент интеллекта.

пам, а поперек них. У каждой расы найдутся представители как с IQ менее 80, так и с IQ больше 80. Получается, что первая посылка явно ложная.

При этом мы можем напомнить расисту, что его вторую посылку можно отнести и к белым:

Ко всем, у кого IQ менее 80, следует относиться плохо.

Значит, ко всем белым, у которых IQ менее 80, следует относиться плохо.

Чтобы быть последовательным, в этой ситуации оппоненту нужно согласиться, что он должен плохо относиться к белым с недостаточным значением IQ (из-за того, что считает, по новому определению, правильным именно и только по этой причине плохо относиться к черным). Причем не только он сам должен плохо относиться к этим белым, но и предписывать другим белым подобное отношение – в частности, к нему самому. Однако расист не желает признавать такие последствия своего принципа и в этом случае допустит непоследовательность. Чтобы восстановить согласованность принципов и поведения, он должен либо принять его принцип, либо принять его следствия в отношении белых и самого себя.

Такая стратегия критики моральных принципов на примере расистских аргументов состоит из трех шагов.

1. Сформулировать аргумент ясным образом. Посылки должны быть явно выделены посредством соответствующих лингвистических средств, и заключение должно следовать из посылок достоверно.

2. При необходимости надо оценить на истинность фактические (не императивные) посылки.

3. Определить, последовательно ли оппонент применяет свой моральный принцип, особенно в отношении его собственной расы (в нашем примере белой).

Если вывод расиста о том, что со всеми чернокожими (или людьми другой расы) следует обращаться плохо, то понадобится критерий, чтобы разделить расы понятным и достаточно легко различимым образом, так что все черные окажутся в одной категории, а все белые – в другой. IQ для этого не подходит, и вряд ли можно отыскать другой подходящий критерий. Эти логические основания совместно с обязанностью быть последовательным опровергают большинство расистских аргументов (дополнительные соображения см.: [Gensler, 1996. P. 158–165]).

Предположим, расист отказывается от своего аргумента «неполноценности», но все же хочет сохранить свое отношение к черным. Теперь он утверждает, что даже простой факт различия в цвете кожи

достаточен для разницы в отношении к человеку. Поэтому он настаивает на принципе: «Следует плохо относиться ко всем чернокожим из-за их цвета кожи».

Но опять можно задействовать идею последовательности. Как последовательно в данном случае опираться на цвет кожи? Расисту придется изменить свое отношение к черным альбиносам, поскольку у них светлая кожа, и к белым, у которых слишком темный загар.

И если кто-то придумал бы косметику под названием «Белая-белая кожа», которая надолго превращает черную кожу в белую, то расист должен был бы дискриминировать только тех бывших чернокожих, которые не пользуются этой косметикой. Более того, расисту придется согласиться с тем, что если бы он и члены его семьи родились бы черными, то с ними не только можно, но и должно обращаться плохо.

А еще ему можно было бы рассказать придуманную Хэаром [Hare, 1963. Р. 218] историю о том, как некие вирусы или бактерии регулярно превращали бы белых в черных и наоборот. Захотел бы расист, чтобы с «новыми белыми» обращались хорошо, а с «новыми черными» – плохо? Подобными вопросами можно показать, что моральные убеждения расистов неправильны, потому что непоследовательны.

Итак, обращение к логической последовательности часто полезно в моральных спорах. Такое обращение действенно, так как не предполагает самих содержательных моральных предпосылок (которые другая сторона может отвергнуть), а просто указывает на проблемы в системе убеждений и трудности в последовательном использовании этих предпосылок.

Все это показывает, что рациональность, как минимум в форме требования логической последовательности рассуждений, существенно связана с моральной аргументацией, причем примерно в той же степени, как внелогические аксиомы геометрии или арифметики связаны с дедуктивной структурой этих наук. Нужно теперь ответить на следующий вопрос: имеются ли особые связи между элементами понятийного аппарата этической теории, сходные с таковыми в математических или естественных науках.

Список литературы

Грязнов А. Ф. Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Черч А. Введение в математическую логику. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

Этика // Энциклопедический словарь / Под ред Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

Gensler H. *Formal Ethics*. London: Routledge, 1996.

Hare R. M. *Freedom and Reason*. Oxford: Clarendon Press, 1963.

Материал поступил в редколлегию 02.04.2018

V. N. Karpovitch

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nilolaev Str., Novosibirsk. 630090, Russian Federation*

kkvvnn@gmail.com

LOGIC, ETHICS, AND RATIONALITY

The article offers the thesis that moral theories and practice should satisfy the minimal logical requirement of consistency. Since logic is often considered the main criterion of rationality, the theoretical foundations of various interpretations of ethics can be considered rational in this respect.

Keywords: morality, ethics, theory, practice, consistency, rationality, logic.

References

Church A. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku* [Introduction to Mathematical Logic]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1960. (In Russ.)

Etika [Ethics]. *Entsiklopedicheskii slovar* [Encyclopaedic Dictionary]. R. G. Апресян, А. А. Гусейнов (eds.). Moscow, Gardariki Publ., 2001. (In Russ.)

Gensler H. *Formal Ethics*. London, Routledge, 1996.

Gryaznov A. F. *Analiticheskaya filosofiya: Isbrannye teksty* [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow, Izdatelstvo MGY, 1993. (In Russ.)

Hare R. M. *Freedom and Reason*. Oxford, Clarendon Press, 1963.

Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-19-30

В. В. Целищев

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

leitval@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ НА ПУТИ К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ: КАРНАП МЕЖДУ СИНТАКСИСОМ И СЕМАНТИКОЙ *

Анализируется роль Р. Карнапа в парадигмальном сдвиге от концепции языка как универсального медиума к концепции языка как исчисления в рамках семантической традиции в философии. Показывается, что в применении метода экстенционала и интенционала Карнап был близок к созданию семантики возможных миров, но не сумел сделать обобщений в трактовке модальных понятий. В этом смысле Карнап остался сторонником монолингвистического взгляда.

Ключевые слова: семантика, синтаксис, язык, логика, Карнап.

Поразительной особенностью *Principia Mathematica* Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда назвал К. Гёдель откровенно синтаксический характер кодификации в этой работе математического мышления [Гёдель, 2007]. Если считать это оценочным суждением, то оно, в свою очередь, поражает анахронизмом, потому что в начале XX в. вряд ли можно было говорить о развитом подходе семантического типа к анализу логики. Но с точки зрения реальной истории, ростки семантики можно было узреть и в *Begriffsschrift* Фреге, *Principia Mathematica* Рассела и Уайтхеда, и в *Tractatus* Витгенштейна, и в *Aufbau* Карнапа. Все эти мыслители объединены общим пониманием языка как универсального медиума, некоей среды, за пределы которой невозможно выйти. Естественно, что при этом ключевое понятие современной семантики – понятие метаязыка – не могло найти места в таких концептуальных схемах. Проникновение идеи иерархии двух

* Работа выполнена при поддержке РФФИ – ГОН (проект № 16-03-00141).

языков было медленным, и в этом смысле представляют интерес те обстоятельства, при которых эта идея обрела свою самостоятельность уже в рамках другого взгляда на язык, а именно, в рамках концепции языка как исчисления.

Любопытной особенностью противостояния этих двух концепций языка было то, что концепция языка как универсального медиума исповедовалась логиками и даже математиками, интересы которых инспирировались в первую очередь философией. Действительно, хотя Фреге и Рассел считаются людьми, которые внесли фундаментальный вклад в математическую логику, если не сказать больше, все-таки они исходили из философских проблем и адресовали свои результаты в первую очередь философам. Что касается концепции языка как исчисления, здесь главным образом были представлены математики – Дж. Буль, А. де Морган, Э. Шредер, Л. Левенгейм. «Алгебра логики», как называли один из этих ранних этапов развития математической логики, достаточно хорошо подтверждает представленное разделение «по интересам».

Хронологически концепция «язык как универсальный медиум» постепенно уступает место концепции «язык как исчисление». Как и всякая попытка систематизировать богатый исторический материал, данная попытка грешит неточностями и допускает важные исключения. Первая концепция уходит в тень после *Трактата* Витгенштейна, и на сцене все больше утверждаются такие фигуры, как А. Тарский, К. Гёдель, Д. Гильберт. Однако сторонником языка как универсального медиума оказывается также и У. Куайн, гораздо более поздняя фигура в ряду сторонников этого направления. Тонкий логик и создатель пары аксиоматических систем теории множеств, Куайн тщательно обходит методы теории моделей, которая олицетворяет концепцию языка как исчисления.

Может выглядеть странным, что из двух этих списков выпадает Рудольф Карнап, ведущая фигура семантической традиции. Интригой, раскрытие которой – цель данной статьи, является принадлежность Карнапа к обоим лагерям. Эта ситуация хорошо передается названием статьи Р. Крита «Карнап на пути к семантике: Приобретения и потери» [Creath, 1999]. В этом смысле он является переходной фигурой, представившей цикл работ, ведущих от синтаксиса к семантике (работы впервые опубликованы в 1937 и 1942 гг.) [Carnap, 2002; 1959]. Замыкающая цикл книга «Значение и необходимость» (1947 г.) [Карнап, 1959] важна по многим причинам, поскольку ней отражены не только достоинства в виде перехода к теоретико-модельному видению языка, но и недостатки, не позволившие Карнапу стать од-

ним из основателей современной семантики. Задержавшись в тенетах анализа интенциональных, и в общем случае, модальных концепций, он был в одном шаге от открытия семантики возможных миров.

Есть две оценки «промежуточного» состояния Карнапа. Одна из них состоит в том, что он являлся провозвестником новой парадигмы семантической традиции, которая была тесно связана с развитием новой метаматематической техники. В поддержку этой точки зрения можно привести факт открытия именно им Диагональной Леммы, ключевого понятия в теоремах Гёделя о неполноте, элементы которой были представлены у Гёделя в неявном виде. Та же работа «Значение и необходимость» не дает реального представления о «технической» оснащенности Карнапа. Уже к 1929 г. Карнап подготовил две фундаментальные технические работы, название которых говорит о его продвинутом состоянии: «Очерк логики» [Carnap, 1929] и «Исследования по общей аксиоматике» [Carnap, 1930]. Фактически цель этих технических его работ состояла в применении методов *Principia Mathematica* к анализу проблем, которые намечались как сугубо семантические проблемы, связанные с понятиями непротиворечивости и полноты логических систем. Но при всем при этом остается вопрос, какая концепция языка исповедовалась Карнапом? Является ли он наследником традиции Фреге, Рассела и Витгенштейна, или же он новатор в области семантики? Так что вторая точка зрения состоит в том, что он не смог преодолеть этого наследия и остался в тенетах старых представлений о природе языка.

Есть сильное искушение склониться в пользу точки зрения, согласно которой Карнап на самом деле явился новатором в семантической традиции, даже если он и был промежуточной фигурой. С другой стороны, нам придется объяснять, почему Карнап «отстал» от Тарского, почему он не стал автором семантики возможных миров, на пороге открытия которой он стоял. Одними психологическими обстоятельствами это трудно объяснить, и, скорее всего, для такого отставания есть серьезные философские основания. Данная статья посвящена исследованию вопроса, в какой степени Карнап остался пленником старых представлений о языке, несмотря на активные поиски семантических концепций.

Рассмотрим краткие характеристики двух подходов к пониманию феномена языка. Концепция языка как медиума имеет несколько главных характеристик, каждая из которых следует из предыдущей. Первая заключается в том, что соотношение языковых структур и объектов внешнего мира является невыразимым. Вторая касается невозможности глобальной переинтерпретации языковых структур.

В-третьих, понятие истины не играет существенной роли, что исключает практически металогический подход. Наконец, тем самым исключается теоретико-модельный подход. Противоположная концепция – теоретико-модельная – сопоставляет с языковыми структурами различные модели, или возможные миры. Семантические свойства – логическая истина, логическое следствие определяются в терминах истинности в модели. Последнее понятие занимает важное место в поисках Карнапом основных принципов семантики, но его исследования при этом имеют несколько зауженный характер.

До сих пор нет согласия в отношении того, поддерживает ли «Значение и необходимость» универалистскую традицию, или же в этой работе Карнап практически солидарен с концепцией языка как исчисления, понимаемой в духе Гёделя и Тарского. Дело в том, что он ограничивается обсуждением двух базисных концепций – экстенционала и интенционала – в применении к предложениям, индивидам и концепциям. Главная задача, которую ставит перед собой Карнап, состоит в нахождении семантического метода анализа значения. Для этого он предлагает «метод экстенционала и интенционала», в основу которого кладет понятие *L*-истины. Метод сводится к приписыванию значения объект-языка значений из метаязыка, т. е. к переводу из одного языка на другой. Но непонятно, в какой степени это имеет отношение к собственно семантике, которая предполагает соотнесение языка и внешнего мира, а не соотношение двух языков. Так понимаемый метод не позволяет выйти за пределы языка. Учитывая, что у Карнапа метаязык является частью объект-языка, он остается сторонником языка как универсального медиума. Это обстоятельство развенчивает устойчивое заблуждение, что само обращение к метаязыку является признаком понимания языка как исчисления [Acero, 2014].

Следует понимать, что в своих логических конструкциях Карнап был раздираем двумя противоположными намерениями. Во-первых, ему был нужен язык логики для логицистского объяснения математики, а во-вторых, ему был нужен язык для описания опытных данных. Именно трудности второго рода позволили Куайну высказать довольно резкую критику программы Карнапа [Куайн, 2010]. Определение логической истины Карнап осуществляет с помощью понятия истины, которое в свою очередь является производным от понятия описания состояния. Это важнейшее понятие является первым приближением к более позднему понятию возможного мира. Как это станет яснее позже, описание состояния является чисто лингвистической структурой, определяемой для класса предложений объект-

языка *T*, которая не имеет прямого отношения к анализу собственно значения. Логическая истина, или *L*-истина, определяется как истина во всех возможных мирах. Но исходное понятие истины появляется из предположения об истинности всех предложений объект-языка *T*. Фактически это означает выбор языкового эквивалента истинного мира.

Опять-таки возникает вопрос, причем здесь семантика? Ведущая идея Карнапа по поводу «семантической теории значения» состоит в том, что семантическая теория объект-языка *T* есть система принципов, которая в метаязыке *M* очерчивает объект-язык. Далее, метаязык имеет еще одну роль, которая заключается в приписывании выражениям объект-языка *T* переводов его в метаязык *M*. Учитывая сложность взаимосвязи объект-языка и метаязыка (совпадение, пересечение, частичное вложение и пр.), полагание перевода подобного рода адекватным средством семантического анализа является спорным.

Сама по себе идея теоретико-модельного подхода, который вырвал бы Карнапа из объятий концепции языка как универсального медиума, состоит в нахождении «реальных» структур, которые удовлетворяют языковым конструкциям. Именно это предприятие по-настоящему является построением семантики. Карнап же ограничивается переводами объект-языка в метаязык. На первый план у него выступают правила перевода, а экстенционалы и интенционалы являются формами перевода. Так решается проблема интенциональных контекстов. Однако это немедленно приводит к фундаментальной трудности, которая поднимает онтологические вопросы, решение которых Карнап находит на пути ликвидации онтологического различия экстенциональных и интенциональных объектов, и даже больше, на пути редукции интенционалов к экстенционалам.

Карнап рассматривает атомарное предложение *Hs* объект-языка *T* [1959. С. 49]. Перевод его в метаязык *M* осуществляется согласно «правилам обозначения», и результат перевода зависит от онтологии, принятой в *M*. В самом деле, для *H* – «человек» и *s* – Скотт мы будем иметь три различных перевода, в зависимости от предпочтения интенциональных или экстенциональных сущностей.

4.1. Скотт – человек.

4.2. Скотт имеет свойство Человек.

4.3. Скотт принадлежит классу Человек.

Ни один из этих переводов не является, строго говоря, эквивалентным другим переводам. Наиболее поразительной особенностью подхода Карнапа является отрицание онтологической значимости

разных переводов. С его точки зрения, это только способы перевода или модусы речи, поскольку семантические теории должны избегать онтологического гипостазирования. Фактически Карнап настаивает здесь на нейтральном метаязыке, выбор которого определяется все-таки определенными предпочтениями. Эти предпочтения выливаются в откровенную приверженность традиции языка как универсального медиума, и в данном случае это язык науки.

Таким образом, Карнап остается внутри языка, полагая под семантикой на самом деле синтаксические структуры, несмотря на явные попытки выйти за их пределы. Такая линия исследования Карнапа находит свое объяснение в том, что парадоксы, связанные с концепциями истины и референции, подрывали доверие к семантическим исследованиям. К тому же Карнап в период начала 1930-х находился под влиянием доктрин Витгенштейна, полагавшего, что реальные свойства и отношения должны изучаться через формальные особенности языка. В самом деле:

Иногда считается, что философия логики Карнапа началась с безумной до-расселовской синтаксистской перспективы, в соответствии с которой логик имеет дело только с языками, и что только позднее Карнап достиг уровня расселовской вменяемости, когда факты семантики медленно начали давать знать о своем присутствии. В противоположность этому, мы сейчас видим, что Карнап начал как расселовец в логике, и что его сдвиг к синтаксису был мотивирован медленно возникающим осознанием того, что монологический каркас был неподходящим для формулировки метаматематических понятий [Coffa, 1991. P. 278].

Первый результат понимания Карнапом этой ситуации проявился в заимствовании им у Тарского идеи двух языков – объект-языка и метаязыка. Но у Тарского это было лишь началом большого пути в направлении подлинной семантики, в то время как Карнап ограничился идеей двуязычности: есть язык, чья семантическая теория является предметом изучения, и есть язык, в котором эта теория устанавливается. Это различие лежит в основе метода, который Карнап провозгласил главным в работе «Значение и необходимость: Метод экстенционала и интенционала». Взаимоотношение двух языков является внутриязыковым предприятием, и оно лишено самого главного семантического ингредиента: ответа на вопрос откуда берется значение атомарных предложения объект-языка.

Как бы то ни было, работа Карнапа «Значение и необходимость» знаменовала определенного рода переход от синтаксиса к семантике. Но опять-таки, как это ни парадоксально, развитие идей Карнапа

не вело к формированию семантической теории, поскольку было синтаксическим по своему духу, оставаясь в рамках монологичного подхода. Следует помнить, что Карнап был учеником Г. Фреге, который, как и Рассел, был враждебен концепции языка как исчисления. Знаменитые споры между Фреге и Гильбертом, а также между Расселом и Гильбертом, по поводу статуса геометрических аксиом показывали, что идеи метаматематики трудно доходили до философов. Ситуация в этом вопросе была крайне противоречивой.

С самого начала исследований Гильбертом геометрических и метаматематических проблем, вопросы непротиворечивости и полноты оказались в фокусе внимания к основаниям математики. Расселовский подход не казался таким уж благожелательным к таким рассмотрениям, которые требовали четкого различения языка, для которого эти понятия определены, и языка, в котором они определены. Подход Витгенштейна в *Трактате* был еще более враждебен к такому различению, чем расселовский. Вполне понятно, за пределами Польши расселовская традиция по большей части игнорировалась в ходе развития новых метаматематических идей. (Польская школа следовала средним курсом, будучи внимательной к необходимости разделения уровней языка, и в то же время придерживаясь как можно ближе традиции Рассела – Гуссерля – Твардовского.) Карнаповская книга, таким образом, была инспирирована своего рода эпициклической целью демонстрации того, что все ценное из метаматематики может (и должно) быть выражено в монолингвистическом каркасе *Principia Mathematica*. Вместо этого, его усилия сводились к нежелательным свидетельствам проявления враждебности между расселовским подходом и метаматематическими вопросами... [Coffa, 1991. P. 274].

Трудно винить Карнапа в том, что в переходный период он не сумел распознать полностью преимущества семантического подхода к анализу языка. В значительной степени он следовал в своем развитии за двумя гигантами логики. С одной стороны, это был Б. Рассел, логическую технику которого Карнап пытался применить к анализу языка; А. Коффа убедительно показал, что это была тупиковая попытка, назвав один из разделов своей книги «крах расселианизма» (в версии Карнапа). С другой стороны, это был А. Тарский [Tarski, 1956], который также долго блуждал в тенетах синтаксической монологичности. Фактически подлинный прорыв в семантике начался после определения понятия истины в формальных языках. Но к тому времени Карнап шел уже своим путем, отдалившись от магистрального направления метаматематики, которое проявило себя провозглашением «ограничительных теорем» К. Гёделя и А. Тарского.

Подход Карнапа к семантическим проблемам в виде метода «экстенционала и интенционала» являлся наследием фрегевской дихотомии «смысл и указание». Естественно, что к интенционалу относилось все, что было связано с косвенными контекстами, включая модальные контексты. Сам по себе этот метод вел к существенным противоречиям. С одной стороны, экстенциональные сущности были для Карнапа предпочтительнее, поскольку они были частью языка науки, универсального медиума. С другой стороны, Карнап утверждал первичность интенционала над экстенционалом, потому что семантическое правило для знака определяет главным образом его интенционал, и только во вторую очередь экстенционал [1959. Разд. 23]. Интенциональные сущности плохо увязывались с эмпиризмом, утверждение которого входило в цели Карнапа. Именно это обстоятельство разделило впоследствии Карнапа и Куайна: если Карнап до конца защищал интенциональность, то Куайн их попросту отверг. Но защита интенционалов в старом фрегевском духе дорого обошлась Карнапу, поскольку он не сумел оценить эвристические возможности главного понятия своего логического подхода, а именно, понятия описания состояния.

Фактически описание состояния Карнапа относилось к понятию интенционала предложения. Различные совокупности интенционалов определяли то, что сейчас называется «возможным миром». Разработанные Карнапом понятия *L*-истины, *L*-эквивалентности, тождества интенционалов позволяли глубокие аналогии с эвристической идеей Лейбница аналитического суждения как истины во всех возможных мирах. Но для продолжения этой аналогии требовалось большее: ведь понятие интенционала у Карнапа было определено не только для предложений, но и для индивидов и концепций. Сами по себе описания состояния Карнапа позволяли отличать потенциальные возможные миры друг от друга, и, значит, для каждого описания состояния нужно было задавать правила языка. Внутри каждого из этих миров можно было задавать интенционалы, рассматривая их как функции от описаний состояния к экстенционалам. Сам Карнап говорит об этом как о «переводе модального языка в экстенциональный язык» [Carnap, 1963. Р. 894]. Это, в свою очередь, очень близко к тому, чтобы рассматривать возможные индивиды как функции от описаний состояний к индивидам. Другими словами, Карнап был очень близок к тому, чтобы прийти к идеям современной семантики возможных миров, как она была оформлена в работах С. Кангера, С. Крипке и Я. Хинтикки. Чего не доставало? Что все-таки не позволило Карнапу стать по-настоящему движущей силой в парадигмальном сдвиге в семантической традиции?

Как и прежде, главной причиной явилась приверженность Карнапа традиции понимания языка как универсального медиума. Понятие «возможного мира» вертелось буквально у него на языке, но он не допускал, что такое понятие приемлемо философски. Разговор о возможных мирах мог быть для него не более чем манерой речи, поскольку существовал только один мир, который описывался одним языком. Иначе говоря, выделенность реального мира среди этих возможных миров была немотивированной.

Подлинный парадигмальный сдвиг в семантике происходит с пониманием соотношения возможных миров. Могут существовать различные мотивы выделения одного мира как «реального», и остальных как относительных к нему. Философская мотивировка для такого маневра весьма разнообразна и связана в первую очередь с модальностями в самом широком смысле этого термина: алетические модальности, эпистемические модальности, деонтические модальности, темпоральные модальности и пр. Во всех таких вариантах находятся основания для провозглашения некоего «базисного» мира; затем задается отношение «альтернативности» между этим миром и остальными мирами. Наложение относительно простых требований на это отношение (рефлексивность, асимметричность и т. д.) характеризует различные синтаксически заданные системы модальной логики. Часто это отношение называется отношением «достижимости» от «реального» мира других миров. Особенностью такого подхода является то, что дескриптивные предикаты должны быть константами в разных возможных мирах, а в моделях Карнапа этого не было, поскольку все миры для Карнапа были равноценны.

Есть некоторые оправдания неудачи Карнапа. Введение отношения достижимости, как уже было указано выше, является важнейшим концептуальным новшеством, позволяющим задать семантику широкого спектра модальных систем. Исходная идея Лейбница логической истинности как истинности во всех возможных мирах реализуется буквально для алетических модальностей. Именно в таких модальностях и был заинтересован Карнап, со своим интересом к *L*-понятиям. Тем самым остальные модальности выпали из сферы его внимания.

Я. Хинтика говорит, что семантика возможных миров позволила в первую очередь прояснить ряд вопросов, которые стояли на повестке дня у Карнапа и которые он не смог разрешить [Hintikka, 1975]. Во-первых, она открывала возможность трактовки большого класса философски интересных понятий. Во-вторых, она показала недостаточность простой дихотомии «экстенционал – интенционал». И на-

конец, она устранила возражения Куайна против интенциональных концепций.

Таким образом, мы видим, что, хотя Карнап сыграл важную роль в парадигмальном сдвиге семантического движения в целом, его роль в значительной степени состояла в постановке вопросов, нежели в их разрешении. Причиной этого была его приверженность концепции языка как универсального медиума, от которой он так и не смог до конца отойти.

Список литературы

Гёдель К. Расселовская математическая логика // Рассел Б. Введение в математическую философию. Новосибирск: Сиб. университет. изд-во, 2007. С. 237–261.

Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. М.: Канон+, 2010. С. 45–80.

Acevo J. Carnap's Meaning and Necessity and the Universalist Tradition // Teorema. 2014. Vol. 33/2. P. 57–74.

Carnap R. The Logical Syntax of Language. La Salle: Open Court Classics, 2002.

Carnap R. Introduction to Semantics and Formalization of Logic. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1959.

Carnap R. Abriss der Logistik // Schriften zur wissenschaftlichen Welt-aussfassung / Hrsg. P. Frank, M. Schlick. Vienna: Springer, 1929. Bd. 2.

Carnap R. Bericht über Untersuchungen zur allgemeinen Axiomatik // Erkenntnis. 1930. Bd. 1. S. 303–307.

Carnap R. Philosopher's Replies // The Philosophy of Rudolf Carnap / Ed. by Schilpp. La Salle: Open Court, 1963.

Coffa A. The Semantic Tradition from Kant to Carnap. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1991.

Creath R. Carnap's Move to Semantics: Gains and Loses // Alfred Tarski and the Vienna Circle / Eds. J. Wolenski, E. Kohler. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1999. P. 65–76.

Hintikka J. Carnap's Heritage in Logical Semantics // The Intentions of Intentionality and Other New Models for Modalities. Dordrecht: Reidel, 1975. P. 76–101.

Tarski A. On the Concept of Logical Consequence // Logic, Semantics, and Metamathematics. Oxford: Clarendon Press, 1956.

Материал поступил в редколлегию 02.04.2018

V. V. Tselishchev

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

leitval@gmail.com

SEMANTIC TRADITION ON THE WAY TO A NEW PARADIGM: CARNAP BETWEEN SYNTAX AND SEMANTICS

The paper analyzes the role of R. Carnap in the paradigm shift from the concept of language as a universal medium to the concept of language as a calculus within the framework of the semantic tradition in philosophy. It is shown that in the application of his method of extension and intension Carnap was close to creating the semantics of possible worlds, but failed to make generalizations in the treatment of modal concepts. In this sense, Carnap remained a supporter of the monolinguistic view.

Keywords: semantics, syntax, language, logic, Carnap.

References

- Acero J. Carnap's Meaning and Necessity and the Universalist Tradition. *Teorema*, 2014, vol. 33/2, p. 57–74.
- Carnap R. Abriss der Logistik. *Schriften zur wissenschaftlichen Welt-aussfassung*. Hrsg. P. Frank, M. Schlick. Vienna, Springer, 1929, bd. 2.
- Carnap R. Bericht über Untersuchungen zur allgemeinen Axiomatik. *Erkenntnis*, 1930, bd. 1, s. 303–307.
- Carnap R. *Introduction to Semantics and Formalization of Logic*. Cambridge, Harvard Univ. Press. 1959.
- Carnap R. Philosopher's Replies. *The Philosophy of Rudolf Carnap*. Schilpp (ed.). La Salle, Open Court, 1963, p. 894.
- Carnap R. *The Logical Syntax of Language*. La Salle, Open Court Classics, 2002.
- Carnap R. *Znachenie i neobhodimost [Meaning and Necessity]*. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1959. (In Russ.)
- Coffa A. *The Semantic Tradition from Kant to Carnap*. New York, Cambridge Univ. Press, 1991.
- Creath R. Carnap's Move to Semantics: Gains and Loses. *Alfred Tarski and the Vienna Circle*. J. Wolenski, E. Kohler (eds.). Dordrecht, Kluwer Academic Publ., 1999, p. 65–76.

Gödel K. Rasselovskaya matematicheskaya logika [Russell's Mathematical Logic]. Russell B. *Vvednie v matematicheskuyu filosofiю* [Introduction to Mathematical Philosophy]. Novosibirsk, Sibirskoe universitetskoe izdatelstvo, 2007, p. 237–261. (In Russ.)

Hintikka J. Carnap's Heritage in Logical Semantics. *The Intentions of Intentionality and Other New Models for Modalities*. Dordrecht, Reidel, 1975, p. 76–101.

Quine W. Dve dogmy empirisma [Two Dogmas of Empiricism]. *S logicheskoi tochki zrenia* [From a Logical Point of View]. Moscow, Kanon+, 2010, p. 45–80. (In Russ.)

Tarski A. On the Concept of Logical Consequence. *Logic, Semantics, and Metamathematics*. Oxford, Clarendon Press, 1956.

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-31-41

В. С. Диев

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

diev@smile.nsu.ru

РАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И РЕАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

Показано, что понятие рациональности в процессах принятия решений подверглось трансформации. Методологический вывод, который можно сделать на основании изучения реальной практики принятия решений в условиях риска, заключается в том, что необходимо учитывать нерациональность человека, как при анализе этих процессов, так и при построении их моделей. В условиях риска человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, и ему нужны общие методологические рекомендации для действий в этих условиях. Процедура принятия решений имеет одни и те же основы, которые можно построить в соответствии с общим методологическим алгоритмом, повышающим ее эффективность. В этом контексте обоснована необходимость нормативных моделей принятия решений, которые служат ориентирами и методологической основой действий для человека, стоящего перед трудной проблемой выбора, кроме того, они могут использоваться в процессе обучения.

Ключевые слова: рациональный выбор, принятие решений, модель, полезность, ценность, риск, методология.

Полагаю, что каждый человек испытывал трудности и переживания, связанные с принятием решений. Всякий сознательный человек преследует определенные цели и принимает соответствующие решения, связанные с их достижением. Уйти от принятия решений – значит уподобиться буриданову ослу. Полагаю, что можно даже дать определение человека, как существа, принимающего решения. Замечу, что любую человеческую деятельность без особых интеллектуальных усилий легко представить как цепочку принятия решений. Принятие решений является важнейшим продуктом человеческой деятельно-

сти. Решение – процесс и результат выбора цели и способа ее достижения. Решение является связующим звеном между познанием и тем или иным вариантом поведения, действия человека. Принятие решений – это мыслительный процесс, предполагающий предварительное осознание цели и способа действий, проработку различных вариантов. Важнейшей особенностью этого процесса является его волевой характер. В принятии решения интегрируются знания, интересы, мировоззрение человека. Оно служит основой самоидентификации человека, так как любой социальный тип, любой характер раскрывается только через сознательное действие [Диев, 2013].

Основное, что характеризует проблемы, стоящие перед современным человеком, будь то политика, экономика, наука или медицина, – это сложность и неопределенность. Будущее всегда открыто и неопределенно. Отношение человека к миру пронизано неопределенностью в той же мере, как и определенностью, принципиально важно единство этих моментов. Современное общество все чаще называют «обществом риска», поскольку неопределенность и риск и связанные с ними потенциальные угрозы не становятся меньше, а, наоборот, возрастают. В связи с этим возникает общая философская и методологическая проблема выбора и принятия решений в условиях неопределенности и риска. Именно проблемы принятия решений в условиях неопределенности и риска инициировали многочисленные исследования в математике, экономике, психологии, которые, с одной стороны, позволили получить результаты, удостоенные Нобелевских премий, а с другой, поставили целый ряд новых вопросов. Не менее важно, что неопределенность является не только фактором, но и неотъемлемым атрибутом человеческой деятельности. Стохастический характер природных и общественных явлений обуславливает невозможность однозначного предвидения развития событий. Задачи прогнозирования же требуют создания моделей возможных путей развития, при этом с количественной оценкой степени риска их осуществимости. Эти задачи являются междисциплинарными, они не укладываются в рамки одной или нескольких дисциплин, что требует привлечения не только междисциплинарных подходов, но и философского осмысления.

Выбор, который совершают люди, основывается на определенной модели рациональной деятельности. В этой связи возникает важнейший философский вопрос: а какие действия считать рациональными? В сороковые годы прошлого века выдающиеся ученые Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн создали теорию полезности, которая дает ре-

комендации, как рационально осуществлять выбор в экономике в условиях неопределенности и риска [1970]. Общеизвестно, что именно с работ Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна берет свое начало теория принятия решений как самостоятельное научное направление. Место теории принятия решений в системе наук довольно трудно определить. Очевидно, что она возникла вследствие экономических и политических потребностей, но сегодня ее уже нельзя отнести только к экономической или политической науке. Теория принятия решений активно использует методы философии, математики, психологии, в то же время она тесно связана с практикой. Ее становление неотделимо от развития компьютерной техники, формирования таких научных направлений, как исследование операций, системный анализ, проблемы искусственного интеллекта. Важно подчеркнуть, что теория принятия решений развивалась не путем последовательного и постепенного обобщения экспериментальных данных до разработки самых общих выводов и положений, а совсем иначе. Были сделаны попытки описать основные элементы процесса принятия решений на основе формально-логических, математических методов. При этом исходной точкой теоретических исследований являлись самые общие представления о сущности процессов принятия решений и возможностях используемых формализованных методов их описания и моделирования. Математические методы при этом используются, чтобы найти наиболее эффективный путь достижения определенной цели. Они отвечают на вопрос «как», а не «что» оптимизировать. Этот подход в теории принятия решений, получивший название нормативного, оказался весьма плодотворным, и сегодня нормативные методы теории принятия решений находят применение в самых различных сферах человеческой деятельности.

Хочу отметить, что еще задолго до появления теории принятия решений в экономике был поставлен вопрос о рациональном ведении хозяйства. В этом контексте необходимо упомянуть Адама Смита и его концепцию «невидимой руки рынка». Теория рационального выбора активно разрабатывалась, прежде всего, в экономических исследованиях. Сегодня теория рационального выбора рассматривается как универсальная парадигма исследований в области социально-гуманитарных наук. Конечно же, нужно специально выделить теорию и практику управления. Дело в том, что процессы принятия решений занимают в структуре управленческой деятельности центральное, иерархически главное место. Любая функция управления – планирование, организация, мотивация и контроль предполагает,

прежде всего, принятие решений для реализации этой функции. Решения в наибольшей степени определяют как результативные параметры, так и процессуальное содержание управленческой деятельности. При этом функция выработки решений выполняет структурообразующую роль в формировании и реализации управленческой деятельности [Диев, 2012]. В контексте социально-экономической деятельности рациональность выступает как форма целенаправленного, разумного действия и поведения человека. И конечно, в принятии решений человек опирается на определенные модели. В качестве эпиграфа к этой статье могла бы служить известная пословица: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». На «бумаге» планируется поведение в соответствии с рациональными модели, а «овраги» – это реальная действительность, с которой сталкивается человек в процессе принятия решений. Образно говоря, «овраги» бывают двух типов. Первый – это неопределенность и риск, а второй – сам человек.

Очень важно понимать различия между категориями «неопределенность» и «риск», которые носят принципиальный и концептуальный характер. В то же время можно встретить работы, где они считаются синонимами и используются как эквивалентные термины. В основе такой ошибочной точки зрения лежит большой массив работ по социально-экономической проблематике, авторы которых не слишком утруждали себя точным определением этих понятий. Возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет принципиально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда можно оценить вероятность реализации решения с учетом влияния природной среды, действий партнеров, противников и т. п. В ситуации риска существует количественная оценка последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность. Рискуя, человек выбирает альтернативу, являющуюся результатом принятого им решения, хотя возможный результат в точности ему не известен. Без принятия решения не возникает и рискованная ситуация и, следовательно не будет и риска. Без решения нет и риска! Ключевым здесь является вопрос об измерении риска, поскольку нельзя осуществлять рациональный выбор из возможных линий поведения, пока риск не оценен. Подчеркну, что риск является интегральной характеристикой, сочетающей в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и его последствий [Диев, 2010].

Важный методологический вопрос: в каких единицах измеряется риск? Как правило, для этого используется мера стоимости товаров и услуг, играющая роль всеобщего эквивалента – деньги, поскольку они выражают стоимость всех других товаров и обмениваются на любую из них. Но оказывается, что подход, при котором «цена потерь» исчисляется в деньгах, далеко не совершенен и приводит к противоречиям, как бы подтверждая пословицу «не в деньгах счастье». В 1738 г. Д. Бернулли опубликовал в «Известиях Императорской Санкт Петербургской Академии наук» статью «Изложение новой теории об измерении риска», где он сформулировал свой знаменитый санкт-петербургский парадокс. Ученый подвергает критике общепринятое предположение, что ожидаемое значение случайной величины вычисляется умножением всех возможных значений на число случаев, в которых эти значения могут иметь место, и делением суммы этих произведений на общее число случаев. И показывает, как это предположение приводит к противоречию и парадоксу.

Парадокс же состоит в следующем: уравновешенную монету, характеризующую тем свойством, что вероятность выпадения герба равна 0,5, бросают до тех пор, пока не появится герб. Игрок получает 2^n рублей, если первое выпадение герба произойдет на n -м испытании. Вероятность этого события равна вероятности последовательных появлений решек в первых $n - 1$ испытаниях и появления герба на n испытании, которая равна 0,5, умноженному само на себя n раз, т. е. $(0,5)^n$. Таким образом, игрок может получить 2 рубля с вероятностью 0,5, четыре рубля с вероятностью $(0,5)^2$, 8 рублей – с вероятностью $(0,5)^3$ и т. д. Следовательно, среднее значение выигрыша равно

$$2 \times 0,5 + 4 \times (0,5)^2 + 8 \times (0,5)^3 + 16 \times (0,5)^4 + \dots = 1 + 1 + 1 + \dots$$

И эта сумма бесконечна. Отсюда следует, что за право участия в такой игре можно заплатить сколь угодно большую сумму. Предположение о таком поведении явно неразумно! Как отметил Д. Бернулли, никто не будет руководствоваться средним денежным выигрышем.

Чтобы спасти принцип назначения цены игры в соответствии со средним выигрышем, Д. Бернулли предложил изменить анализ следующим образом. Он выдвигает тезис, что ценность чего-либо должна иметь основанием не цену, но скорее полезность. Понятие полезности ассоциируется с пользой, желательностью или удовлетворением. Поэтому переменными, подлежащими усреднению, Бернулли предлагает считать не действительную денежную стоимость исходов, а внутреннюю стоимость их денежных значений. Разумно предположить,

писал Д. Бернулли, что внутренняя стоимость денег увеличивается с ростом суммы денег, но в уменьшающейся степени.

Основной же тезис Д. Бернулли, который получил свое подтверждение в последнее время, таков: риск, воспринимаемый каждым по-своему, не может оцениваться одинаково. При этом оценка полезности благ не является простой линейной функцией и зависит от человека, находящегося в рискованной ситуации. Таким образом, знания цены и вероятности не всегда достаточно для определения ценности исхода, поскольку полезность в каждом отдельном случае может зависеть от субъекта, делающего оценку. А каждый субъект реагирует на риск в соответствии со своей системой ценностей. Философско-методологическое значение парадокса Д. Бернулли состоит в том, что он первым показал, что оценка риска зависит от субъекта! При этом деньги, несмотря на всю их универсальность, не могут служить единым средством «измерения» человеческих предпочтений.

Потребовалось двести лет, чтобы идеи Д. Бернулли получили дальнейшее развитие – только в сороковых годах прошлого века появилась теория полезности Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, позволяющая находить оптимальные решения в условиях риска. Теория Неймана – Моргенштерна представляет собой аксиоматическую систему. Она состоит из совокупности аксиом, касающихся предпочтений лица, принимающего рациональные решения, и следствий, которые выводятся из этих аксиом. Такой подход предполагает наличие определенных постулатов рациональности. Следуя этим постулатам и требованиям логики, ведется поиск наилучшего решения. А в качестве критерия выступает ожидаемая полезность. Можно сказать, что полезность является некоторой индивидуальной мерой психологической и потребительской ценности различных благ. Каждый человек на своих «внутренних весах» взвешивает различные альтернативы и выбирает ту, полезность которой больше. Такой подход исходит из индивидуальных предпочтений человека и позволяет сравнивать, казалось бы, несравнимые блага.

Аксиоматическая теория полезности, как и всякая модель, использует упрощающие предположения и абстрагируется от ряда особенностей процесса принятия решений. При этом делается три общих допущения. Первое – это наличие четко сформулированной цели, подлежащей максимизации и критерия ее достижения, четко сформулированного до начала процесса принятия решений; второе – наличие заданного перечня альтернативных путей достижения целей

или же формализованного способа построения и перебора альтернатив; третье – возможность достаточно полной оценки последствий осуществления каждой из альтернатив как с точки зрения затрат различного рода ресурсов, так и с точки зрения ее соответствия или несоответствия поставленным ограничениям.

Приведенные выше условия очень сложно реализовать в реальной практике принятия решений, поэтому закономерно, что теория полезности стала подвергаться обоснованной критике, буквально сразу после своего появления, прежде всего с позиций поведенческих наук. Данные экспериментов и наблюдений убедительно свидетельствовали о том, что зачастую люди ведут себя вовсе не в соответствии с аксиомами теории полезности. Нередко их предпочтения не транзитивны, нарушается принцип безразличия, который предусматривает подстановочность равноценных альтернатив. Три наиболее известных критика этой теории были удостоены Нобелевских премий в области экономики: Г. Саймон, М. Алле, Д. Канеман, перечисляю их в порядке хронологии получения премий. Это факт, на мой взгляд, говорит о большом теоретическом потенциале теории полезности. Наиболее известным критиком теории полезности является Г. Саймон, который акцентировал внимание на таких факторах принятия решений, как восприятие и познание человеком проблемной ситуации, поскольку их игнорирование привело к неадекватности модели субъективно ожидаемой полезности в широком круге задач. Г. Саймон считал, что при описании процесса выбора надо исходить из того, что альтернативы не даны, а должны быть найдены, равно как и оценки возможных последствий. В качестве замены теории полезности он предложил теорию «ограниченной рациональности», в соответствии с которой ограничения в познавательных возможностях человека заставляют его строить упрощенную модель мира, где он действует. На мой взгляд, несмотря на все недостатки и критику теории полезности, теории игр, методов исследования операций и других формализованных моделей принятия управленческих решений, они необходимы, применяются и будут применяться. Дело в том, что в условиях неопределенности человек хочет обладать рациональной основой для принятия благоразумных решений, и ему нужны общие методологические рекомендации для действий в этих условиях.

Нобелевская премия по экономике в 2017 г. была присуждена Ричарду Талеру за исследования в области поведенческой экономики. В своих работах он предложил учитывать человеческое поведение и слабости при принятии экономических решений, дал новое понима-

ние того, как эти факторы влияют на процесс и результат выбора. Поведенческая экономика изучает систематические отклонения людей от норм рационального поведения. Присуждение премии Р. Талеру, на мой взгляд, закрепило и подтвердило тенденцию учета поведенческих эффектов в моделях принятия решений. Начало же этой тенденции было положено несколькими десятилетиями ранее. Напомню, что в 2002 г. Д. Канеман был удостоен Нобелевской премии «за интеграцию результатов психологических исследований в экономическую науку, прежде всего в области суждений и принятия решений в условиях неопределенности». Исследования А. Тверски и Д. Канемана, посвященные тому, как люди принимают решения в условиях риска, как оценивают вероятности случайных событий, уже давно стали «классикой» [Judgment under Uncertainty..., 1982; Канеман и др., 2005]. С этими результатами, изложенными в популярной форме, можно ознакомиться в книге Даниэля Канемана «Думай медленно... решай быстро» [2014]. Наибольшую известность получила их «теория перспектив» (prospect theory), или, как можно встретить в отечественной литературе, – «теория проспектов» [Kahneman, Tversky, 1979; 1992; Choices, Values, and Frames, 2002]. Теория проспектов произвела если не революцию, то переворот в методологических основаниях теорий и моделей рационального поведения, поскольку объединила эмпирические знания о реальном поведении людей и нормативные модели.

Задача оценки человеком возможных вариантов решения в ситуации риска весьма не проста, поскольку она детерминирована культурой, ценностными предпочтениями личности и даже политическим контекстом. Соглашусь с образным сравнением В. Пелевина, который заметил: «Люди принимают решения на основе прецедентов и опыта. Человек – это просто инструмент приложения культуры к реальности» [2012. С. 165]. Методологический вывод, который можно сделать на основании изучения реальной практики принятия решений в условиях риска, заключается в том, что необходимо учитывать иррациональность человека, как при анализе этих процессов, так и при построении их моделей. В идеале модель должна строиться под конкретного человека и исходить из его индивидуальных особенностей. Полагаю, не вызывает сомнения тезис о том, что разработка конкретных решений в различных областях имеет свою безусловную специфику и требует специальных знаний. Но, несмотря на все различия профессионального характера, деятельность, или, более точно, процедура принятия решений, имеет одни и те же основы, которые можно построить в соответствии с общим методологиче-

ским алгоритмом, повышающим ее эффективность. Нормативные модели принятия решений служат ориентирами и методологической основой действий для человека, стоящего перед трудной проблемой выбора, кроме того, они могут использоваться в процессе обучения.

Список литературы

Диев В. С. Риск: оценка и принятие решений // *Философия науки*. 2010. № 4 (47). С. 15–32.

Диев В. С. Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Политология*. 2012. № 2. С. 59–66.

Диев В. С. Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // *Вопр. философии*. 2013. № 8. С. 4–11.

Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*: Пер. с англ. М.: АСТ, 2014. 653 с.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. *Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения*: Пер. с англ. Харьков: Изд-во Ин-та прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.

Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. *Теория игр и экономическое поведение*. М.: Наука, 1970. 708 с.

Пелевин В. О. S. N. U. F. F. // Виктор Пелевин. М.: Эксмо, 2012. 480 с.
Choices, Values, and Frames / Eds. D. Kahneman, A. Tversky. Cambridge Univ. Press, 2002. 840 p.

Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases / Eds. D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. Cambridge Univ. Press, 1982.

Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an Analysis of Decision Under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.

Kahneman D., Tversky A. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992. Vol. 5. No. 4. P. 297–323.

V. S. Diev

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

diev@smile.nsu.ru

RATIONAL MODELS AND REAL DECISIONS IN RISK SOCIETY

The article shows that the concept of rationality in decision-making processes underwent a transformation. The methodological conclusion that can be drawn from the study of real decision-making practices in the conditions of risk is that it is necessary to take into account the irrationality of the person, both in the analysis of these processes and in the construction of their models. In the conditions of risk, a person wants to have a rational basis for making prudent decisions, and he needs general methodological recommendations for action. The decision-making procedure has the same bases that can be built in accordance with the general methodological algorithm that enhances its effectiveness. In this context, the article provides justification for the necessity of normative decision-making models that serve as guidelines and a methodological basis for the person facing a difficult choice problem. In addition, these models can be used in education.

Keywords: rational choice, decision-making, model, utility, value, risk, methodology.

References

Choices, Values, and Frames. D. Kahneman and A. Tversky (eds.). Cambridge Univ. Press, 2002.

Diev V. S. *Filosofiya upravleniya: oblast issledovaniya i uchebnaya distsiplina* [Management philosophy: area studies and the discipline]. *Vestnik of Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Political Science*, 2012, no. 2, p. 59–66. (In Russ.)

Diev V. S. *Ratsionalnye resheniya: kriterii, modeli, paradoksy* [Rational solutions: criteria, models, paradoxes]. *Questions of Philosophy*, 2013, no. 8, p. 4–11. (In Russ.)

Diev V. S. *Risk: otsenka i prinyatie reshenii* [Risk: assessment and decision – making]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2010, no. 4 (47), p. 15–32. (In Russ.)

Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky (eds.). Cambridge Univ. Press, 1982.

Kahneman D. *Dumai medlenno... reshai bystro* [Think Slowly ... Decide Quickly]. Moscow, ACT Publ., 2014. (In Russ.)

Kahneman D., Slovic P., Tversky A. *Prinyatie reshenii d neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Decision-making in Uncertainty: Rules and Biases]. Kharkov, Izd. Institut prikladnoi psikhologii «Gumanitarnyi Centr», 2005. (In Russ.)

Kahneman D., Tversky A. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*, 1992, vol. 5, no. 4, p. 297–323.

Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an Analysis of Decision Under Risk. *Econometrica*, 1979, vol. 47, no. 2, p. 263–291.

Neumann J. von, Morgenstern O. *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie* [Theory of Games and Economic Behavior]. Moscow, Nauka, 1970. (In Russ.)

Pelevin V. O. S. N. U. F. F. Moscow, Eksmo, 2012. (In Russ.)

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-42-52

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

shev@philosophy.nsc.ru

ПРАКТИЧЕСКАЯ НОРМАТИВНОСТЬ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ОСНОВАНИЯ

Рассматривается связь нормативных утверждений и рациональных оснований (резонов) для действия. Проанализированы природа практического силлогизма и его роль и место в концепциях практической рациональности. Выявлены сложности, связанные с различием нормативных и объяснительных оснований, предложены способы сокращения разрыва между индивидуальной рациональностью и нормативностью.

Ключевые слова: нормативность, рациональность, внутренние и внешние основания, объяснение, практический силлогизм, контрфактические допущения.

В статье рассматривается связь нормативных утверждений (утверждений о должном) и рациональных оснований (резонов) для такого должного действия. Основания для действия могут быть двух видов: первые – это «фактические» основания, факты «внешнего мира», делающие должным то или иное поведение. Например, вы должны покинуть здание, так как начался пожар. Такие основания относят к внешним. Внутренние основания – такие, которые требуют от нас некоторого поведения в силу того, что у нас имеются индивидуальные цели или мотивы.

Наиболее общие основания должного поведения принято называть «источниками нормативности». К. Корсгаард, например, выделяет четыре основных источника нормативности поведения – правовой нормативизм, реализм, рефлексивное одобрение и автономию субъекта [Korsgaard, 1996]. В первом случае речь может идти не только о праве, идея здесь в том, что императив практического поведе-

ния задает чужая воля, а право представляет собой лишь наиболее очевидный пример такого волюнтаризма. Другой источник нормативности – реализм. Здесь утверждения о должном действии являются обязывающими в том случае, если соответствующий довод истинный, а истинен он только в том случае, если имеют место факты, к которым апеллирует этот довод. Третий источник нормативности – рефлексивное одобрение. Императивность здесь определяется тем, насколько хорошо то или иное ее обоснование согласуется с принятыми стандартами рационального рассуждения. И, наконец, наиболее интересный и важный с философской точки зрения источник нормативности – автономия субъекта, «самозаконность». В этом случае нормы не находятся во внешнем мире, а выводятся, создаются, конструируются человеческим разумом и волей на основе способности к автономному выбору или решению. Основания для действия становятся обязывающими только в том случае, если субъект, обладающий свободой воли, добровольно примет те или иные резоны как основания для своего поведения.

Знаменитое замечание Юма упрекает оппонентов в неправомерном переходе от утверждений о том, что есть, к утверждениям о том, что должно быть. Корректным переход может быть только в том случае, если имеется логический вывод, а он невозможен, поскольку речь идет о разных типах утверждений – фактических и утверждениях долженствования. «В каждой этической теории автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно: “есть” или “не есть”, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки “должно” или “не должно”» [1996. С. 511].

В современных обсуждениях проблем нормативности это различие трактуется как различие между двумя принципиально разными основаниями для действия – дескриптивными (объяснительными) и нормативными. С точки зрения нормативности проблема состоит в следующем: если согласиться с идеей Юма о полной независимости этих двух планов, то отсюда следует, что основания, объясняющие действия, могут быть никак не связанными с нормативными резонами, требующими тех же самых действий. Однако, как будет показано ниже, в случае ретроспективных рационализаций само различие между этими двумя типами нормативных оснований не является устойчивым.

Нормативными основаниями в данной статье будем называть только основания для действия, помня о том, что есть и другие нормативные основания (для мнений / верований, желаний, для институтов и т. д.) [Raz, 2011. Р. 13–35]. Связь нормативности действия с рациональными основаниями обычно предполагает принятие инструментальной модели рациональности, когда рациональность понимается как эффективность или оптимальность тех или иных средств для достижения поставленной цели. При этом сама цель на рациональность не оценивается. Цели и желания вместе со средствами их осуществления входят в состав практического рассуждения. Нормативность здесь относится, таким образом, к выбору средств для достижения желаемого результата и фактически совпадает с инструментальной рациональностью.

Логико-семантическая природа практических рассуждений впервые рассмотрена Аристотелем в «Никомаховой этике». Это, как правило, дедуктивный силлогизм, в котором из двух посылок следует практический вывод. «Одно мнение (т. е. посылка) касается общего, другое – частного, где, как известно, решает чувство, когда же из этих двух (посылок) сложилось одно (мнение), то при теоретической посылке необходимо, чтобы душа высказала заключение, а при (посылках), связанных с действием, – чтобы тут же осуществила его в поступке» [1984. С. 197].

Однако попытка поместить практическое рассуждение в основание теории практической рациональности сталкивается с рядом проблем. Первая проблема – идентификация практического силлогизма как особого типа рассуждения. Спорным моментом остается то, является ли таковым практический силлогизм, и если да, то что именно превращает практическое рассуждение в особый вид рассуждения – содержание посылок или форма вывода. Э. Энском специально рассматривает трудности идентификации практического силлогизма как особого типа рассуждения [Anscombe, 1978]. Среди имеющихся классификаций практических рассуждений можно выделить следующие: 1) по форме вывода – индуктивное и дедуктивное; 2) по содержащимся в них практическим модальностям – оценочное (содержащее такие модальности, как «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», «равноценно» и др.), деонтическое («обязательно», «разрешено», «запрещено», «безразлично» и др.), императивное («приказано», «рекомендовано» и др.). Такое разнообразие форм и выводов практического рассуждения – не единственная трудность, возникающая при реконструкции заключения как нормативного основания.

Мы уже отметили основную проблему, связанную с характером логических отношений в структуре практического силлогизма. В практических рассуждениях от посылок со связкой «есть» совершается переход к заключению со связкой «должен». Проблема здесь состоит в том, что логическое следование определяется в терминах истины, суждения же с «должен» не являются ни истинными, ни ложными. Еще одна трудность связана с возможной контекстуальной разнородностью, а зачастую, и противоречивостью исходных посылок. При невозможности их оценки на истинность, выбор определяется психологическими и ценностными факторами, не рассматриваемыми в традиционных теориях практических рассуждений. В качестве примера можно обратиться к дилемме Агамемнона. Когда обиженная богиня Артемида лишила его флот попутного ветра, то для того, чтобы выйти в море, Агамемнону пришлось принести в жертву свою дочь Ифигению. В терминах практического рассуждения эту ситуацию можно реконструировать следующим образом:

- Отец должен заботиться о дочери.
- Военачальник должен обеспечить успех похода.
- Условием начала похода является принесение в жертву дочери.
- Я, следовательно, должен...

Сами по себе посылки практического рассуждения непротиворечивы, противоречивыми они становятся лишь в контексте одного из эпизодов античной мифологии. В этом случае заключение в логическом смысле не следует из посылок, если, конечно, не включать дополнительные ценностные посылки о приоритетах предводителя ахейцев.

Следующее затруднение связано с возможным несоответствием между исходными посылками, встречающимися в практических силлогизмах, и действительными посылками, на основе которых люди принимают решения. В силу того, что человеческое рассуждение, как правило, является энтимемой, при конструировании практических силлогизмов (или при реконструкции предполагаемых рассуждений) посылки представлены в сокращенном виде. Посылки же действительного практического рассуждения обычно содержат различного рода конкретизирующие модификаторы, такие как «всегда», «иногда», «как правило» и т. д. Их игнорирование не только приводит к ошибкам при реконструкции практических рассуждений, но и увеличивает вероятность получения заключения, не соответствующего посылкам.

Одна из наиболее серьезных проблем при анализе нормативных оснований состоит в отказе оценивать на рациональность цели и желания субъекта. Если Раскольников хочет убить старуху-процентщицу и уйти от возмездия, то для него рационально убить и свидетелей преступления. Задавать же вопрос о том, следует ли Раскольникову вообще иметь такое желание – значило бы, по мнению Д. Юма и его последователей, совершать категориальную ошибку. Однако в современных представлениях о нормативном модель Юма серьезно корректируется. При сохранении связки «желание-действие», желанием часто считается не фактическое, имеющееся в наличии у субъекта действия, а желание некоторого идеализированного субъекта в идеализированной ситуации, т. е. такое желание, которое имел бы субъект, если бы был полностью рациональным, имел всю полноту информации, находился в эмоционально и психологически комфортном состоянии, понимал как полные последствия своего действия, так и последствия и связь совершения этого поступка с другими своими разумными и осознанными целями, в том числе долгосрочными. Таким образом, корректировка представлений Юма связана с большим количеством контрфактических допущений.

Такие операции идеализации могут оказаться не очень простым делом. Поскольку желания индивидов отличаются, то будут отличаться и желания идеализированные, «очищенные» от эпистемической и прочей неопределенности. Таким образом, на первом шаге рассуждения различные идеализированные субъекты могут иметь разные желания, требующие разных практических действий. Однако на втором шаге рассуждения рациональность все же требует «конвергенции», по выражению Смита [Smith, 1994. P. 173].

Причем такое сближение происходит не на уровне реальных желаний гипотетических идеализированных индивидов, а на уровне их гипотетических желаний. Такая двойная гипотетичность и контрфактичность («если бы полностью рациональные индивиды следовали полностью “правильным” желаниям») и позволяет сохранить привычную связь между желанием и рациональным действием, отмежевавшись, в то же время, от субъективизма Юма, допускавшего возможность очевидно «плохих», с обычной точки зрения, желаний: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [1996. С. 458].

Из проблемы практического поведения и практического выбора проблема выбора и оценки внутренних и внешних оснований часто

становится эпистемической. В силу неизбежной неполноты информации и познавательных ограничений субъекта регулярно возникают ситуации, в которых мы не только не должны действовать рационально, более того, нормативно верным будет поведение вопреки имеющимся у нас рациональным резонам.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример из статьи Брума, посвященной проблеме нормативности рациональности [Broome, 2007]. Представим себе, что вас угощают рыбным блюдом. Вы знаете, что отказываться от угощения невежливо, тем более что блюдо выглядит очень аппетитным. Кроме того, вы осведомлены о пользе рыбных блюд для здоровья. Таким образом, у вас имеется целый набор разумных оснований для того, что принять угощение. Однако вы не знаете, что предложенная рыба заражена сальмонеллезом. Конечно, этот фактор перевешивает все остальные, и с точки зрения должного поведения вы не должны есть эту рыбу. Но так как вы не знаете о болезни рыбы, то съесть ее было бы вполне рационально. Пример демонстрирует разрыв между требованиями рациональности и нормативности, обращает внимание на то, что рациональность не покрывает всю сферу нормативного, и на то, что, кроме рациональных оснований, концепция практической нормативности нуждается и в каких-то дополнительных способах оценки и отбора оснований. Поиску дополнительных ресурсов в сфере эпистемологии может помочь понимание разрыва между рациональностью и нормативностью по аналогии с разрывом между мнением и знанием в классической трехчастной модели знания как обоснованного истинного мнения [Карпович, Шевченко, 2013], хотя и с этой моделью связано немало проблем.

Говоря о внутренних и внешних основаниях, необходимо упомянуть о позиции, согласно которой самое это различие не имеет смысла. Точкой отсчета для современных дискуссий о внутренних и внешних основаниях стал тезис Б. Уильямса [Williams, 1981. P. 101–113], в котором он ставит под сомнение само существование специфически внешних оснований и утверждает, что все резоны для действия, на самом деле, являются внутренними. Основная идея состоит в том, что при соответствующем анализе все внешние основания представляют собой не объективный, независимый от субъекта резон в пользу некоторого действия, а утверждение о том, почему то или иное действие было бы хорошо или правильно совершить именно данному субъекту. Фактически это интернализм классического юмовского толка, согласно которому у субъекта есть нормативное основание

совершать некоторое действие только в том случае, если оно будет способствовать удовлетворению его желания. В противоположность этому главным тезисом экстерналистской позиции является отрицание идеи о том, что нормативные резоны вообще нуждаются в какой-либо связи с внутренней мотивацией.

Проблема с интернализмом в том, что он игнорирует многочисленные случаи существования внешних оснований для действия, которые могут очевидно противоречить нашим желаниям, в частности наличие моральных обязательств. Вообще говоря, сторонники экстернализма апеллируют обычно к моральной нормативности, указывая на существование универсальных моральных императивов, которые часто конфликтуют с нашими субъективными желаниями и мотивациями, но, тем не менее, требуют выполнения. Следование таким моральным императивам свидетельствует о наличии внешних оснований для действия. Кроме того, большинство людей признает существование моральных абсолютов и поступков безусловно неприемлемых, независимо от наших желаний и мотиваций.

В свою очередь, трудности экстерналистского подхода связаны с тем, что он не показывает, каким образом внешние объективные резоны могут мотивировать конкретного субъекта действия. В частности, Б. Уильямсу процесс мотивирования реального субъекта каким-то внешним резонаном представляется совершенно таинственным.

Одним из центральных аргументов в пользу интерналистской позиции является указание на связь рациональных оснований с объяснением. Д. Дэвидсон уже в статье 1963 г. [Davidson, 1963] отметил, что в объяснениях своих прошлых действий люди обычно ссылаются на причины, мотивы или основания, которые побудили или вынудили действовать таким образом. По мысли Дэвидсона, объяснение уже совершенного действия всегда включает то или иное указание на психологическое состояние субъекта, а следовательно, основаниями для действия всегда были представления или желания этого субъекта. Возникает вопрос: насколько обоснованно говорить здесь о нормативных основаниях, ведь на первый взгляд в объяснении речь идет об основаниях дескриптивных (объяснительных), в рамках уже проведенного ранее различия. Но, по мнению Дэвидсона, основания, приводимые субъектом для уже выполненного действия, не только объясняют это действие, но и оправдывают его. Речь, таким образом, идет о ретроспективной рационализации, смысл которой обычно в том, чтобы представить совершенное действие как нормативно

правильное. В этом рассуждении, следовательно, вообще стирается грань между основаниями объяснительными и нормативными.

Итак, проблема внутренних и внешних оснований выглядит следующим образом. Вряд ли можно сомневаться в существовании как внутренних, так и внешних оснований. И те, и другие вполне можно представить как нормативные, т. е. как не только объясняющие, но и рационализирующие, легитимирующие некоторое действие. Попытка стереть между ними всякие различия и представить внешние основания (такие, например, как моральные обязательства) как их интериоризацию субъектом также не выглядит слишком убедительной. Проблемой остается описание соотношения и конфликтов внутренних и внешних оснований поведения с точки зрения мотивирования субъекта к совершению некоторого действия. Как представляется, здесь может помочь расширение концептуального и методологического аппарата, используемого для описания таких ситуаций. Одна из перспективных возможностей – оценка на рациональность самих целей и желаний. В этом случае, рациональные основания, порожденные «плохими» желаниями или, например, «институциональными» стандартами, в отличие от стандартов моральных, будут забракованы, так как, по сути дела, будут являться «псевдо-основаниями» [Finlay, 2006. Р. 6–7]. Такой ход представляет собой и аргумент в пользу экстернализма, показывая, что имеющаяся мотивация не является ни необходимой, ни достаточной для того, чтобы считаться реальным основанием для действия.

Конечно, желания и страсти могут толкать людей как на дурные, так и хорошие поступки. Власть аффектов вовсе не обязательно ведет к эгоизму и у Юма: «Я не вступлю в противоречие с разумом и в том случае, если решусь безвозвратно погибнуть, чтобы предотвратить малейшую неприятность для какого-либо индийца или вообще незнакомого мне лица» [1996. С. 458].

Представляется, что дополнение инструментального аспекта рациональности аксиологическим является вполне обоснованным. Даже если согласиться с неуместностью оценки на рациональность целей и ценностей в рамках практических рассуждений, то это не означает невозможности и ненужности оценки их на рациональность вообще. Некритическое принятие ценностных установок служит источником серьезных трудностей и для экономических концепций рациональности, а отказ от оценки на рациональность целей субъекта делает ее фактически неприменимой для анализа реального поведения. Очевидно, что нельзя считать рациональным такое поведение,

которое либо направлено на реализацию противоразумных целей, либо основано на неверной трактовке ценностей.

Другой, косвенный, аргумент принадлежит самому Юму. Признавая приоритет аффектов, Юм в то же время считал, что аффекты могут быть как хорошими, так и плохими. Но инструментом различения хороших и плохих аффектов не могут быть сами аффекты, им может быть только разум. Кроме того, сама идея о возможной оценке целей и ценностей на рациональность содержится в самых разных философских и социологических теориях. При этом действительная или кажущаяся иррациональность целей становится определяющим фактором при анализе действий отдельных индивидов или функционирования социальных систем. Как противоразумные оцениваются фашизм, национализм, шовинизм, войны, критически оцениваются идеалы потребительского общества. И напротив, именно соответствие идеалов добра и справедливости требованиям разума объясняет стремление сделать их руководящими принципами поведения в обществе. С теоретической точки зрения аксиологическая оценка как внутренних, так и внешних рациональных оснований позволит надеяться на сокращение разрыва между рациональностью индивидуального субъекта и более строгими общенормативными требованиями.

Список литературы

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

Карпович В. Н., Шевченко А. А. Рациональность и нормативность: вера и знание // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, № 2. С. 16–23.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм. Д. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1.

Anscombe G. E. M. On Practical Reasoning // Practical Reasoning. Oxford, 1978. P. 33–45.

Broome J. Does Rationality Consist in Responding Correctly to Reasons? // Journal of Moral Philosophy. 2007. No. 4. P. 349–374.

Davidson D. Actions, Reasons and Causes // The Journal of Philosophy. 1963. Vol. 60. No. 23. P. 685–700.

Finlay S. The reasons that matter // Australasian Journal of Philosophy. 2006. Vol. 84. No. 1. P. 1–20.

Korsgaard C. M. *The Sources of Normativity*. Cambridge Univ. Press, 1996.

Raz J. *From Normativity to Responsibility*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.

Smith M. *The Moral Problem*. Oxford: Blackwell, 1994.

Williams B. *Moral Luck*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2018

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shev@philosophy.nsc.ru

PRACTICAL NORMATIVITY: INTERNAL AND EXTERNAL REASONS

The paper considers the connection between normative statements and rational grounds (reasons) for action. It analyzes the nature of practical syllogism and its role in conceptions of practical rationality. The paper also brings to light the difficulties related to differentiating between normative and explanatory reasons and offers ways of bridging the gap between individual rationality and normativity

Keywords: normativity, rationality, internal and external reasons, explanation, practical syllogism, counterfactual premises.

References

Aristotle. *Nicomahova etika* [Nicomachean ethics]. *Sochineniya*: V 4 t. [Collected Works: In 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, vol. 4. (In Russ.)

Karpovich V. N., Shevchenko A. A. Ratsionalnost i normativnost: vera i znanie [Rationality and normativity: faith and knowledge]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 16–23. (In Russ.)

Hume D. *A Traktat o chelovecheskoi prirode* [Treatise of human nature]. *Sochineniya*: V 2 t. [Collected Works: In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1991, vol. 1. (In Russ.)

Anscombe G. E. M. On Practical Reasoning. *Practical Reasoning*. Oxford, 1978, p. 33–45.

Broome J. Does Rationality Consist in Responding Correctly to Reasons? *Journal of Moral Philosophy*, 2007, no. 4, p. 349–374.

Davidson D. Actions, Reasons and Causes. *The Journal of Philosophy*, 1963, vol. 60, no. 23, p. 685–700.

Finlay S. The reasons that matter. *Australasian Journal of Philosophy*, 2006, vol. 84, no. 1, p. 1–20.

Korsgaard C. M. *The Sources of Normativity*. Cambridge Univ. Press, 1996.

Raz J. *From Normativity to Responsibility*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.

Smith M. *The Moral Problem*. Oxford, Blackwell, 1994.

Williams B. *Moral Luck*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1981.

УДК 165.24+159.923.5

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-53-62

Е. В. Пастухова¹, Н. В. Николина²

¹ Омский государственный педагогический университет
ул. Набережная им. Тухачевского, 14, Омск, 644099, Россия

² Колледж индустрии питания, торговли и сферы услуг
ул. Ивана Черных, 97, Томск, 634062, Россия

lyisyakova@mail.ru, nikolinanadya@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ

Раскрываются лингвистический и философский аспекты формирования языковой личности. Лингвистические исследования рассматривают определение, основные характеристики и уровни языковой личности. Философские исследования демонстрируют взаимосвязь развития языковой парадигмы с особенностями языковой личности.

Ключевые слова: личность, парадигма, понимание.

Вообразить язык, значит
вообразить форму жизни.

Л. Витгенштейн

Проблема определения и объяснения того, кто является языковой личностью, активно обсуждается в лингвистике, педагогике, психологии и других науках. Раскрытие природы языковой личности в современных условиях актуально. Интерес к изучению этой темы в различных академических кругах связан с тем, что в быстро развивающемся современном пространстве становится необходимым хорошо владеть не только родным (или первым) языком, но и иностранным (вторым или более). Изучение иностранных языков спо-

способствует изменению в психике, переосмыслению обыденных и научных знаний, частичному и полному погружению в культуру и т. д.

Такие изменения в сознании, культуре, эпистемологических и социальных установках необходимо фиксировать не только лингвистам или психологам, но и философам.

Лингвистический аспект

Языковая личность непосредственным образом связана с текстами, которые она читает, понимает, интерпретирует и создает в пространстве современной коммуникации. Сегодня междисциплинарные исследования, ядром которых становится человек, изучающий тексты, а также способы их усвоения, уделяют внимание как субъектам, тем или иным образом участвующим в формировании современной парадигмы, так и субъект-субъектным отношениям. Сам термин «языковая личность», введенный в науку И. Л. Вайсгербером и В. В. Виноградовым в 30-е гг. XX в. и получивший определение почти полвека спустя в трудах Н. Ю. Караулова и Г. И. Богина, в настоящее время активно разрабатывается и широко исследуется в рамках междисциплинарного подхода.

В своей работе по исследованию языковой личности Г. И. Богин создал модель, в которой человек рассматривается с точки зрения «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [1986. С. 3]. Он предлагает выделять пять уровней речевой способности.

- На низшем уровне необходимо соблюдать ряд правил, которые позволяют соотносить одно конкретное предложение с определенным языком.

- На следующем уровне, который называется «скорость», необходимо с учетом времени обоснованно распределить речевое событие, основываясь на способности понимания речи.

- Уровень насыщенности, характеризующийся способностью человека практически полностью использовать все возможные речевые навыки, но с учетом того, что транслирование содержания речи статично, т. е. не имеет вариаций (содержание дается только в прямом значении).

- Уровень адекватного выбора, при котором личность готова делать выбор в рамках одного предложения, но учитывая критерий адекватности текста.

- Уровень адекватной комплектации всего текста (высший уровень), при котором личность способна выбирать и объединять пред-

ложения, средства выражения в тексте, учитывая критерий адекватности; уровень показывает способность понимать и составлять тексты.

Уровневую организацию языковой личности предлагает Ю. Н. Караулов.

- Нулевой, структурно-языковой или семантический уровень, характеризующийся обыденной языковой семантикой («куда положить», «красивая кукла»). Для личности этот уровень является нулевым, так как практически не имеет содержания (бывают случаи, когда личность использует нестандартные ассоциации на этом уровне, но это не доказывает наличие более высокого уровня). Несмотря на то, что практически отсутствует содержание, этот уровень необходим для формирования личности. Большое внимание этому уровню уделяют при изучении иностранных языков.

- Первый или лингвокогнитивный уровень, при котором происходят поиск и выстраивание смысловой и ценностной последовательности в картине мира личности. Формирование индивидуальных смыслов и ценностей происходит на основе существующей культурной, социальной, научной и языковой парадигмы. На этом уровне личность способна критически оценивать устоявшиеся знания, мнения, теории и идеи и либо перенимать, либо изменять их.

- Второй уровень характеризуется установлением целей и причин, которые личность ставит перед собой в выборе смыслов и ценностей. Кроме этого, на данном уровне предполагается формирование мировоззрения.

Именно на такой структуре понимания языковая личность в лингвистике и лингводидактике становится отправной точкой многих дальнейших исследований по языку и тексту. Кроме понятия «языковой личности», в лингводидактике разрабатывается понятие «вторичной языковой личности», которое связывают с методикой преподавания иностранного языка. Вторичная языковая личность понимается как «совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур» [Гальскова, Гез, 2006. С. 66]. Уровневая организация также характерна для вторичной языковой личности. И. И. Халеева такую способность определяет исходя из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка (языковой парадигмой носителей этого языка) как формирование вторичного языкового сознания и «глобальной (концептуальной) парадигмы», позволяющей человеку понять новую социальную действительность.

В современных исследованиях широкое распространение получил термин «поликультурная языковая личность», которая определяется как «личность, в структуре которой средствами иностранного языка сформирован такой комплекс компетенций, который позволяет ей ориентироваться в концептосферах универсального и этнокультурного типов» [Халяпина, 2009. С. 232]. Поликультурная языковая личность отличается от «мультилингва» (от англ. multilingual – многоязычный) тем, что поликультурная языковая личность на основе анализа языка и речевого поведения осмысливает языковую парадигму, включающую универсальные языковые концепты и индивидуальные языковые особенности страны.

Философский аспект

В лингвистической литературе широко используется термин «парадигма», который определяется как модель, схема, совокупность языковых единиц. Разделяют морфологическую, лексическую, синтаксическую и словообразовательную парадигмы. В философии науки парадигма – совокупность научных знаний, идей, теорий, способствующих развитию науки в целом. Термин «парадигма» необходимо интерпретировать в двух значениях: как общее понятие, включающее достижения всех наук в определенный исторический период; как специальное обозначение системы знаний конкретной области науки. Формирование и развитие каждой парадигмы влияет на функционирование научной парадигмы. Языковая парадигма, таким образом, является одной из важных, может даже первых, ступеней появления новой научной парадигмы.

Языковая парадигма формирует языковую личность. Последовательно происходит приобщение субъекта к языку в процессе изучения грамматических категорий (морфологическая парадигма); производных или семантических изменений слов (словообразовательная парадигма); способов объединения слов (лексическая парадигма) и правил построения предложений (синтаксическая парадигма). Схема развития в рамках языковой парадигмы характерна для первичной, вторичной и поликультурной языковой личности. Высшей ступенью для развития науки является формирование поликультурной языковой личности, так как осуществляется обмен культурных и научных парадигм.

В философии концепции формирования языковой личности, значения и влияния языковой парадигмы на развитие научного знания практически не рассматривались. Например, В. А. Фриауф в статье

«Языковая парадигма русской философии» исследует особенности интерпретации природы языка в русской традиции в отличие от западноевропейской. Он приходит к выводу, что «язык-символ парадигмально определяет специфику русской философии. Вернее, речь идет о тех превращенных формах языка-символа, который хранит и продуцирует православный культ и православная культура» [2010. С. 55]. Языковая парадигма, таким образом, базируется на мистических и религиозных традициях, что определяет употребление тех или иных слов-символов в русской философии. В области философии языка детально рассматриваются и разрабатываются варианты решения проблем интерпретации, семантики, лексики, понимания речи и языка. Исследования Г. Фреге, Б. Рассела, У. В. О. Куайна, Л. Витгенштейна и других – варианты понимания способов формирования, развития и влияния языковой парадигмы на человека, науку и культуру. Например, исследования Л. Витгенштейна можно назвать попыткой понять и обозначить языковое пространство, в котором находится человек. «Лишь внутри языка я могу подразумевать что-то под чем-то» [2011. С. 39]. Понимание предложений, по мнению У. В. О. Куайна, как первичного этапа, показывает стадии усвоения языка: использование слов в коротких предложениях; понимание значения и смысла употребления слов; построение более длинных предложений с этими словами. Согласно этому, «процесс, ведущий от чувственного возбуждения к объективной референции, должен рассматриваться как берущий начало в обусловленности простого предложения стимулирующими событиями и постепенно продвигающийся к уровням, все более тождественным объективной референции» [1998. С. 322].

Языковая парадигма включает несколько обязательных уровней формирования языкового пространства, характерных для всех видов языковой личности: словообразование; построение словосочетания, высказывания, текста; понимание; повторение и возобновление; обмен. Л. Витгенштейн обращает внимание на то, что наиболее важным уровнем является понимание. Словообразование, построение текстов производится по изученным схемам и правилам. «В общих чертах линия аргументации Витгенштейна достаточно проста – это утверждение необозримости содержания правила в конечном опыте употребления языкового выражения, что приводит к ситуации неопределенности в вопросах различения правил и подведения конкретного употребления выражения под то или иное правило» [Суровцев, Ладов, 2008. С. 17]. Понимание – более сложный процесс освоения языка, чем знание правил. «Понять предложение – значит понимать

язык. Понять язык – значит овладеть техникой» [Витгенштейн, 2011. С. 129]. Умение построить предложение или текст в соответствии не только с правилами, но и со способностями и мировоззрением воспринимающего, – овладение первыми уровнями, однако, понимание предполагает наличие и других характеристик. У. В. О. Куайн пишет, что предложения наблюдения можно охарактеризовать как носители научного эмпирического свидетельства. Предложения наблюдения осуществляют первые контакты в ходе овладения языком. «То, что предложения наблюдения выполняют две функции – носителей эмпирических свидетельств и входа в язык, – ни в коей мере не удивительно. Предложения наблюдения соединяют язык, научный и вненаучный, с действительным миром, о котором язык только и говорит» [2003. С. 4]. Язык находится в бесконечном движении, поэтому языковая парадигма не стабильна. Поскольку языковая личность улавливает изменения, происходящие в языке, то одной из характеристик является гибкость. «Язык – лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь свой путь; ты идешь к тому же месту с другой стороны и уже не знаешь пути» [Витгенштейн, 2011. С. 131]. Понимание предполагает умение распознавать контекст, т. е. способность «заходить» с разных сторон.

В случае с вторичной и поликультурной языковой личностью дело обстоит сложнее. Один и тот же смысл может выражаться разными способами в различных языках, хотя это встречается и в одном и том же языке. Согласно Г. Фреге, «можно сделать так, чтобы грамматически правильно построенное выражение, представляющее собственное имя, всегда имело один и тот же смысл; но имеет ли оно еще и значение – остается проблематичным» [2002. С. 231]. Главным критерием понимания смысла становится то, с какими текстами приходится сталкиваться. Целесообразно здесь будет говорить о понимании специальных научных текстов на иностранном языке, как о метапонимании. Если неискушенный читатель или потребитель захочет прочесть даже небольшой отрывок из философского текста, то ему может показаться это затруднительным, еще более трудоемким это будет, если речь пойдет о нем на иностранном языке. В этом случае для понимания важными становятся уровни повторения, возобновления и обмена. Методика обмена культурным и языковым опытом с иностранцами или «носителями» языка стала наиболее эффективным способом изучения и понимания языка. Таким образом, происходит переход на более высокий уровень понимания – метапонимания, с помощью которого можно овладеть не только техникой, но и усвоить культурную составляющую. «Мы говорим, мы произносим слова и лишь

позднее получаем картину их жизни» [Витгенштейн, 2011. С. 305]. «Картиной жизни» слов является языковая парадигма.

Термины «языковая парадигма» и «языковая личность» широко используются в лингвистике, психологии, педагогике, но не в философии. Думается, что употребление этих терминов в области философии языка, социальной философии, философской антропологии способствовало поиску возможных решений различных философских проблем или созданию новых направлений. Кроме этого, языковая личность, как носитель и транслятор научных, социальных и культурных знаний, может стать предметом изучения современной философии науки и социальной эпистемологии.

Языковая личность в контексте полипарадигмальности

Сейчас параллельно с языковой личностью психолингвистами, нейрофизиологами, философами и другими учеными исследуется личность речевая, дискурсивная и т. д. Выделяемые общенаучные, мировоззренческие и гносеологические парадигмы не существуют абсолютно разрозненно, они неразрывно связаны друг с другом. Процессы социализации и индивидуализации личности ориентированы на различные парадигмальные установки. Языковая личность в этом контексте требует изучения именно с позиций полипарадигмальности как в науке, так и в образовании.

Дело в том, что в контексте современной глобализации нельзя переоценить роль изучения вторичной языковой личности. В мире, где почти каждый человек становится вторичной языковой личностью, стремясь приобщиться к культуре и современному мировому сообществу, есть необходимость задуматься над тем, как сделать этот процесс приобщения комфортным и подходящим для определенного человека в конкретной ситуации. В современном коммуникационном обществе главным условием становится изучение как минимум одного, а то и нескольких иностранных языков. И это не просто показатель образованности, это необходимое условие востребованности на профессиональном уровне и не менее необходимое умение общаться, используя иностранный язык, на бытовом уровне.

В таком аспекте рассматриваемая языковая личность и то, как она себя ведет на различных коммуникационных уровнях, требует изучения именно в контексте повсеместно окружающей ее полипарадигмальности. Если говорить о парадигме как о гносеологических и онтологических представлениях о науке, то несложно заметить,

что в рамках широко распространенного в настоящее время междисциплинарного подхода именно полипарадигмальность обеспечивает формирование новых механизмов объяснения эпистемологической практики на уровне методологии и теории.

Основанием полипарадигмальности выступают идея диалогичности, представление о множественности способов постижения бытия, идея интерпретации и вариативности субъектом познания единого смыслового континуума. Выраженная в полемике, эклектике, параллельности и ситуативности, полипарадигмальность как парадигма современной науки в целом характеризуется открытостью сознания, внеоценочным рассмотрением информации, а также множественности интенциональных направленностей в образовании.

Список литературы

Витгенштейн Л. Философские исследования / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ: Астрель, 2011. 347 с.

Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Калинин, 1986. 86 с.

Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: Учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 336 с.

Куайн У. В. О. Эмпирические свидетельства // Вестн. Москов. ун-та. Серия 7: Философия. 2003. № 3. С. 3–19.

Куайн У. В. О. Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998. С. 322–342.

Суровцев В. А., Ладов В. А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 136 с.

Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. трудов / Пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 512 с.

Фриауф В. А. Языковая парадигма русской философии // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, № 3. С. 49–55.

Халяпина Л. П. Формирование поликультурной языковой личности как цель обучения иностранным языкам в условиях глобализации общества // Вестн. Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 10. С. 230–236.

Материал поступил в редколлегию 22.03.2018

E. V. Pastukhova¹, N. V. Nikolina²

¹ Omsk State Pedagogical University
14 Tukhachevsky Embankment Str., Omsk, 644099, Russian Federation

² College of Food Industry, Trade and Service
97 Ivan Chernykh Str., Tomsk, 634062, Russian Federation

lyisyakova@mail.ru, nikolinanadya@gmail.com

LINGUISTIC PERSONALITY: LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

The article shows linguistic and philosophical aspects of the formation of the language personality. Linguistic studies consider the definition, main characteristics and levels of the language personality. Philosophical studies demonstrate the relationship between the development of the language paradigm and the peculiarities of the language personality.

Keywords: personality, paradigm, understanding.

References

Bogin G. I. *Model yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [The Model of the Language Personality in its Relation to the Varieties of Texts]: Avtoref. diss. dok. philol. n. Kalinin, 1986. (In Russ.)

Frege G. *Logica i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]: collection of works. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. (In Russ.)

Friauf V. A. Yazykovaya paradigma russkoi filosofii [The Language paradigm of russian philosophy]. *Proceedings of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2010, vol. 10, no. 3, p. 49–55. (In Russ.)

Gal'skova N. D., Gez N. I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Teaching Foreign Languages. Linguodidactics and Methods]: Uchebnoe posobie. Moscow, Akademiya Publ., 2006. (In Russ.)

Khalyapina L. P. Formirovanie polikul'turnoi yazykovoi lichnosti kak tsel' obucheniya inostrannym yazykam v usloviyakh globalizatsii obshchestva [Formation of multicultural language personality as the goal of teaching foreign languages in a globalized society]. *Vestnik of Tambov University. Series: The humanities*, 2009, no. 10, p. 230–236. (In Russ.)

Quine W. V. O. Empiricheskie svidetel'stva [Empirical evidence]. *Vestnik of Moscow State University. Series: Philosophy*, 2003, no. 3, p. 3–19. (In Russ.)

Quine W. V. O. Veschi i ikh mesto v teoriyakh [Theories and Things]. *Analytical Philosophy: Formation and Development (Anthology)*. Moscow, 1998, p. 322–342. (In Russ.)

Surovtsev V. A., Ladov V. A. *Wittgenstein i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskii argument i tochka zreniya soobshchestva* [Wittgenstein and Kripke: Following the Rule, Skeptical Argument and Community Point of View]. Tomsk, Tomsk State University, 2008. (In Russ.)

Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Research]. Moscow, ACT Publ., Astrel, 2011.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 342.2; 316.012; 316.4; 94; 94 (4)
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-63-74

Н. С. Розов

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия*

nrozov@nsu.ru

КОГДА НАЧАЛАСЬ ЭПОХА МОДЕРНА И ЗАКОНЧИЛАСЬ ЛИ ОНА?

Рассматриваются вопросы сущности, генезиса модерна и квалификации настоящего времени на основе ранее развитого подхода к периодизации Всемирной истории, который включает базовые понятия: «стадии социальной эволюции», «великие трансформации – эволюционные сдвиги» и «эпохи доминирования». Модерн не отделим от модернизации, которая трактуется как комплекс автономных процессов бюрократизации, секуляризации, капиталистической индустриализации и демократизации (Р. Коллинз). Кроме того, с модерном обычно ассоциируются вполне определенные характеристики государства, общества и культуры: подъем национальных государств, гражданское равенство, просвещение, доминирование научного дискурса, расцвет идеологий, «большие нарративы». При сопоставлении этих признаков с крупными историческими явлениями Европы последних пяти столетий выделены следующие этапы: предистория модерна как переход от эпохи зрелой государственности к эпохе сквозной государственности в начальной форме «абсолютизма» (начало XVI – середина XVII в.), ранний модерн и *Модернизация-1* (середина XVII – начало XIX в.), классический модерн и *Модернизация-2* (начало XIX – конец XX в.). Представлены аргументы в пользу того, что эпоха модерна отнюдь не завершилась, а в настоящее время (с начала XXI в.) идущие крайне противоречивые процессы следуют трактовать как очередной переходный период – *Модернизацию-3*.

Ключевые слова: модерн, модернизация, социальная эволюция, история Европы, бюрократизация, секуляризация, капиталистическая индустриализация, демократизация, зрелая государственность, сквозная государственность, абсолютизм, идеологии.

Структурирование истории, выделение эпох и границ между ними, определение современной эпохи – вопросы этой области не решаются научными методами, они были и будут предметом идеологических, моральных и философских дискуссий.

Здесь есть зоны относительного согласия и зоны острых разногласий. Ни у кого не вызывает сомнений, что в Европе, а затем и во всем мире, шли процессы модернизации, на смену традиционным обществам приходили «современные» общества, или общества «модерна». Относительно содержания, направленности, моральной оценки модернизации ведутся нескончаемые дискуссии. Также нет никакого консенсуса, когда модернизация началась: здесь разброс мнений примерно от XII до XVIII в. Предметом актуальных споров являются также вопросы о том, завершилась ли эпоха «модерна», если да, то когда и что об этом свидетельствует, реальна ли эпоха «постмодерна» или она осталась лишь философской фикцией, как относиться к появляющимся новым заявкам на «постпостмодерн», «неопостмодерн», «метамодерн» и т. п.

Идеологичность, партийность, политизированность и морализм обычно мешают задачам осмысления и структурирования истории, поскольку в этих контекстах идеологи и моралисты пытаются использовать ее в риторических и пропагандистских целях. В целях преодоления таких искажений в основу структурирования будет положена единая ценностно-нейтральная концептуальная схема.

В данной работе представлена версия структуры истории, использующая такие базовые концепты, как «стадии социальной эволюции» [Дьяконов, 1994; Карнейро, 1997], «великие трансформации» [Sanderson, 1995], «фигурации» [Элиас, 2001] и этапы «модернизации», которая в этом контексте выступает не как беспрецедентное явление, а как серия трансформаций в общем ряду крупных сдвигов, составляющих социальную эволюцию [Структуры истории, 2001].

Будем опираться на сделанную ранее разработку периодизации всемирной истории [Розов, 2002. Гл. 5], где по 10 критериям доминирования выделены стадии социального развития (предыстория человечества, первобытность, варварство, ранняя государственность, зрелая государственность и сквозная государственность), разделяющие их великие трансформации (антропогенез, неолитическая революция, политогенез и рождение цивилизаций, завоевательная и коммерческая интеграция, модернизация). Очевидно, что разные общества как совокупности поселений с единством политико-правового и культурного режимов переживают стадии социальной эволю-

ции и трансформации (переходы от стадии к стадии) в разное время. Поэтому наряду со стадиями развития обществ были выделены эпохи, которые характеризуются подъемом, достижением и утратой доминирования обществ определенной стадии развития. Далее будем преимущественно говорить только о передовых обществах Европы и Северной Америки, поэтому различие между стадиями развития и эпохами доминирования здесь не особенно релевантно и не будет учитываться.

- *Предыстория человечества.*

Антропогенез, становление кроманьонцев, вытеснение конкурентов (питекантропов, синантропов и пр.).

- *Первобытность* (бродячие группы, стойбища, деревни охотников, собирателей, рыболовов, мифы и общинные ритуалы).

Неолитическая революция, одомашнивание животных и растений, развитие технологий глубокой переработки (керамика, металлургия, ткачество) и технологий хранения урожая.

- *Варварство* (вождества-чифдомы с социально-политической иерархией, зачатками сословий, эпос, генеалогии, первые религии поклонения).

Политогенез, переход к уровню цивилизаций с государственностью, письменностью и городами.

- *Ранняя государственность* с формальной административной структурой, сословиями, жреческими, церковными организациями.

Завоевательная и рыночная интеграция, от ранней к зрелой государственности.

- *Зрелая государственность* с обширными империями, первыми мир-экономиками и союзами торговых городов, феодальными иерархиями, рентными отношениями, ростовщичеством, торговым капиталом, прозелитическими «вселенскими» церквями.

Далее предполагалось, что в процессах модернизации складываются общества со *сквозной государственностью*, вслед за чем ожидалась эпоха *сензитивных обществ* с эффективным «чувствилищем», т. е. комплексом социальных наук, экспертного знания, позволяющим прогнозировать и преодолевать кризисы и угрозы [Розов, 2002. Гл. 5].

В данной версии периодизации обнаружили следующие трудности:

1) представление о переходе к новой стадии – сензитивных обществ – оказалось слишком утопичным; наиболее острые трудности и угрозы (от экономических кризисов до терроризма, гибридных войн и аннексий) прогнозировать и надежно преодолевать не удастся;

2) эпоха сквозной государственности оказывается слишком «размытой», внутри нее происходят существенные качественные изменения, которые как раз и концептуализируются обычно как «модернизация»;

3) в рамках прежней схемы «стадии развития / великие трансформации / эпохи доминирования» остается непоясненным вопрос о том, где начало эпохи «модерна», завершилась ли она, а если завершилась, то как конец «модерна» соотносится со стадиями развития и эпохами доминирования.

Эпоха сквозной государственности начинается в XVI в. со становления первых абсолютистских монархий (первопроходцем стала Испанская империя) с резким усилением бюрократии, соответствующей централизации силовых, производственных и финансовых ресурсов, распространением законодательства, образовательных и фискальных систем, проникновением государства внутрь ранее автономных провинций и поселений.

Крупные сдвиги, связанные с Великой Французской революцией, «Весной народов» 1848–1849 гг., распространением всеобщего избирательного права в 1920-х гг. и реформами ведущих западных держав после кризиса 1968 г., отнюдь не лишают фигурацию свойства «сквозной государственности», но, скорее, усиливают его. Таким образом, крупная трансформация здесь происходит *внутри* эпохи сквозной государственности, грубо говоря, от *абсолютистских монархий* через *суверенные государства* и *гражданское равенство* пришли к *социальным государствам*. Собственно, эта трансформация совпадает по времени, а во многом и по содержанию с модернизацией. Модернизация происходит внутри эпохи, делится на этапы, к определению которых мы еще вернемся.

Что же считать переходом от предыдущей эпохи *зрелой государственности* к эпохе *сквозной государственности*, когда бюрократия с фискальной и рекрутской функциями, а также рынки, системы образования, пропаганды и пр. неуклонно добираются до каждого домохозяйства и индивида?

Переходный период предположительно должен характеризоваться повышенной конфликтностью, начинаться с серии событий, ведущих к фундаментальным изменениям, и завершаться установлением некоего нового порядка, который если и не устранил конфликты и турбулентность, то хотя бы даст принципы, средства для разрешения кризисов.

Ровно этими условиями в Западной Европе обладает период с 1500 по 1648 г. Вокруг первой даты расположились великие географические открытия (значение которых для последующего развития Европы и мира излишне пояснять), а также начало Реформации, кризис *Rex Christiana*, бурное развитие коммерческих и финансовых технологий в обществах Северной Италии, которые вскоре соединились с могуществом Испанской империи как первопроходцем сквозной государственности XVI в. Тогда же (после поэмы Бранта *«Корабль дураков»* 1494 г.) получила распространение «литература о дураках» с острой социальной критикой, направленностью на изменение, исправление порядков и нравов. Дискурс оставался преимущественно религиозным. Весь этот период Европу сотрясают религиозные войны, что завершилось Вестфальским миром – новым международным порядком и принципом суверенных государств, сменившим прежнюю «матрешечную» структуру от империи, лоскутных династических владений и королевств до мелких графств и рыцарских имений.

Если понимать под модернизацией четыре автономных процесса: бюрократизацию, секуляризацию, капиталистическую индустриализацию и демократизацию [Коллинз, 2015. Гл. 5], то имел место лишь первый компонент с яркой выраженностью только в Испании. Развернулась же по-настоящему бюрократизация в европейских государствах уже после Вестфальского перелома. Поэтому данный период правомерно называть «суверенизацией» или «предмодернизацией».

Под «модерном» обычно понимают эпоху, начавшуюся с французского Просвещения XVIII в. и продолжавшуюся до 1970–1980-х гг., когда модерн будто бы завершился и началась эпоха «постмодерна». Качественно модерн характеризуют становлением и расцветом национальных государств, растущей верой в науку и прогресс, индустриализацией и урбанизацией, наличием «больших нарративов» (марксизм, фрейдизм), бурным развитием и доминированием идеологий (либерализм, консерватизм, социал-демократия, социализм, коммунизм, фашизм, нацизм, феминизм, экологизм, гуманизм и др.), а также «модернизмом» в искусстве как устремленностью к беспрестанному обновлению стилей и форм.

Был ли модерн до XVIII в. и действительно ли завершился в последней четверти XX в.? При поиске ответов на эти вопросы будем ориентироваться не на «обычно принятое», «авторитетные мнения» или «как написано в Википедии», а на наличие / отсутствие наиболее существенных черт модерна за пределами указанных границ.

Делегитимация традиционных порядков (римской церкви, Империи) началась уже в XVI в. в ходе Реформации. Строго говорить об идеологиях еще нельзя, однако внецерковная социальная и политическая мысль вполне уверенно развивалась (Макиавелли, Томас Мор, Жан Боден, Вико, Гоббс). С XVI–XVII вв. уже шел бурный расцвет наук нового типа (Галилей, Тарталья, Кеплер, Декарт, Бэкон, Ньютон, Лейбниц и др.). Начиная с середины XVII в. стали учреждаться и расти суверенные государства – предтечи будущих национальных государств (государств-наций) [Тилли, 2009].

XVIII век обычно причисляют к модерну, поскольку именно тогда появляются самосознательная идеология Просвещения, учение о прогрессе человеческого разума. Однако следует заметить, что вплоть до перелома Французской революции и Наполеоновских войн эти идеи никак нельзя назвать доминирующими даже во Франции, Голландии, Англии и Пруссии – тогдашних флагманах модернизации и передовых идей. Поскольку социальной и политико-правовой основой обществ является государственность, Французская революция здесь также совершила кардинальный перелом в устранении сословности и прокламировании гражданского равенства. Поэтому примерно с начала XIX в. этот пришедший из Североамериканских штатов принцип стал с разной скоростью и известными препятствиями распространяться в Европе, а затем по всему миру.

Рассмотрим период в полтора столетия, с Вестфальского мира 1648 г. до коронации Наполеона Бонапарта в 1804 г. как условной вершины того социального и политико-правового порядка, который станет явным и неявным образцом для подражания в последующие десятилетия (несмотря на поражения и распад самой наполеоновской империи). Это уже явно модерн, но пока что без его важнейших признаков, поэтому естественно данный период назвать «ранним модерном».

Тогда же идет полнокровная модернизация: к бюрократизации добавляются секуляризация (идеи французского Просвещения, официальное вольтерьянство в поднимавшейся Пруссии, принципы веротерпимости и свободы совести в Англии, антиклерикализм во Французской революции), капиталистическая индустриализация (промышленная революция в Нидерландах и Англии) и значительный прорыв в демократизации (парламентские системы в США и революционной Франции). Соответственно, следует говорить о ранней модернизации, первом этапе модернизации, или же *Модернизации-1*.

С начала XIX в. и на протяжении большей части XX в. происходят новые значимые процессы:

- начинают доминировать национальные государства, поэтапно продвигающиеся к гражданскому равенству и демократии;
- философия и науки вытесняют религии и церкви из образовательных систем и из центра общественной жизни, публичного дискурса;
- государства и общества делают ставку на беспрестанное обновление знаний и технологий;
- расцветают идеологии и «большие нарративы», создаются громадные исторические компендиумы; начинают доминировать ранее появившиеся идеи прогресса и эволюции;
- в искусстве и литературе проходит впечатляющий парад сменяющих друг друга стилей от романтизма до сюрреализма и далее, быстро сменяются моды и субкультуры;
- уверенно утверждается сквозная государственность посредством все более мощной и разветвленной бюрократии, расширяются функции здравоохранения, экологии, социального и пенсионного обеспечения, заботы о детстве, материнстве, инвалидах и т. п., что означает становление *социальных государств*.

Все эти черты составили новую эпоху, адекватным именем которой является «классический модерн». Тогда же идут процессы классической модернизации, или *Модернизации-2*.

Окончилась ли эпоха модерна? Отнюдь. Главные составляющие никуда не делись. Продолжают развиваться науки и технологии. Не снижается интенсивность поиска, конкуренции новых социальных и политических идей. В философии, науке, литературе, искусстве сохраняется сама направленность на новое. Вовсе не исчезли национальные государства, продолжает развиваться бюрократия, государство проникает во все новые сферы жизни граждан, в том числе с помощью новых технологий. Нынешние информационные и биотехнологии, робототехника, новая энергетика, всевозможные стартапы и пр. являются очередным этапом капиталистической индустриализации. Демократии хоть и испытывают известные трудности и кризисы, но движения, борющиеся за развитие демократии, справедливость, равенство, не исчезли, а только набирают силу, пусть в разных формах и под разными флагами. Поэтому следует признать, что слухи о «смерти модерна», мягко говоря, преувеличены.

Вместе с тем следует согласиться, что многие характеристики классического модерна – наивная вера в технический прогресс. Надежды

на построение идеального научного языка и единой безукоризненной логики, уверенность в том, что с помощью какой-либо «единственно верной» идеологии, научной теории или особого эстетического взгляда на мир можно решить основные человеческие, социальные, политические проблемы, – все они остались в прошлом. Уже не создаются «большие нарративы», а если и будут созданы, то не достигнут масштабов популярности марксизма или фрейдизма.

Итак, классический модерн действительно завершился. Но когда именно? Есть три главных претендента на роль переломного момента – конца классического модерна.

Первый – философский – связан с широким признанием фиаско надежд логицизма, логического позитивизма представить универсальную систему научного языка, лишённого парадоксов и недостатков. В 1970-е гг. широкое обсуждение книг Т. Куна и М. Фуко, становление постпозитивизма, неоструктурализма, лингвистический поворот привели к рождению открыто антипросвещенческой и антиисциентистской философии «постмодернизма».

Второй перелом – идеологический – произошел в связи с распадом Варшавского блока (1989 г.) и СССР (1991 г.), когда коммунистическая альтернатива мирового развития окончательно угасла. Провозглашенный Ф. Фукуямой «конец истории» фактически означал конец классического противостояния идеологий как значимого смыслового содержания классического модерна.

Наконец, третий перелом, который назовем «глобально-поляризационным», – это серия терактов 11 сентября 2001 г., ставших символом глубокого и растущего разрыва между группами обществ, одни из которых быстро развиваются и богатеют, а другие не желают мириться со своим отставанием, бедностью, подверженностью внешнему влиянию и заинтересованы в конфликтах, войнах, отчуждении, вкладывают ресурсы в поддержание напряженности и конфронтацию. Если в эпоху классического модерна доминировали идеи «развития», «подтягивания» и «догоняния» (хоть в разных идеологиях пути этого развития понимали по-разному), то связанный с терактами 11 сентября 2001 г. религиозный фундаментализм, процессы десекуляризации и клерикализации, озабоченность правящих элит многих обществ «духовностью», «скрепами», «цивилизационным кодом», «возвратом к корням», нарастание конфликтов, связанных с «оскорбленностью» и «обиженностью» и т. п. привели к новой атмосфере.

Не просматривается какой-либо убедительный довод, который позволял бы отдать безусловное первенство одному из этих перелом-

ных моментов. Вообще говоря, 30 лет (последняя треть XX в.) – малый исторический срок, вполне соотносимый по длительности с началом эпохи классического модерна (1789–1815 гг.) и с началом переходного периода (1497–1517 гг.) от эпохи зрелой государственности к раннему модерну.

Три вехи, знаменующие окончание классического модерна, имеют сквозной смысловой инвариант, который можно назвать «расставание с великой рациональной надеждой». В философском переломе интеллектуалы расстались с надеждами построить абсолютно безукоризненную логическую и языковую систему. В идеологическом переломе политики и идеологи расстались с надеждами на построение мира без неравенства и эксплуатации. В глобально-поляризационным переломе сами общества и государства расстались с надеждами на глобальное будущее без международного отчуждения, войн, кровавых конфликтов.

И что следует после классического модерна? В какой эпохе находимся мы сейчас – на исходе второго десятилетия XXI в.?

Приходится признать, что никакой стабильной фигуры (в смысле Н. Элиаса), тем более с эффективной сензитивностью, не сложилось, даже признаков ее не видно. Судя по всему, происходит трансформация с весьма быстрыми изменениями и противоречивыми процессами, связанными как раз с поляризацией, глобальными разрывами, которые могут и сокращаться, и углубляться. Условно эту крайне динамичную, турбулентную эпоху можно назвать *Модернизацией-3*, но к какой новой стабильности она приведет и приведет ли вообще – это никому не известно.

Итак, продолжение периодизации как смены эволюционных стадий и трансформаций (прежде всего, в Европе как передовом мировом регионе) представляется следующей схемой.

- *Зрелая государственность* с обширными империями, первыми мир-экономиками и союзами торговых городов, феодальными иерархиями, рентными отношениями, ростовщичеством, торговым капиталом, прозелитическими «вселенскими» церквями.

Переход к *раннему модерну*, суверенизация. Появление первых абсолютистских государств (начало XVI – середина XVII в.).

- *Ранний модерн* и внутри него *Модернизация-1*, от абсолютизма – к сквозной государственности (середина XVII – начало XIX в.).

- *Классический модерн* и внутри него *Модернизация-2*, от сквозной государственности – к социальным государствам (начало XIX – конец XX в.).

Модернизация-3 (с начала XXI в.) – идет сейчас, *модерн* продолжается, но каково отличительное качество нового этапа, будет ясно только после его завершения и перехода к следующему.

Список литературы

- Дьяконов И. Пути истории. М., 1994.
- Карнейро Р. Культурный процесс // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 421–438.
- Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
- Розов Н. С. Философия и теория истории. М.: Логос, 2002. Кн. 1: Прологомены.
- Структуры истории. Альманах «Время мира». Вып. 2. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1, 2.
- Sanderson S. Social Transformations: A General Theory of Historical Development. Oxford: Blackwell, 1995.

Материал поступил в редколлегию 22.02.2018

N. S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State Technical University
20 K. Marks Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

nrozov@nsu.ru

WHEN DOES THE MODERN BEGIN AND HAS IT ENDED?

The article deals with the essence, genesis of the modern (the modern age, modernity) and the qualification of the present time on the basis of the

earlier developed approach to the periodization of the World History, which includes the basic concepts: «stages of social evolution», «great transformations – evolutionary shifts» and «eras of domination». The modern age cannot be separated from modernization, which is interpreted as a complex of autonomous processes of bureaucratization, secularization, capitalist industrialization and democratization (R. Collins). In addition, the modern age is usually associated with quite specific characteristics of state, society and culture: the rise of national states, civic equality, education, the dominance of scientific discourse, the flowering of ideologies, «great narratives». When comparing these characteristics with the major historical phenomena of Europe in the last five centuries, the following stages are distinguished: the prehistory of modernity as a transition from the era of mature statehood to the epoch of penetrating statehood in the initial form of «absolutism» (from early 16th to mid-17th century), the early modernity and *Modernization-1* (from mid-17th to early 19th century), the classical modern and *Modernization-2* (from early XIX to late XX century). The arguments are presented that the epoch of modernity has not been completed, and at the present time (from the beginning of the 21st century) the extremely controversial actual processes should be treated as a new transition period, i.e. *Modernization-3*.

Keywords: modernity, modernization, social evolution, European history, bureaucratization, secularization, capitalist industrialization, democratization, mature statehood, penetrating statehood, absolutism, ideology.

References

Carneiro R. Kulturnyi process [Cultural process]. *Antologiya issledovaniy kulturey* [Anthology of Cultural Studies]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1997, vol. 1, p. 421–438. (In Russ.)

Collins R. *Makroistoriya. Ocherki sociologii bolshoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS, 2015. (In Russ.)

Diakonoff I. *Puti istorii* [The Paths of History]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994. (In Russ.)

Elias N. O protsesse tsivilizatsii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya [The Civilizing Process: Sociogenetic and Pscogenetic Studies]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2001, vols. 1, 2. (In Russ.)

Rozov N. S. *Filosofiya i teoriya istorii. Kniga pervaya: Prolegomeny* [*Philosophy and Theory of History, The 1-st Book: Prolegomena*]. Moscow, Logos Publ., 2002. (In Russ.)

Sanderson S. *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Blackwell, 1995.

Struktury istorii. Almanah «Vremya mira» [*The Almanac «The World Time»*]. Vol. 2. Novosibirsk, 2001. (In Russ.)

Tilly Ch. *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva, 990–1992 gg.* [*Coercion, Capital and European States, 990–1992*]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2009. (In Russ.)

УДК 168.522

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-75-85

Д. Л. Шкарин

*Центр развития тренинговых технологий
ул. Большакова, 61, Екатеринбург, 620142, Россия*

dshkarin@mail.ru

ОТЧУЖДЕНИЕ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА СОВРЕМЕННОСТИ

Анализируется изменение социального субъекта современности в качестве основного агента современного социума, рассматриваются факторы его трансформации в условиях господства неолиберальной модели. Демонстрируется, что субъектные эффекты отчуждения, обозначенные в трудах Маркса и получившие развитие в работах М. Фуко, в наши дни наиболее полно концептуализируются в исследованиях П. Дардо, К. Лаваль, А. Негри. Механизм тотального отчуждения, реализуемого в результате полного подчинения всех аспектов жизнедеятельности индивида требованиям экономического порядка, находит свое отражение в тенденции ее статистической кодификации и полномасштабной оцифровки показателей эффективности. Конечная цель подобной стратегии – придание отчуждению преимущественно внутреннего, интериоризированного характера, что означает полное подчинение индивида нормативам рыночного общества в его неолиберальной версии. Экспансия этого рода задается следующими стратегиями: доктрина свободного рынка; коммерциализация социальной сферы; принцип конкуренции в качестве доминантного принципа социального взаимодействия, вплоть до полной делигитимации не выдержавших ее субъектов с низведением их до статуса *homo sacer*, в терминологии Д. Агамбена. В завершение обрисовываются перспективы перехода к глобализированному цифровому сообществу и дальнейшей экспансии неолиберальной модели во все сферы современного общества.

Ключевые слова: общество, современность, отчуждение, субъект, неолиберализм, образование, индивид, поведение, управление, кодификация, цифровое сообщество.

Проблема отчуждения, начиная с исторического момента ее теоретической постановки, неизменно выступала и выступает в качестве одного из ведущих тематических направлений социально-философской мысли. Данное направление, начиная с работ К. Маркса раннего

периода, в XX в. получило развитие в работах Г. Лукача, позднейших представителей Франкфуртской школы и ряда других крупных теоретиков, но в наши дни особый интерес вызывают работы М. Фуко 70-х гг. XX в. о биополитике, поскольку они были посвящены начинавшейся тогда неолиберальной «революции», под знаком которой – в чем сегодня мало кто сомневается – совершается ныне процесс глобализации, равно как и все прочие социально-политические и идеологические подвижки более частного порядка.

Разбирая оформляющиеся еще в середине XVIII в. стратегии власти в русле биополитики и констатируя, что основным агентом постепенно модернизирующегося общества все чаще становится отдельный индивид, Фуко выделил две формы управления: *нормацию*, как способ дисциплинарного принуждения индивида со стороны централизованной власти, и *нормализацию*, как анонимное управление через учет поведения эмпирических множеств в стратегии интериоризированного контроля [Фуко, 2011]. А так как сознание и поведение индивида – это арена, где обе формы власти перекрываются, то именно здесь совершается формирование механизма подчинения социального субъекта социальной системе. Субъектность индивида при этом реализуется как свобода локальных экономических действий при отсутствии возможности контролировать экономическую сферу более обширного порядка, равно как и все иные аспекты социальной системы. Сохранение такой простейшей исходной модели на протяжении всей позднейшей истории рыночного общества при всех его модификациях, не только дало основание для более чем 250-летней перманентной критики [Болтански, Кьяпелло, 2011], но уже в наши дни позволило современным теоретикам говорить о возрастающих рисках возникновения нового вида отчуждения или деспотии, основанной на праве «чрезвычайного положения» и превращении населения, лишенного контроля над ресурсами жизнеобеспечения, либо в счетную субъектность (товарная форма субъекта в условиях рынка, наемного труда и тотальной кодификации социальной действительности), либо в объект принудительного огосударствления (новейшая биовласть и биополитический статус *homo sacer* как деклассированного элемента, пребывающего под внешним управлением вне правового поля) [Агамбен, 2011]. Далее мы покажем, как оба эти варианта подчинения социального субъекта согласуются между собой в текущей ситуации.

Стратегиям экономического подавления социального субъекта в обществах с утвердившейся неолиберальной идеологией посвящены работы Кристиана Лаваль и Пьера Дардо [2011]. Они констати-

руют, что общим механизмом подчинения выступает процесс интериоризации контроля в условиях вынужденной конкуренции. Иначе говоря, отчужденный субъект не просто продает время своей жизни для воспроизводства существования, а вынужден подчинить все аспекты своего бытия экономическому измерению и даже исходя из него производить содержание собственной личностной тотальности, включая внутренний психологический мир и телесность. Фуко вслед за Марксом значительно углубляет анализ процесса отчуждения и вводит тему вынужденного производства субъективности, нормированной по лекалам меновой стоимости. Фуко обращает внимание на тот факт, что в неолиберальной политике трудящийся выступает не просто как продавец рабочей силы, отчуждая время своей жизни от полноценного существования в регулярном обмене на рынке труда. В неолиберальной экономике он, скорее, рассматривается как «машина компетенции», которая ему гарантирует определенный уровень дохода в долгосрочной перспективе. Теория человеческого капитала начинает рассматривать человека как механическое средство производства. «Компетенция трудящегося – это поистине машина, которую нельзя отделить от самого трудящегося. Компетенция, составляющая вместе с трудящимся тело, есть, так сказать, грань трудящегося как машины» [2010. С. 283]. Иными словами, рынок или «невидимая рука рынка» начинают трансформировать субъекта под себя. В свете этой же «машинной метафоры» трудящийся распадается как бы на два элемента: врожденные источники компетенции (генный потенциал) и приобретенные (воспитание, образование, опыт). В том же случае, если субъект выпадает из экономического отношения, доминирующего на всем пространстве социального, то, лишенный социальной поддержки со стороны неолиберального государства, он неизбежно маргинализируется. И здесь уже уместно говорить о статусе исключения, присваиваемого человеку, предъявляющему иную форму субъектности (маргинал, душевнобольной, преступник). Зоны же социального исключения, по Джорджо Агамбену, могут при определенных обстоятельствах становиться местом реальной аннигиляции *homo sacer*, как, например, концентрационные лагеря [2011].

Если в традиционных обществах форма субъекта в основном задавалась социализацией в виде инициационных практик, то теперь, в условиях нарастающей анонимности власти и отстранения государства, этот процесс постепенно утрачивает всякий смысл и для социальной системы, и для самого субъекта, который все более начинает смутно сомневаться в собственной идентичности, особенно в контексте непрекращающегося дискурса о «смерти субъекта», «исчез-

новении социальности» и «неуправляемом хаосе». Поскольку же социальный макроуровень таким образом исключается, то функцию социализации субъекта берет на себя мезоуровень (система образования, а также частные корпорации и сообщества, не представленные в явном виде на системном уровне). В результате атомизация общества и системная дезинтеграция отнюдь не ликвидируются, а, напротив, еще более усугубляются. Приведем высказывание Дж. Ю. Стиглица, главного экономиста и вице-президента Всемирного банка с 1997 по 2001 г., при непосредственном участии которого происходили множественные общемировые реформационные процессы в плане глобальной экспансии неолиберального курса на «вторичные» страны, включая Россию: «Но есть еще миллионы людей, на благо которых глобализация не сработала. Многие из них фактически стали жить хуже, поскольку их рабочие места были ликвидированы, а их жизнь стала менее безопасной. Они чувствуют себя все более беспомощными в противостоянии силам, находящимся вне пределов их контроля. Они видят, что их демократии подорваны, а культуры подверглись эрозии. Если глобализация будет продолжаться в том же духе, как это было до сих пор, если мы будем продолжать отказываться учиться на своих ошибках, глобализация не только не будет способствовать развитию, но и будет продолжать создавать бедность и нестабильность. При отсутствии реформ уже начавшийся откат будет набирать скорость, а разочарование глобализацией – нарастать» [2003. С. 129].

Нет смысла вдаваться в частности политико-экономических реалий, стоящих за этим заявлением, а тем более повторять наивные сентенции Ортеги-и-Гасета, утверждавшего, что по мере развития современного общества создается ситуация, когда «никто никем не правит» [2016. С. 36], – просто зафиксируем смысл заявления экс-президента Всемирного Банка: *верхний уровень системы с ситуацией управления не справляется*. Так ли это или нет – вряд ли стоит анализировать лишний раз: если вспомнить проведенное Фуко различие двух форм управления (через нормацию и нормализацию), то *справляется, и справляется эффективно*. Суть неолиберализма в том и состоит, чтобы сделать излишним прямое управленческое вмешательство в процессы экономического подчинения социальных субъектов, преобразовав его в косвенное, опосредованное, скрытое.

Теперь посмотрим на мезоуровень социальной системы. Поскольку институт образования имеет непосредственное отношение к формированию социального субъекта, то обратимся к нему. Государство, ослабляя свои позиции и степень участия в прямом управлении, постепенно отделяется от образования, что наиболее наглядно про-

является в приватизации образовательной сферы. К чему это ведет, открытым текстом проговаривается в программном заявлении директора направления «Молодые профессионалы» АСИ (Агентство стратегических инициатив) Дмитрия Пескова: «На текущий момент бизнес категорически не удовлетворен качеством подготовки студентов и вынужден переходить от модели корпоративных к собственным полностью подконтрольным университетам, начиная с инженерных, заканчивая управленческими <...> Будут работать связки систем бизнес-школа через голову вуза. Будут развиваться механизмы профориентации и работы с талантливой молодежью через систему кураторов из представителей успешного бизнеса и госуправления <...> Будут развиваться системы, аналогичные независимым советам директоров, которые будут ставить под контроль финансовые потоки вузов и принятие под контроль стратегических решений. Эта процедура будет происходить через расширение полномочий попечительских советов и через отбирание у вузов права на итоговую оценку выпускников».

Итак, высший уровень системной интеграции глобального общества сигнализирует о неуправляемости, государственный уровень интеграции сигнализирует о неуправляемости и передает вопрос еще на один уровень ниже – частным бизнес-корпорациям. Если это «судьба социальной системы», то какова в таком случае «судьба социального субъекта»?

«Судьбой социального субъекта» становится добровольно-принудительное возвращение в себе нормативных компетенций вместо квалификаций, внутри же компетенций центральное значение начинают играть так называемые трансверсальные компетенции, не привязанные к предметной специфике конкретной деятельности – такие, как уровень владения ПК и программным обеспечением, искусство публичных выступлений и т. п.; в этот идеал «виртуозного работника» (Паоло Вирно) входит все что угодно, вплоть до осанки и приветливого выражения на лице [Вирно, 2000]. Таким образом, социального субъекта современности все больше характеризуют следующие признаки.

- Биометрические показатели, фиксации хронотопа (перемещений в реальном пространстве), полная траектория следов в интернет-пространстве.
- Формальные показатели соответствия корпоративным и прочим институциональным стандартам, а также декларируемым ценностям.

- Текущие параметры жизнедеятельности, вплоть до количества потребляемых за день калорий и вышаганного на вечерней прогулке километража.

- Наборы предметных и трансверсальных компетенций (например, владение конкретным программным продуктом и общие навыки публичного выступления).

- Абстрактные коэффициенты индивидуальной производительной эффективности (например, KPI, индекс Хирша, количество публикаций, всевозможные рейтинги представленности в сообществах, индексы узнаваемости и признания, аттестационные баллы, перекрестные критериальные оценки ассесмент-центров).

В конечном счете все это приводит к формированию количественной, «бухгалтерской» (счетной, цифровой) субъектной идентичности в противовес идентичности качественной, учитывавшей культуральные и исторические особенности традиционного, локального общества и соответствовавших ему индивидов. Данный аспект трансформации социального субъекта весьма убедительно концептуализируют Кристиан Лаваль и Пьер Дардо, развивающие идеи Мишеля Фуко о механизмах биополитического контроля в неолиберальном обществе. Они вводят ряд очень точных терминов, позволяющих анализировать экспансию экономических отношений на всю сферу социального, вплоть до характеристик агента современного социума: *однородность, квази-рынок, квази-деньги и бухгалтерская субъектность*. Они пишут: «Новизна неолиберализма состоит как раз в работе по приданию *однородности*, выполняемой по ту сторону разделения на рынок и не рынок: именно по той причине, что неолиберализм распространяет норму социальных отношений на все уровни индивидуального и коллективного существования» [Дардо, Лаваль, 2011. С. 108].

На роль гомогенной эквивалентности претендует *отношение полезности*. Само же отношение полезности тавтологично меновой стоимости, что переводит измерение эффективности на уровень чистого количества, т. е. цифры и ее постоянного роста: выходит, что польза капитала состоит в росте капитала. Парадоксальность подобного конструкта связана с тем, что ответ на вопрос «полезно для чего?» опять отсылает нас к меновой стоимости: «все полезно для роста цифры». «Если Маркс видел в экономическом развитии средство и необходимое условие человеческого освобождения, Арендт видит в нем установление нечеловеческой жизни, то есть жизни, подчиненной “нестественному увеличению естественного”». Экономика, которая раньше имела отношение только к частной сфере, то есть к *“onkos nomos”*, ста-

ла самым принципом гражданского общества... То, что должно было окружать и регулировать сферу производства ради целей высшего порядка, больше не функционирует. Польза установилась как единственный смысл, который может привести к бессмыслице, потому что все "функционирует" на одном и том же уровне, в циклическом и безграничном повторении, не имеющем больше никакого отношения к принципу высшего порядка» [Лаваль, 2010. С. 375].

Итак, социальная система капитализма обслуживает экономическую логику циркуляции капитала. Но если социальные субъекты, владеющие капиталом, безнадежно встроены в замкнутую логику его циркуляции по причине классовой принадлежности, то чем же тогда руководствуются социальные субъекты, лишенные отношения к собственности? Их положение определяется принципами функционирования неолиберального социума. Экспансия этих принципов во все сферы жизни происходит параллельно по ведущим направлениям неолиберальной политики: рынок, конкуренция, приватизация государственности и минимальная доля государственного участия.

Рассмотрим их последовательно.

А. Экспансия рыночных отношений как первого принципа означает внедрение системы обмена во все сферы жизнедеятельности без исключения: семья, образование, досуг, культура, политика и т. д.

Б. Экспансия конкуренции в те же сферы обеспечивает мотивационный источник включения в ситуацию обмена, как борьбы за ресурс.

В. Приватизация государственности означает изъятие ресурсов жизненного мира вне частного сектора, без которых социальный субъект не может обеспечить свое существование вне системы экономического обмена. Минимальная степень госучастия делает социального субъекта беззащитным «с тыла», заставляя еще интенсивнее включаться в рынок и конкуренцию в условиях «окончательной экспроприации капиталом общего», как выражается Антонио Негри в статье, посвященной коллизиям социальной диалектики в XXI в. и раскрывающей механизм *добровольного принуждения или интериоризованного подчинения, как логика отчуждения социального субъекта от самого себя или вынужденного самоотчуждения*.

Таким образом, сопоставление в одном контексте выстраиваемых в марксовой парадигме отчуждения версий Фуко, Дардо, Лаваль и Негри обнаруживает единое проблемное поле онтологии социального, в пространстве которого обрисовываются трансформации социального субъекта современности. Первичный анализ позволяет говорить об институциональном производстве множества локальных

и несбалансированных между собой форм счетной субъектности в условиях раздробленного и постоянно изменяющегося по неуправляемой траектории рынка. При этом, подчеркнем еще раз, данный механизм выходит далеко за пределы частной ситуации профессиональной деятельности, поскольку, как убедительно продемонстрировал Кристиан Лаваль, экономическая детерминанта пронизывает социальную онтологию современного мира насквозь в виде квазиэкономики. Поэтому, оставив в стороне частности, предельно заострим проблему рассогласования человека и системы: какие же перспективы вырисовываются в русле обозначенной тенденции?

М. Фуко в курсе 1978–1979 гг., посвященном биополитике, развивая мысль об экспансии экономического измерения в жизненное пространство современного человека, предложил слушателям страшный, на его взгляд, фантастический сюжет о логических следствиях генного планирования.

Но проследивание подобных тенденций в реальности глобализированного общества начала XXI в. приводит к еще более обескураживающим, отнюдь не радостным выводам. Речь идет о *проблематичности обоснования того, что согласно неолиберальным стандартам вообще может быть названо субъектом*. При этом перед субъектом встает еще более сложная задача, нежели при обосновании, например, своей принадлежности к определенной расе или нации; к тому же задача самообоснования собственной субъектности ложится на плечи самого субъекта, иначе он не будет допущен к конкурсу на это звание. Другими словами, система в своем автономном противостоянии социальному субъекту в ситуации конкуренции всецело делегирует ему все функции самообоснования и дает шанс пройти конкурсные испытания при тендерном отборе на право принадлежать системе. Более того, можно и условия конкурса сделать закрытыми и анонимными. А вместе с делегированием субъекту можно передать и ответственность за неудачу прохождения отбора, при которой он лишается статуса субъекта и превращается в *homo sacer* [Агамбен, 2011] – в лишенное прав социальное «нечто или ничто», с которым можно делать все, что угодно, в конце концов передав его в руки государства «в порядке исключения», т. е. для окончательной утилизации, уничтожения. Тем самым трансформация субъекта достигает максимума, а его отчуждение – исторического апогея.

Если облечь этот социальный механизм в цифровую форму в рамках неолиберальной экономики, вырисовывается «идеальная» модель абсолютного отчуждения и тотального подчинения человека анонимной системе глобальной власти финансовых структур. В этом

свете отнюдь не преувеличением выглядит характеристика мирового неолиберального сообщества, определяемого как «глобальный проект, целью которого является построение нового рабовладельческого общества, управляемого посредством использования информационно-коммуникационных технологий, основанных на применении микроэлектроники, локальных и глобальных компьютерных сетей, которые собирают, обрабатывают, генерируют и распределяют информацию через системы глобальных телекоммуникационных сетей» [Филимонов, 2018]. Попыткам проникнуть в закономерности выстраивания данного проекта и тем самым по возможности воспрепятствовать его реализации и была посвящена данная работа.

Список литературы

Агамбен Д. *Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Изд-во «Европа», 2011. 256 с.

Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое лит. обозрение, 2011. 976 с.

Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ad Marginem, 2000. 176 с.

Дардо П., Лаваль К. *Неолиберализм и капиталистическая субъективация* // Логос. 2011. № 1 (80). С. 103–117.

Лаваль К. Л. *Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма* / Пер. с фр. С. Рындина. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 432 с.

Ортега-и-Гасет Х. *Восстание масс*. М.: АСТ: Астрель, 2016. 256 с.

Стиглиц Дж. *Глобализация: тревожные тенденции* М.: Мысль: Нац. обществ. науч. фонд, 2003. 300 с.

Филимонов В. П. *Цифровое общество и конец истории* // Актуальные вопросы национального суверенитета России: XXVI Международные Рождественские чтения, 2018. URL: <http://www.semlot.ru/tsifrovaya-ekonomika/9504-tsifrovoye-obshchestvo-i-konets-istorii> (дата обращения 15.02.2018).

Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 уч. г.* / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

Фуко М. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. г.* / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

Материал поступил в редколлегию 01.03.2018

D. L. Shkarin

*Training Technology Development Center
61 Bolshakov Str., Ekaterinburg, 620142, Russian Federation*

dshkarin@mail.ru

**ALIENATION IN NEOLIBERAL SOCIETY:
ON TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SUBJECT
OF OUR TIME**

The article analyzes the change in the social subject of modernity as the main agent of modern society, considers the factors of its transformation under the domination of the neoliberal model. It is demonstrated that the subject effects of alienation, identified in the writings of Marx and developed in the work of M. Foucault, are now most fully conceptualized in the studies of P. Dardot, C. Laval, A. Negri. The mechanism of total alienation, realized as a result of the complete subordination of all aspects of the individual's vital activity to the requirements of the economic order, is reflected in the trend of its statistical codification and full-scale digitization of performance indicators. The ultimate goal of such a strategy is to make alienation predominantly internal and internalized, which means complete subordination of the individual to the norms of a market society in its neoliberal version. Expansion of this kind is set by the following strategies: the free market doctrine; commercialization of the social sphere; the principle of competition as the dominant principle of social interaction, up to the complete delegitimation of the subjects that did not sustain it, with their reduction to the status of *homo sacer* in the terminology of D. Agamben. In the end, we outline the prospects for a transition to a globalized digital community and the further expansion of the neoliberal model into all spheres of modern society.

Keywords: alienation of a social subject, economic coercion, neoliberal society, control strategies, codification of behavior, digital society.

References

Agamben D. *Homo Sacer. Suverennaya vlast i golaya zhizn'* [*Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*]. Moscow, Izdatelstvo «Evropa», 2011. (In Russ.)

Boltanski L., Kyapello E. *Novyy dukh kapitalizma* [*A New Spirit of Capitalism*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. (In Russ.)

Dardo P., Laval K. Neoliberalizm i kapitalisticheskaya sub'yektivatsiya [Neoliberalism and Capitalist Subjectification]. *Logos*, 2011, no. 1 (80), p. 103117. (In Russ.)

Filimonov V. P. Tsifrovoye obschestvo i konets istorii [Digital society and the end of history]. *Aktual'nye voprosy natsional'nogo suvereniteta Rossii: XXVI Mezhdunarodnye rozhdestvenskie chteniya* [Actual Issues of the National Sovereignty of Russia: XXVI International Christmas Readings]. Moscow, 2018. (In Russ.)

Foucault M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie* [Security, Territory, Population]. St. Petersburg, Nauka, 2011, (In Russ.)

Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. St. Petersburg, Nauka, 2010. (In Russ.)

Laval K. *Chelovek ekonomicheskii. Esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [The Economic Man. The Essay on the Origin of Neoliberalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. (In Russ.)

Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses]. Moscow, AST: Astrel Publ., 2016. (In Russ.)

Stiglitz D. *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization: Disturbing Tendencies]. Moscow, Mysl Publ., 2003. (In Russ.)

Virno P. *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoi zhizni* [Grammar of the Set: To the Analysis of the Forms of Modern Life]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. (In Russ.)

УДК 316.4

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-86-95

М. А. Абрамова^{1,2}, В. Г. Костюк¹

*¹ Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*² Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

marika24@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И СООБЩЕСТВ РОССИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Проведен анализ философско-социологических подходов в становящейся проблематике исследования социокультурных детерминаций развития и трансформации общества. Показано, что пока эти подходы ограничиваются соотношением концептов «социальное» и «культурное» и носят описательный характер. На основе проведенных авторами конкретно-социологических исследований показано, что более перспективной, в теоретическом и прикладном плане, является концепция Питирима Сорокина о социокультурности как триаде «социальное – культурное – личностное». В соответствии с этой концепцией предложена классификация социокультурных детерминант, включая социальные институты, тип цивилизаций.

Ключевые слова: социокультурное, социокультурные детерминанты, развитие, трансформация, общество, сообщества, социальные институты.

Среди множества движущих сил развития общества и его сообществ можно выделить основные, определяемые как детерминанты (от лат. *determino* – определяю). Не вдаваясь в подробности детерминизма как общего учения о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и процессов реальности, дискуссий о преимуществах и недостатках тех или иных концепций (форм) детерминизма в социальных науках (географического, технологического), о соотношении внешней и внутренней детерминации явлений и процессов в тех или иных концепциях, о различении причин, факторов, условий как видов детерминант, отметим, что во всех подходах детерминанта характери-

зуются как нечто, оказывающее значительное влияние на социальные процессы.

В последнее время на основе различных по структуре и содержанию трактовок социокультурного подхода к исследованию детерминант развития общества философами и культурологами предлагаются разные концепции социокультурного детерминизма. Так, П. Балабанов и О. Коханова на основе анализа эволюции концепций и различных форм детерминизма в истории познания делают вывод, что в современную эпоху на первый план выходит детерминизм, определяемый ими как неклассический, в состав которого входят такие виды детерминизма, как культурный, социальный, психологический и информационный (см.: [2014. С. 92]).

При этом они опираются на концепцию культурного детерминизма в работах М. Вебера и Т. Парсонса и ее развития современными исследователями: В. Д. Поповым, М. Мамардашвили, И. Т. Яниным. В частности, на трактовку культуры М. Мамардашвили: «Под культурой я понимаю некий единый срез, проходящий через все сферы человеческой деятельности» (цит. по: [Каган, 1996. С. 16]), и на мысли В. Д. Попова о том, что в начале XXI в. в России произошел «культурный взрыв» как «взрыв детерминизма, перевернувший “с ног на голову” взаимообусловленность культуры и экономики» [2012. С. 113], и «что речь не идет об умалении экономического детерминизма», а «объективно требуется его единство с культурным детерминизмом (культурным управлением экономикой) и информационным детерминизмом и информационной культурой» [Там же. С. 120, 127].

Философско-методологический анализ культурного детерминизма в концепции модернизации проведен Д. В. Трубициным [2009]. Лейтмотив всех анализируемых подходов к социокультурной детерминации трансформации России можно выразить словами И. Т. Янина: «Реформирование страны единственно возможно на основе ее культуры: духовной, нравственной, экономической, правовой, политической... Истинная модернизация возможна... Ключ к ее успеху лежит не в области финансовых манипуляций и передачи собственности в духе “беспредела”, а в области Культуры с большой буквы – экономической, политической, правовой и прежде всего гражданской» [1999. С. 3]. В этих концепциях социокультурного детерминизма доминирует культура, ассимилируя социальность, а личность вообще отсутствует. Иначе говоря, структура концепта «социокультурный» – диадная.

В. С. Игопуло и Д. С. Ивченко, анализируя основные социокультурные детерминанты, определяющие изменения содержаний

и функций педагогов в условиях модернизации современного образования, акцентируют внимание на социальную обусловленность формирования личности педагога, а через него – личности учащегося, студента, сводят культуру фактически к профессиональной культуре, хотя и декларируют в числе социальных функций педагога «содействие формированию нового культурного типа личности» [2017. С. 35]. Следует все же отметить, что в данной публикации фокусируется внимание на триединстве социокультурности: социальном, культурном и личностном.

А. З. Баглиева, исследуя проблемы этнического возрождения российского общества на примере дагестанского межэтнического сообщества, выделяет «два основных аспекта условий этнического возрождения народов»: 1) внутренние или личностно-коммуникативные – характеризующие духовную жизнь человека, его самоопределение, поведение и взаимоотношения с другими людьми в конкретном этносе; 2) внешние или социальные – формирующие жизнедеятельность этой этнической группы» [2014. С. 63], а «сущность этнического возрождения состоит в одновременной реализации двух направлений, которые имеют разнонаправленный смысл: глобализация всех сфер жизни общества и индивидуализация» [Там же. С. 64]. В диалектике этнического возрождения и глобализации взаимодействия этнических культур, в их диалоге и состоит смысл развития цивилизации. Как видим, А. З. Баглиева трактует социокультурные детерминанты как единство их культурных и личностных элементов, с приоритетом культурных.

Избежать диадности (социальность – культура, культура – личность) в применении социокультурного подхода в социогуманитарных исследованиях, в том числе детерминации развития общества, возможно при его триадной интерпретации Питиримом Сорокиным.

Анализируя родовую (общую для всех) структуру социокультурных явлений, П. А. Сорокин формулирует базовые методологические принципы своей общей социологии: «...общая социология – это не теория о простейших социальных явлениях, а теория о родовых свойствах, отношениях и закономерностях социальных явлений. Самой родовой моделью любого социокультурного феномена является значимое взаимодействие двух или более индивидов» [1992. С. 191].

«Значимое» – когда оно имеет значение или ценность для другого индивида. Трехкомпонентная структура социокультурных явлений включает: «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействий; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и об-

мениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются или социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [Там же. С. 193].

Субъекты взаимодействия – индивиды или группы людей. Как отмечает П. А. Сорокин, «значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений» [Там же. С. 205].

Резюме П. А. Сорокина по анализу структуры социокультурного взаимодействия заключено в формуле *«личность, общество и культура как неразрывная триада»* (выделено нами. – М. А., В. К.). Его вывод: «...неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир. Из дидактических соображений их можно изучать по отдельности; но когда анализ каждого члена триады завершен, этот элемент должен быть соотнесен с тройственным разнообразием, или матрицей, в которой он существует» [Там же. С. 218–220].

Социология, по П. А. Сорокину, есть *«генерализирующая наука, рассматривающая социокультурную систему как целое»*. Общество и культура не могут рассматриваться вне связи друг с другом. «Единственно возможные различия, – отмечает он, – связаны с тем, что термин “социальный” означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как “культурный” означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)» [Там же. С. 220].

Принцип интегральной целостности личности, общества и культуры П. А. Сорокин в анализе социальной и культурной динамики доводит до анализа (совместно с И. В. Болдыревым) соотношения между типами культуры и типами личности и поведения. Здесь важны его выводы о том, что «господствующий тип культуры формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры», – за малым исключением тех индивидов и групп, «которые, живя физически в рамках данной культуры, не являются ее частью или же не имеют с ней психосоциального контакта»; что «сознание любого человека является микрокосмом, отражающим микрокосм окружающей его социальной среды» [2000. С. 701].

Большие эвристические возможности социокультурного подхода по П. Сорокину верифицированы нами в конкретно-социологиче-

ских исследованиях социокультурной адаптации молодежи к условиям современных трансформаций [Абрамова и др., 2011], детерминации формирования и поведения различных социокультурных типов молодежи [Абрамова и др., 2014], процессов регулирования межэтнических взаимодействий [Социокультурный подход..., 2013]. Материалы этих исследований, а также работы других авторов по проблеме детерминации социальных (в том числе этносоциальных) процессов трансформации современной России позволяют сделать некоторые предварительные выводы и обозначить перспективные, на наш взгляд, исследовательские подходы к данной проблеме.

Безусловно, среди множества детерминант – как важных факторов, причинных условий или средств – трансформации российского общества и его сообществ (межэтнических, сельских и др.) социокультурные, понимаемые как интегральное единство их социальных, культурных и личностных аспектов (детерминант), являются наиболее значимыми, так как трансформируют всю социальную систему (или ее подсистему). Процессы преобразований социальной и культурной среды, будучи объективными по отношению к отдельным личностям, социальным субъектам (индивидам, группам, этносам, сообществам), реализуются через сознательную деятельность личностей и социальных субъектов. Поэтому социокультурная детерминанта, как объективно-субъективное явление, включает в себя также интересы, цели, мотивы, установки социальных акторов наряду с их реальными действиями, определяемыми их сознанием.

При классификации социокультурных детерминант следует различать их по степени и характеру влияния на трансформируемое социальное пространство. Последнее может быть международным сообществом, государством, этносом, регионом, поселением, семьей. Характер влияния, будучи в социокультурной детерминанте комплексным, интегральным, все же может различаться соотношением социальной, культурной и личностной его составляющих. Это соотношение может быть сбалансированным или иерархичным определенными(ой) составляющими(ей). Так, например, в политике государства, как социокультурной детерминанте радикальной трансформации российского общества и его сообществ в постсоветский период, явно доминировали социально-экономические аспекты (отношения собственности, власти, социального расслоения) над культурными и личностными, хотя первые и оказывали влияние (в основном деструктивное) на вторые [Абрамова и др., 2017. С. 73–98].

В целом же вопрос о взаимосвязи институциональных и социокультурных детерминант развития общества и сообществ практиче-

ски не изучен, хотя исследования роли различных социокультурных институтов в социальных процессах позволяют заметить эту взаимосвязь. Так, социальный институт образования реально выполняет и культурные, и социальные функции, и задачи становления (воспитания) личности молодых поколений, т. е. по своей сути является социокультурным (триадным). Аналогичное утверждение справедливо и для социального института семьи. Наука явно определяется науковедом как социокультурный институт.

Вся социокультурная триада (социальное – культурное – личное) находит свое отражение и в социальных институтах культуры, государства, права, хотя и в разных соотношениях. Так, в праве, на наш взгляд, крайне слабо проявляется культурная составляющая; в государстве (особенно в российском) – личностная и культурная, при гипертрофированной роли социальной. Возможно поэтому государственное право только при определенных условиях можно относить к социокультурным детерминантам. Это скорее социальные детерминанты развития или трансформации общества и сообществ. Их роль в гармонизации социальных и межэтнических отношений проявляется при развитой демократии и гражданском обществе, которые в современной России практически отсутствуют.

Можно считать, что социокультурной детерминантой является в целом вся система социальных институтов общества, если они действуют согласованно и комплексно и при определенных условиях преимуществами одних институтов компенсируются недостатки других.

Важной социокультурной детерминантой общества и его сообществ (межэтнических, сельских) является тип его цивилизации. Как свидетельствуют материалы конкретных исследований, такие базисные ценности российской евразийской цивилизации, как коллективизм, приоритет духовности, нестяжательство, справедливость, веротерпимость, интерес и уважение других народов, сплачивали российское общество и противостояли всем попыткам трансформации его в другой цивилизационный тип, включая современные попытки рыночных реформ по западным моделям [Россия как цивилизация..., 2008].

В заключение отметим, что перспективными направлениями в углублении обозначенной в статье темы является изучение более детальной структуры и функций конкретных социокультурных детерминант и их роли в трансформации российского общества, его межэтнических и сельских сообществ.

Список литературы

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций (на материалах исследований в Республике Саха (Якутия)). Новосибирск: Нонпарель, 2011. 311 с.

Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнические и региональные аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.

Абрамова М. А., Зазулина М. Р., Костюк В. Г. Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России: подходы, факторы интеграции и дезинтеграции. Новосибирск, 2017. 150 с.

Баглиева А. З. Социокультурные детерминанты этнического возрождения российского общества // Этносоциум и межнациональные культуры. М., 2014. № 3 (69). С. 59–64.

Балабанов П. И., Коханова О. В. Социокультурный детерминизм в познании // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 4. С. 90–93.

Игропуло В. С., Ивченко Д. С. Социокультурные детерминанты трансформации профессионально-педагогической деятельности в современных условиях // Инновационные тенденции развития системы образования: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 33–35.

Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.

Попов В. Д. Культура управления. М.: Изд-во РАНХиГС, 2012. 234 с.

Россия как цивилизация: сибирский ракурс / Костюк В. Г., Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Ерохина Е. А., Мархинин В. В., Удалова И. В., Ушаков Д. В. Новосибирск, 2008. 262 с.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.

Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / Ю. В. Попков, В. Г. Костюк, М. А. Абрамова, Г. С. Гончарова, Е. А. Ерохина, С. А. Мадюкова, И. В. Удалова, Д. В. Ушаков, Е. А. Тюгашев, В. В. Мархинин / Под ред. Ю. В. Попкова, В. Г. Костюка. Новосибирск, 2013. 272 с.

Трубицын Д. В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // Вопр. философии. 2009. № 8. С. 30–45.

Янин И. Т. Культура против кризиса или искусство жить в России. М., 1999. 192 с.

Материал поступил в редколлегию 21.02.2018

М. А. Abramova^{1,2}, V. G. Kostyuk¹

¹ *Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

marika24@yandex.ru

SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF DEVELOPMENT AND TRANSFORMATION OF SOCIETY AND COMMUNITIES OF RUSSIA: RESEARCH APPROACHES

The paper offers an analysis of philosophical and sociological approaches in the emerging studies of socio-cultural determinants of development and transformation of society. It is shown that these approaches are currently still limited to the correlation of the concepts of «social» and «cultural» and are descriptive. On the basis of the specific sociological research carried out by the authors, it is proved that the more perspective, in theoretical and applied terms, is the conception of Pitirim Sorokin about the sociocultural as a triad «social-cultural-personal». In accordance with this conception, the classification of socio-cultural determinants, including social institutions and the type of civilizations is proposed.

Keywords: the socio-cultural, socio-cultural determinants, development, transformation, society, communities, social institutions.

References

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. *Sotsiokulturnaya adaptatsiya molodezhi Severa k usloviyam sovremennykh transformatsii (na materialakh issledovaniy v Respublike Sakha (Yakutiya))* [Socio-Cultural Adaptation of Youth of the North to the Conditions of Modern Transformations (Materials of Researches in the Republic of Sakha (Yakutia))]. Novosibirsk, Nonparel Publ., 2011. (In Russ.)

Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. *Sotsiokulturnye tipy molodezhi: etnicheskie i regionalnye aspekty* [Socio-Cultural Types of Youth: Ethnic and Regional Dimensions]. Novosibirsk, Avtograf Publ., 2014. (In Russ.)

Abramova M. A., Zazulina M. R., Kostyuk V. G. *Sotsiokulturnaya dinamika mezhetnicheskikh i lokalnykh soobshchestv Rossii: podkhody, faktory integratsii i dezintegratsii* [Socio-Cultural Dynamics of Interethnic and Local Communities of Russia: Approaches, Factors of Integration and Disintegration]. Novosibirsk, 2017. (In Russ.)

Baglieva A. Z. *Sotsiokulturnye determinanty etnicheskogo vrozozhdeniia rossiiskogo obshchestva* [Socio-cultural determinants of ethnic revival of the Russian society]. *Etnosotcium i mezhnatsionalnye kultury* [Ethnosocial and Ethnic Culture]. Moscow, 2014, no. 3 (69), p. 59–64. (In Russ.)

Balabanov P. I., Kokhanova O. V. *Sotsiokulturnyi determinizm v poznanii* [Socio-cultural determinism in the knowledge]. *Vestnik of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, 2014, no. 4, p. 90–93. (In Russ.)

Igropulo V. S., Ivzhenko D. S. *Sotsiokulturnye determinanty transformatsii professionalno-pedagogicheskoi deyatel'nosti v sovremennykh usloviyakh* [Socio-Cultural determinants of the transformation of professional and pedagogical activity in modern conditions]. *Innovatsionnye tendentsii razvitiya sistemy obrazovaniya. Materialy VII mezhdunarodnoi nauch.-prakt. Konf* [Innovative Trends in the Development of the Education System]. Cheboksary, 2017, p. 33–35. (In Russ.)

Kagan M. S. *Filosofiya kultury* [Philosophy of Culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. (In Russ.)

Popov V. D. *Kultura upravleniya* [Management Culture]. Moscow, Izd-vo RANKhiGS, 2012. (In Russ.)

Rossiya kak tsivilizatsiya: sibirskii rakurs [Russia as a Civilization: the Siberian Perspective] / Kostyuk V. G., Abramova M. A., Goncharova G. S., Erokhina E. A., Markhinin V. V., Udalova I. V., Ushakov D. V. Novosibirsk, 2008. (In Russ.)

Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 1992. (In Russ.)

Sorokin P. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika. Issledovaniya izmenenii v bolshikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii* [Social and Cultural Dynamics. Research of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relations]. St. Petersburg, RKhGI, 2000. (In Russ.)

Sotsiokulturnyi podkhod k regulirovaniyu mezhetnicheskikh vzaimodeistvii [Sociocultural Approach to the Regulation of Inter-Ethnic Interactions] / Popkov Iu. V., Kostyuk V. G., Abramova M. A., Goncharova G. S., Erokh-

ina E. A., Madiukova S. A., Udalova I. V., Ushakov D. V., Tyugashev E. A., Markhinin V. V. / Yu. V. Popkov, V. G. Kostyuk (eds.). Novosibirsk, 2013. (In Russ.)

Trubitsyn V. D. Kulturnyi determinizm v kontseptsii modernizatsii: filosofsko-metodologicheskii analiz [Cultural determinism in the concept of modernization: philosophical and methodological analysis]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2009, no. 8, p. 30–45. (In Russ.)

Ianin I.T. *Kultura protiv krizisa ili iskusstvo zhit v Rossii* [Culture Against the Crisis or the Art of Living in Russia]. Moscow, 1999. (In Russ.)

УДК 167/168 => 001.378.1:061.6
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-96-107

А. М. Аблажей

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

ablazhey@academ.org

ПОРЕФОРМЕННАЯ НАУКА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА

Описаны ключевые моменты дискуссии, посвященной обсуждению тезиса об «эпохальном переломе» в науке, ее переходе на «постакадемическую» стадию, связанную с коммерциализацией и резким усилением прагматического подхода к планированию, финансированию и оценке результатов научных исследований, что приводит к появлению нового образа современной науки. Выявленные закономерности проиллюстрированы на примере процессов, происходящих в современной российской (постсоветской) науке.

Ключевые слова: постакадемическая наука, коммерциализация, трансформация, образ науки, эпохальный перелом.

Непрекращающиеся дискуссии о нынешнем состоянии и перспективах развития науки в России, ожесточенные споры о критериях ее эффективности и оптимальном институциональном устройстве, идущие на различных уровнях государственной власти, в научном сообществе, в обществе в целом, ясно показывают, что страна испытывает острую потребность в поиске «нового лица» науки, разработке комплекса *эффективных* мер, призванных превратить отечественную науку в один из ведущих факторов инновационного развития. Одновременно крепнет уверенность в том, что условия существования науки сегодня настолько сильно изменились, что коренной деформации так или иначе подвергнуты наиболее фундаментальные ее основы как фундаментального феномена современной цивилизации. Предлагаются возможные действия, спектр которых весьма широк:

от представления ученому сообществу свободы действий, как в чисто научном, так и финансовом смысле, до перевода академической науки в вузы и ликвидации Академии наук как «бесперспективного» учреждения.

Адекватная современной ситуации научная политика невозможна без поиска ответов на такие фундаментальные вопросы, как: способна ли отечественная наука решить поставленные перед ней задачи, обладает ли она необходимым кадровым потенциалом, фундаментальным научным заделом, адаптационными ресурсами, соответствующей материально-технической (приборной) базой. В границах профессионального сообщества и на более широком уровне активно обсуждаются виды, объем, способы и принципы получения и распределения денежных средств для финансирования исследований; кадровая ситуация в академических институтах и способы ее оптимизации; соотношение фундаментальных и прикладных исследований; внедренческие проблемы, шире – пути и способы оптимизации взаимодействия науки с обществом и экономикой; принципы и практические методики измерения продуктивности и качества научной деятельности как отдельного ученого, так и целых лабораторий и институтов; наконец, инновационный потенциал исследовательской сферы. Важнейшее значение приобретает анализ социальных процессов, происходящих в науке, прежде всего в ее академическом секторе, выявление как кризисных моментов, так и точек роста – имеется в виду в первую очередь изменение профессионального менталитета, ценностных установок человека науки.

По инерции сетуя на «консерватизм РАН», ее критики зачастую упускают из виду то важнейшее обстоятельство, что российская наука *на деле существенно изменилась* по сравнению с периодом середины 1990-х или даже начала 2000-х гг., не говоря уже об эпохе «советской науки». Более того, резкий слом прежнего вектора развития сферы фундаментальных и прикладных исследований совпал по времени (и это обстоятельство чрезвычайно усиливает общую неустойчивость и неопределенность сложившейся ситуации) с переходом мировой науки в целом на новый этап развития. Новейшие публикации в области философии и социологии науки пестрят выражениями «эпохальный перелом», «технонаука», «постакадемическая наука», «постнормальная стадия развития науки» и др. Применительно к современной ситуации в России рассуждения о *постакадемической* науке призваны зафиксировать новый тренд развития академической культуры, новый тип взаимоотношений науки и общества, который формируется у нас на глазах. Следует сразу оговориться – в рамках

настоящей статьи мы не пытаемся доказать, вслед за некоторыми особо ретивыми противниками Академии наук, что время академической науки прошло и чуть ли не единственный способ обеспечить инновационное развитие на российской почве – пойти по так называемому западному пути, «пересадив» науку в вузы. Другими словами, термин «постакадемическая» не означает видение науки вне (или после) границ Академии (в традиции употребления этого термина, идущего с эпохи Просвещения), а в случае с Россией – вне рамок Академии наук, поскольку реализация подобного сценария имела бы катастрофические последствия для национальной науки. В то же время добавление приставки «пост» призвано заострить внимание на том факте, что наука в современном обществе (и Россия здесь отнюдь не исключение) существенно трансформировалась, вследствие чего мы имеем полное право обсуждать (но отнюдь не всегда с ним соглашаться) популярный сегодня тезис о наступлении такого этапа в развитии института науки, когда преобразования во взаимоотношениях науки, техники и общества настолько глубоки, что привычный нам «образ науки», родившийся в эпоху Просвещения, устарел и нуждается в замене [Science Transformed..., 2011. P. 2].

Одной из наиболее важных черт «постакадемической науки», как правило, считается переход от традиционной (если угодно, бэконовской) модели, когда наука сама задает себе правила игры, сама определяет объект и конечные цели исследования, рассчитывая на социальные льготы и привилегии, или как минимум на нейтралитет власти и общества к совершенно иной модели, в рамках которой центральное место занимает постоянный поиск взаимоприемлемого компромисса внутренних (представления самих ученых) и внешних (действия государства и гражданского общества) факторов формирования и реализации научной политики. Анализируя причины подобной трансформации, зарубежные исследователи называют такие причины, как изменение социального контекста науки вследствие «ряда громких технологических катастроф – взрыва химического завода в Бхопале (Индия) и Чернобыльской катастрофы, [которые] поколебали общественное доверие к технологическим проявлениям научного знания и способностям науки оценивать и управлять рисками. В области естественных наук исследователи начали поднимать трудные вопросы в области биоэтики». Как результат, «в первом десятилетии 21-го века для научного знания характерна двойственность: оно вызывает симпатии и его опасаются... [таким образом] социальный контракт науки и общества открыт для переговоров» [Global Governance of Science..., 2009. P. 12].

Существенным фактором становится также изменение географии науки. Гегемония небольшого числа традиционных лидеров – США, Великобритании, России (СССР) и некоторых других стран, ушла в прошлое. Все более активно о своих достижениях заявляет Китай, начавший «самую амбициозную, со времен американской лунной гонки 1960-х, программу финансирования науки. Китайское правительство поставило цель довести сумму инвестиций в исследования и разработки до 87 млрд евро к 2020 г., что уже сейчас позволило обеспечить создание весомого потенциала в тех областях науки, которые ранее были прерогативой Соединенных Штатов, Европы и Японии. Возрастающий объем финансирования также ведет к увеличению числа ученых ... мощная база науки и инженерии пополняется выпускниками аспирантуры (4,9 млн чел. только в 2004 г.), ведется большая работа с представителями научной диаспоры для возвращения их из-за границы». Впечатляющие успехи демонстрируют Индия, Турция, Иран и другие страны. Позиции России на этом фоне постоянно слабеют, даже в тех областях, где мы исторически сильны – физических и технических науках [Ibid. P. 10].

Важнейший вопрос заключается в том, к чему приводит изменение «образа науки», связанного с именами великих ученых, таких как Кеплер или Дарвин, в чем на деле заключается специфика «посткадаемической науки». Ряд авторов утверждают, что сегодня общество «ожидает от современных исследований в первую очередь не открытия истины, а решения насущных проблем», т. е. речь идет, по сути, о разрыве союза науки и Просвещения. Взамен выдвигается тезис об «эпохальном переломе», т. е. признание факта «глубокой переориентации исследовательской практики... глубоких методологических и институциональных преобразований, которые претерпела наука в течение последних десятилетий» [Science Transformed..., 2011. P. 4]. Другие исследователи, напротив, считают, что «беспокоиться не о чем и что сегодня ситуация мало чем отличается от прошлого ... все слишком высокие оценки науки или Просвещения никогда не были ничем иным, как идеологией... наука никогда не была свободна от интересов и всегда проводилась в расчете на практическое приложение». Утилитаристы уверены: «По крайней мере, со времен Фрэнсиса Бэкона общество смотрело на науку как на источник ответов на свои проблемы, на стимул экономики, на возможность в целом внедрять полезные приложения» [Ibid.].

Важнейший вопрос заключается в том, какие цели ставит перед собой современная наука. По мнению зарубежных коллег, проводимые сегодня научные исследования представляют собой, как правило,

«научно-исследовательскую деятельность с целью управления сложными социотехническими системами, без особых ожиданий на всеобъемлющее понимание» [Science Transformed..., 2011. P. 5]. Другими словами, прикладная составляющая науки в современных условиях становится ведущей по сравнению с фундаментальной. В то время как сами ученые по-прежнему видят свою главную задачу в достижении «понимания», считая его единственной целью, по-настоящему достойной внимания и потраченных усилий, общество, напротив, выдвигает на первый план утилитарную задачу прикладного «применения». Понимание здесь, скорее, побочный эффект, даже без достижения которого задача будет считаться успешно решенной – если окажутся успешными результаты внедрения. Одновременно подчеркивается мысль о том, что новые условия функционирования (приоритет «науки в контексте применения») требуют тщательного анализа и последующего внедрения новых, более изощренных способов контроля за ее результатами, при безусловном отказе от идеи «чистой» науки.

Дж. Зиман, предложив концепцию «постакадемической науки», сформулировал и набор ее наиболее характерных черт: а) частное, а не общественное благо; б) локальное, а не универсальное явление; в) авторитарная, а не бескорыстная; г) заказная, а не оригинальная; д) экспертная, а не критическая [Ziman, 2000]. Последователи Зимана также делают упор на деформации классического этоса науки под влиянием промышленного и предпринимательского секторов. Исследования, проведенные в том числе на российском материале, подтвердили глубинные последствия коммерциализации для преподавательской и управленческой практики в университетах и академических институтах, усугубленные усилением влияния неолиберального мировоззрения и политики.

Обсуждая «новый социальный контракт» науки и общества, ряд авторов оперирует понятием «режим исследований». Традиционное научное исследование (в интерпретации авторов – «Режим исследований-1») представляло собой «анализ проблем, выдвинутых внутри научного сообщества и при помощи одобренных им процедур... изучение исключительно научных вопросов»; исследователь при этом был «довольно хорошо изолирован и защищен от непосредственного вмешательства извне». Классическим примером являются «большие научно-исследовательские лаборатории, за замкнутыми стенами которых проводились эксперименты». Сегодня все чаще речь идет о «Режиме исследований-2», который представляет собой «более открытое предприятие, характеризующееся трансдисциплинарной

ориентацией на социальные, экологические, промышленные или медицинские проблемы... [когда] граница между наукой и обществом становится все более проницаемой». Сближение интересов науки и общества «рассматривается как успех, поскольку предполагает новые возможности для социальной детерминации науки и техники» [Nowotny et al., 2001. P. 24].

В аналитических исследованиях, посвященных специфике современной научно-исследовательской практики, все чаще используется термин «технонаука», введенный в оборот Г. Хоттосом и получивший известность благодаря таким науковедам, как Б. Латур [Latour, 1993] и Д. Харавэй [Haraway, 1997]. В их трактовке выделение «технонауки» в качестве особого этапа развития системы научной деятельности обусловлено радикальным изменением наших взглядов на природу научного предприятия. В течение долгого времени наука понималась как поиск и производство знания, тогда как технологии – в качестве способа изменить условия жизни, аналогично противопоставлению природы как независимой от разума реальности культуре как продукту человеческой деятельности. В современных же условиях подобного рода попытки бесполезны, что и подчеркивает сам термин – «технонаука». Обозначившаяся перспектива синтеза науки и технологий в виде технонауки совпадает с эпохой постмодерна; технология начинает рассматриваться как прикладная наука, а наука – как своего рода прикладная технология, интеллектуальный и физический контроль над которой зависит от технологического модуса мышления. Но если Латур и Харавэй подчеркивают значение технонауки как нового понимания природы исследования, предлагающего новые способы действия и взаимодействия, то наука в логике постмодерна оказывается подчинена реализации желаемых целей любыми средствами. Все более популярной становится также интерпретация «эпохального перелома» как перехода научного предприятия в режим технонауки. И если для классического этапа развития научного *предприятия* характерно наличие *промежутков* – между природой и культурой, наукой и технологией, то для технонауки (и это критическая точка различения) подобное разделение не только невозможно, но и не требуется [Science Transformed., 2011. P. 11].

Одновременно ряд аналитиков предлагают радикальный контрапункт тезиса об «эпохальном переломе». Вместо утверждения, что наука больше не заинтересована в теоретическом понимании мира и стремится прежде всего его переделать, следует, по их мнению, принять мысль о том, что наука всегда ставила перед собой предельные цели, но только сейчас она способна выполнить свои обещания.

Трактовка науки как в первую очередь теоретического предприятия, которое, бесспорно, крайне заинтересовано в поисках истины, дополненного резким усилением внимания к вопросам «полезности» и «эффективности», сохраняет свою актуальность и сегодня, поскольку теоретическое понимание до сих пор необходимо для достижения утилитарных технологических целей. В этом смысле современная наука сохраняет эпистемические функции [Carrier, Nordmann, 2010].

Обратимся к российскому опыту. Споры о том, какова современная наука, должно ли государство и общество тратить деньги на ее поддержку, остается ли наука общественным благом в новых условиях, идут давно. С развалом СССР и началом «шоковой терапии» науки одним из способов выживания для многих ученых стала организация бизнеса в сфере науки, что можно интерпретировать как постоянное усиление, наряду с «Режимом исследований-1» (наука как понимание), «Режима исследований-2» (наука как применение). В новосибирском Академгородке появилось большое число фирм, которые пытались торговать технологиями и разработками. По данным на начало 2000-х гг., в Новосибирском научном центре было около 200 так называемых малых фирм, причем около 50 из них было создано самими институтами, а остальные – силами только сотрудников, без участия институтов. В совокупности масштаб их деятельности, по оценкам руководителей СО РАН, был примерно равен работе крупного института.

Практическое участие в наукоемком бизнесе существенно стимулировало научную деятельность. Сотрудники наукоемких фирм испытывали чувство профессионального удовлетворения, которого, возможно, им не хватало в сфере академической науки. Инициатива создания малых инновационных предприятий исходила от самих ученых и инженеров, и крайне редко – от руководства институтов. Ведущие кадры фирм составляли, как правило, учредители, обычно это были активно работающие ученые и инженеры, связанные с исследовательской сферой. Почти все они одновременно продолжали работать в институтах СО РАН. Это означало, что подобные предприятия нельзя назвать в полном смысле коммерческими, поскольку главным был не коммерческий успех, а успешная самореализация [Гордиенко и др., 2000].

Сегодня в Сибирском отделении РАН сложилось несколько способов коммерциализации научных достижений:

1) модель Института ядерной физики – все делается в учреждении, которое является своего рода холдингом; входящие в его состав

малые инновационные предприятия находятся под контролем дирекции института;

2) модель Института автоматики и электрометрии – коммерческие структуры созданы при лабораториях, институт не вмешивается в процесс осуществления и не претендует на долю прибыли (кроме арендных платежей);

3) модель Института катализа – промежуточная модель, наряду с фирмами, созданными институтом и работающими под его контролем, есть ряд малых инновационных предприятий, созданных независимо от дирекции

С середины 2000-х гг. ведущим вектором развития наукоемкого бизнеса стало создание технопарков, представляющих собой в первую очередь форму поиска перспективных людей и технологий, а также информационной, юридической, технологической поддержки инновационных фирм. В последнее время наметилось острое противостояние между руководством Сибирского отделения РАН и Технопарком новосибирского Академгородка, который, кстати, является одним из немногих реально существующих и при этом успешно работающих отечественных технопарков. По сути, спор сводится к тому, за кем будущее Академгородка – за академической фундаментальной наукой или бизнесом в сфере наукоемких технологий. Бывший председатель СО РАН А. Асеев утверждал, что время от времени отдельные представители власти и бизнеса заявляют, что Академгородок – наследие давно кончившейся холодной войны и пора его перекраивать в соответствии с реалиями современной России, а академическая наука – ненужный реликт советского прошлого. По его мнению, подобные представления находятся в вопиющем противоречии с реалиями современной России, с завещанием основателей Академгородка, мировой практикой развития технологий и экономики на основе новейших достижений науки, интеграции инновационных компаний с университетами и научными институтами.

По мнению Д. Верховода, бывшего руководителя Технопарка новосибирского Академгородка, Городок вряд ли выживет как научный центр в чистом виде. Государство просто не сможет создать для ученых действительно достойное качество жизни. Надо зарабатывать деньги самим, на свои средства развивать Академгородок, Новосибирск и всю Россию. Технопарк в Академгородке создан именно для этого, он представляет собой продуманную инфраструктуру для поддержки инновационной деятельности. Сейчас научные институты получили законную возможность организовывать малые инновационные предприятия для коммерциализации своих разработок. Эти предприятия

не должны мешать ученым заниматься наукой, поэтому бизнес из институтов наверняка будет переезжать в технопарк. По словам Д. Верховода, в идеале хотелось бы добиться для Академгородка таких же льгот, какие уже есть у «Сколково», или ставить перед собой цель получения особого нормативно-правового режима для территории Академгородка. Но встает вопрос: будет ли СО РАН заниматься инновационной деятельностью и инновационным бизнесом? Возможно, из хороших ученых и могут получиться успешные бизнесмены, но кто же тогда будет развивать науку?

Проведенные нами в академических центрах Сибири социологические исследования выявили наличие интересного феномена. Отрицательно относясь к процессу коммерциализации науки, ученые в то же самое время категорично утверждают, что низкий уровень доходов в науке остается главным фактором, из-за которого люди уходят в другие сферы деятельности, а молодежь не идет в науку (около $\frac{2}{3}$ ответивших) [Аблажей, 2004. С. 72]. Следом за этим важнейшим фактором по значимости следует нерешенность жилищных проблем, что также имеет непосредственное отношение к проблеме доходов. Получается, что процесс увеличения доходов в науке, процесс, от которого зависит само выживание науки, с точки зрения наших респондентов, не должен сопровождаться процессом ее коммерциализации, что полностью противоречит государственной политике (как на уровне федерального центра, так и на уровне регионов) в отношении и фундаментальной, и вузовской науки в России.

Наши исследования показали, что из числа аспирантов академических институтов около 40 % хотели бы сделать классическую карьеру ученого, тогда как около 50 % предпочли бы работу в сфере наукоемкого бизнеса или в негосударственном научном центре [Аблажей, 2006]. Этот факт ярко показывает двоякую природу современной науки, которая продолжает сохранять, с одной стороны, классический образ социального института, нацеленного на производство достоверного знания («понимание»), с другой – нацелена на утилитарные цели, имеющие вполне конкретное коммерческое выражение («применение»). Задача состоит в том, чтобы создать условия для взаимовыгодного сосуществования этих двух ипостасей. Таким образом, современная ситуация в отечественной науке представляет собой соединение двух тенденций, «академической» (классической) и постакадемической (неолиберальной). Следует предположить, что их конкурентное сосуществование продолжится и в дальнейшем.

Мы являемся свидетелями борьбы за лидерство в сфере производства и внедрения инноваций, борьбы за то, кто первый в связке – нау-

ка или технологии (технонаука!), и сказать, кто станет победителем – пока невозможно. Однако уже сегодня можно уверенно говорить о том, что академическая наука, в том числе в Сибири, смогла успешно адаптироваться к условиям рынка, а последние четыре года небезуспешно пытается адаптироваться к новым условиям функционирования, вызванным радикальной реформой науки 2013 г. Институты нашли способы взаимовыгодного сотрудничества с промышленностью, корпорациями в сфере энергетики и лесного хозяйства, успешного участия в крупных международных проектах, таких как Большой адронный коллайдер. Сильный толчок к развитию приобрели ведущие вузы академических центров Сибири – Новосибирска, Красноярска, Томска, Иркутска, – получившие статус федеральных и национальных исследовательских университетов. Академическая и вузовская наука де-факто является элементом инновационной системы страны.

Список литературы

Аблажей А. М. Современное состояние научных сообществ Сибири (по материалам социологических исследований 2003 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 71–74.

Аблажей А. М. Научная карьера в представлениях студентов и аспирантов. Факторы выбора и критерии успеха // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2006. Т. 4, вып. 2. С. 98–104.

Гордиенко А. А., Еремин С. Н., Тюгашев Е. А. Наука и инновационное предпринимательство в современном обществе. Социокультурный подход. Новосибирск, 2000.

Carrier M., Nordmann A. Science in the Context of Application. Dordrecht: Springer, 2010.

Global Governance of Science. Report of the Expert Group on Global Governance of Science to the Science, Economy and Society Directorate, Directorate-General for Research, European Commission. Brussels, 2009.

Haraway D. Modest Witness and Second_Millennium. N. Y.: Routledge, 1997.

Latour B. We Have Never Been Modern. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1993.

Nowotny H., Scott P., Gibbons M. Rethinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty. Cambridge, Mass.: Polity, 2001.

Science Transformed. Debating Claims of an Epochal Break. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 2011.

Ziman J. *Real Science: What It Is, and What It Means*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2018

A. M. Ablazhey

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

ablazhey@academ.org

POST-REFORM SCIENCE: GLOBAL TRENDS AND LOCAL SPECIFICS

The article describes the key points of the discussion on the «epochal break» in science, its transition to the «post-academic» stage associated with commercialization and the rise of the pragmatic approach to planning, funding and evaluation of research results, which leads to a new image of modern science. The patterns are illustrated by the example of processes taking place in modern Russian (post-Soviet) science.

Keywords: post-academic science, commercialization, transformation, image of science, epochal break.

References

Ablazhey A. M. Nauchnaya kar'era v predstavleniyah studentov i aspirantov. Faktory vybora i kriterii uspeha [Scientific career in the views of students and PhD students. Factors of choice and criteria for success]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2006, vol. 4, no. 2, p. 98–104. (In Russ.)

Ablazhey A. M. Sovremennoe sostoyanie nauchnykh soobshestv Sibiri (po materialam sociologicheskikh issledovaniy 2003 g.) [The current state of the scientific communities of Siberia (based on sociological research 2003)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [The Humanities in Siberia]*, 2004, no. 1, p. 71–74. (In Russ.)

Carrier M., Nordmann A. (eds.) *Science in the Context of Application*. Dordrecht, Springer, 2010.

Global Governance of Science. Report of the Expert Group on Global Governance of Science to the Science, Economy and Society Directorate, Directorate-General for Research, European Commission. Brussels, 2009.

Gordienko A. A., Eremin S. N., Tyugashev E. A. *Nauka i innovatsionnoe predprinimatel'stvo v sovremennom obschestve. Sociokulturnyi podhod* [*Science and Innovative Entrepreneurship in Modern Society. Sociocultural Approach*]. Novosibirsk, 2000. (In Russ.)

Haraway D. *Modest Witness and Second Millennium*. New York, Routledge, 1997.

Latour B. *We Have Never Been Modern*. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1993.

Nowotny H., Scott P., Gibbons M. *Rethinking Science: Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty*. Cambridge, Mass., Polity, 2001.

Science Transformed. *Debating Claims of an Epochal Break*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press, 2011.

Ziman J. *Real Science: What It Is, and What It Means*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 2000.

УДК 304. 42

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-108-117

И. С. Тарбастаева

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

inna-tarbastaeva@yandex.ru

ПРАВО И ЭТНИЧНОСТЬ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

Актуализирован методологический вопрос об исследованиях этничности в правовом пространстве. Показано, что юридические науки рассматривают этнокультуру лишь в контексте реализации принципа равенства, профилактики дискриминации. Раскрываются два концептуальных подхода в мультикультурном дискурсе, по-разному интерпретирующих необходимость правового обеспечения этнических интересов (Ч. Кукатас, С. Бенхабиб, У. Кимлика, Ч. Тейлор). Сделан вывод, что теоретическая проблема определения возможностей права в сфере этничности остается открытой.

Ключевые слова: право, этничность, либеральная демократия, мультикультурализм, этнокультурные группы, коллективные права.

Право выступает одним из наиболее значимых регуляторов общественных отношений. Современный же социум характеризуется выраженной этнической составляющей, которая накладывает определенную специфику на глобальные и локальные взаимодействия. Речь идет не просто об этнической самоидентификации индивидов, но и о сложившихся паттернах поведения, устойчивых социальных практиках. С одной стороны, право, обеспечивая частную безопасность, легальность, так или иначе сталкивается с необходимостью учета этнических интересов участников. Вместе с тем в нем заложена идея формального равенства, в общем смысле означающая единую для всех меру регуляции, абстрагирование от фактических различий. Надо сказать, что признание за правом возможности предоставления равной для всех защиты, – серьезное достижение мирового сообщества. В данной ситуации у социальных исследователей возникает во-

прос теоретического характера: следует ли праву репрезентировать этнические интересы или оно является предельно общим надэтническим гарантом для всех? В рамках настоящей статьи мы не будем принимать во внимание обычное этническое право, по-прежнему функционирующее в традиционных обществах, не ориентированных на рыночную экономику, а сосредоточимся на нормативном праве.

Следует отметить определенную методологическую неразработанность в литературе взаимосвязи этничности и права. Чисто юридические науки практически абстрагируются от углубленного исследования влияния этнического фактора на правовые отношения. Как правило, в них этнокультура рассматривается в контексте реализации принципа равенства, недопущения дискриминации, как одно из фактических различий между людьми, потенциально содержащее в себе риски умаления достоинства личности. Миссия права здесь заключается в обеспечении максимально равностного взаимодействия, по сути, в устранении влияния этнического на принятие тех или иных решений. На этом интерес именно правовых дисциплин к данному феномену исчерпывается. Справедливо отмечает А. А. Романов, что «этнические проблемы, тем более соотношение этничности и политики (право), вплоть до Нового и Новейшего времени, не были объектом пристального внимания ни теоретико-правовой мысли, ни политической практики» [2016. С. 65].

В настоящее время концептуальное осмысление данной проблематики мы находим в работах по политической философии¹. В крупных исследованиях, посвященных построению либерального общества, можно выделить два сложившихся подхода, по-разному интерпретирующих необходимость правового обеспечения этничности как сферы общественных отношений. Согласно первому достаточно обеспечивать защиту индивидуальных прав и отдельное выделение этнических прав необязательно (мягкий тезис), или антидемократично (сильный тезис). Второй подход, наоборот, предполагает важность правовой защиты этнических интересов; в его рамках существуют различные обоснования правомерности данного законодательного регулирования. Как ни странно, в основе обоих взглядов лежат либеральные идеи относительно свободы выбора культуры, в приверженности которой будет протекать жизнь человека. Исследователи сходятся во мнении, что традиции, верования представляют собой важную ценность не только для одного члена сообщества,

¹ Дальнейшее развитие выдвинутых крупными исследователями тезисов, как правило, происходит в междисциплинарном русле – юридической антропологии, правовой этнологии, этносоциологии, этнополитологии.

но и для социума в целом. Однако вопрос правового оформления этничности вызывает серьезные дискуссии среди западных интеллектуалов, а также в российском научном сообществе. Рассмотрим основные аргументы, которые выдвигают представители данных подходов.

Так, одни ученые считают, что либеральное государство должно быть нейтральным, терпимым по отношению к этничности, и не предоставлять особых преимуществ ни одной конкретной группе. Общество не может поддерживать одну из нескольких концепций добродетельной жизни, поскольку это означало бы дискриминацию по отношению к тем, кто предпочитает другой образ жизни ². Развивая эту логику, Ч. Кукатас одной из основных установок либертариистского мультикультурализма полагает политику индифферентности к этничности как таковой. В правовом смысле это должно выражаться закреплением исключительно индивидуальных прав. Он пишет, что мультикультурное общество «никому не будет мешать стремиться к собственным целям или поддерживать определенные традиции, но при этом не будет ... отдавать особое предпочтение никаким целям и традициям» ³. Сообщества вторичны по отношению к индивиду, поэтому исследователь отстаивает право свободного выхода из группы, если индивид чувствует себя ущемленным теми традициями, которые в ней поддерживаются [2011]. Другими словами, ценность представляет человек, а сообщества важны постольку, поскольку помогают ему в достижении собственного блага.

По определению самого же автора, его взгляды относятся к политике «мягкого мультикультурализма», согласно которой главная функция современного государства заключается в поддержании общего культурного фона без оказания каких-либо протекций локальным культурам [Там же. С. 31]. В качестве конкретных механизмов философ предлагает исключить из правовой и политической практики и риторики такие категории, как расовая и этническая принадлежность ⁴.

Мнения о том, что государство должно быть непредвзятым, максимально объективным для различных культур, разделяет также С. Бенхабиб. Правда, ее обоснование несколько отличается: если

² См.: *Тейлор Ч.* Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами (1998). URL: <http://kant.narod.ru/taylor.htm> (дата обращения 12.12.2017).

³ *Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма (2007). URL: <http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/> (дата обращения 12.12.2017).

⁴ *Кукатас Ч.* Всякая культура служит, прежде всего, адаптационным механизмом // Круглый стол «Важна ли культура для развития» (26.05.2010). URL: <http://www.liberal.ru/anons/4755> (дата обращения 18.12.2017).

Ч. Кукатас основывается на принципах мультикультурализма, то она находит их несовместимыми с идеями западной либеральной демократии. В качестве онтологического базиса ее позиции выступает особая интерпретация культуры как внутренне расщепленных и оспариваемых нарративов. Для С. Бенхабиб культуры – это не однообразные, а многоголосные, многоуровневые, децентрализованные и расколотые на части системы действия и смылоторчества [2003. С. 33]. Исследовательница резко выступает против «культурного эссенциализма»: взгляда, воспринимающего культуры как четко очерченные целостности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы. Она пишет: «...изнутри культура вовсе не кажется некоей целостностью, а скорее задает горизонт, постоянно удаляющийся по мере приближения к нему» [Там же. С. 6]. Поэтому для нее любые движения в поддержку чистоты культурных форм противоречат демократическим и эпистемологическим соображениям.

Более того, она считает, что требования групп по защите их культурных особенностей вовлекает государство в культурные войны. «За исключением специальных законов для иммигрантов о нерабочих днях по субботам и воскресеньям и некоторых правил, касающихся одежды, – утверждает она, – полиэтнические культурные правила должны быть подчинены процессам ассимиляции в основные национальные культуры» [Там же. С. 72]. По сути, С. Бенхабиб верит, что демократические институты способны отразить интересы каждого. Задача достижения демократического равенства в ее интерпретации состоит в создании публичных беспристрастных институтов, где борьба за признание культурных различий могла бы происходить без чьего-либо доминирования [Там же. С. 10].

Таким образом, в рамках классической либеральной демократии общая задача права в отношении этничности заключается в профилактике противодействия дискриминации человека по данному признаку. Провозглашение равных прав и возможностей вне зависимости от национальности, расы, вероисповедания, пола, по сути, выводит этничность за пределы действия права. В то же время государство позволяет каждому создавать ассоциации, собственными силами актуализировать смысловое и символическое значение коллективных традиций, ритуалов. Такова теоретическая позиция сторонников первого подхода. Обозначим, что реализация безразличного к этническим проблемам либерального режима практически невозможна. Огромные миграционные потоки, активное отстаивание коренными народами своего права на самобытное развитие,

не утасаживающее желание людей сохранить языковые маркеры отличия (как в случае с канадской провинцией Квебек, где единственным официальным языком признан французский) приводят к тому, что государства, в которых либерализм зарождался и процветал, вынуждены регулировать этнокультурную жизнь населения, выходя за рамки антидискриминационной защиты. Так, в 1996 г. Германия, Люксембург и Швейцария подписали «Декларацию о хартии народов и регионов», в которой признаются, что «для реализации подлинного равноправия индивидуумов необходима защита национальной идентичности целой группы»⁵.

Представители второго подхода (или так называемого «жесткого мультикультурализма») отрицают и критикуют идею этнокультурной «нейтральности» государства. Наиболее известными сторонниками активной политики по стимулированию развития культур являются канадские философы У. Кимлика и Ч. Тейлор. Оба теоретика убеждены, что локальные этнические сообщества нуждаются в предоставлении специальных юридических мер – коллективных прав. В их представлении право напрямую обязано корректировать существующее фактическое неравенство между различными культурными группами в рамках одного сообщества. Как бы это государство ни декларировало равенство всех граждан, по факту публичные институты, прежде всего, обслуживают доминирующую этническую группу и отражают ее ценности и представления. Кроме того, принципы свободы выбора, частной собственности не только обеспечивают равный доступ к социальным благам, но и естественным образом позволяют гражданам самостоятельно регулировать частоту и характер этнокультурного взаимодействия. В том числе, они позволяют и держать определенную дистанцию в тех случаях, когда представители недоминирующего сообщества в достаточной мере самобытны и не вписываются в культурный ландшафт местного сообщества. Исследователи справедливо отмечают, что «невозможно контролировать и регулировать все контакты и все сделки, где у людей есть право делать выбор в отношении других людей... На совершенно законных основаниях одни лица могут делать выбор, с кем им иметь дело, а с кем нет, – кому сдавать в аренду жилье, кого нанимать на работу» [Осипов, 2012. С. 26–27].

Так, У. Кимлика полагает, что этнокультурные группы, составляющие меньшинство, нуждаются в правовой поддержке, поскольку на-

⁵ Декларация «О хартии народов и регионов» (Брновская программа). Нюрнберг, 2003. URL: [http:// www.balkaria.info/events/zakon/declaration.htm](http://www.balkaria.info/events/zakon/declaration.htm) (дата обращения 18.12.2017).

ходятся в неблагоприятном экономическом и социокультурном положении. Общественные институты скрыто отображают в себе культуру и интересы большинства. В то время как признание идентичности, языка и культурной принадлежности важно для полноценного осознания себя как равноправного члена общества и полноценной личности. Эти два аргумента свидетельствуют о том, что коллективные права культурных меньшинств могут обеспечить справедливое равенство возможностей.

По его мнению, следует различать «благожелательное пренебрежение», когда либеральное государство пытается относиться ко всем культурным группам одинаково, и «либеральную нейтральность», при которой оно поощряет развитие культур в той мере, в какой это выгодно большинству. Коллективные права выгодны для государства, так как формируют дифференцированный подход к гражданству, способствующий лучшему включению в культуру большинства. Он пишет: «... квебекцы и каталонцы отвергают саму идею интеграции в “общую” национальную культуру, поскольку они считают себя отдельной нацией в пределах более крупного государства, то есть отвергают идею об общей национальной культуре в Канаде и Испании. Как следствие, они требуют коллективных прав самоуправления, чтобы поддержать свою отличную культуру от культуры большинства» [Кимлика, 2010. С. 27]. Таким группам следует предоставить «форму территориального самоуправления, официальный статус языка в их самоуправляемом регионе и право создавать весь набор общественных институтов... функционирующих на их языке» [Там же. С. 417]. По мнению У. Кимлика, коллективные права вполне совместимы с основными либеральными принципами.

Ч. Тейлор также полагает, что «слепой к различиям» либерализм не может стать почвой для всех культур: он скорее является выражением одного типа культуры. Философ опасается, что в таких условиях доминирующее большинство ассимилирует меньшинство, исчезает самобытность, а значит – и культурное разнообразие [Taylor, 1992. Р. 38]. Его решение заключается в проведении политики различия, предполагающей групповые права, благодаря которым культуры не просто имеют возможность выживать, но и признаются значимыми и равными по своей ценности. Сохранение групповых идентичностей важно еще и потому, что они являются источником формирования индивидуальных идентичностей. В качестве примера коллективных прав могут послужить особые права саамов на вылов рыбы и занятие оленеводством в Норвегии или особые квоты на вы-

лов рыбы, которые предоставлены коренным народам в России [Казнина, 2016].

Принципиально верным является то, что в философских воззрениях Ч. Тейлора культура, в которой происходят те или иные процессы, играет значимую роль. Осмысливая историю, он приходит к неутешительному выводу, что последних два столетия в интеллектуальном пространстве доминировали «акультурные теории», интерпретирующие историю западной цивилизации без привлечения культурно значимых понятий. Такие теории «не ставят перед собой цели выяснить, почему одни и те же процессы протекают в разных культурах по-разному» ⁶.

Итак, отметим, что идеи обоих философов вызвали живой интерес у российских исследователей, о чем свидетельствует значительный объем литературы, посвященной их анализу. По сути, в концепциях мультикультурализма не ставилась задача теоретического исследования соотношения «права» и «этничности» как научных категорий. Вопрос, должно ли право как универсальный регулятор быть надэтническим или ему следует вмешиваться в этнокультурные проблемы социума, в данных теориях решается, исходя из соответствующей западной политико-идеологической перспективы. В этом смысле исследовательская проблема нахождения места этничности в правовом пространстве остается, на наш взгляд, открытой и требует внимания, прежде всего, со стороны теоретиков права. Тем не менее мультикультурные дискуссии оказались плодотворными, и их участникам удалось сформировать четкие позиции относительно правового обеспечения этнокультурной жизни общества. С одной стороны, это минимизация роли государственного права в сфере этнических интересов, с другой – активное участие и поддержка путем представления особых коллективных прав недоминирующим культурным группам. Если кратко обозначить собственную позицию, то, безусловно, недостаточно законодательно закрепить отмену дискриминации, например, при получении образования и устройстве на работу. Очевидно, что сфера этнических интересов и вытекающих отсюда проблем и противоречий подлежит более углубленному, проработанному правовому регулированию.

Как правило, этнические права обсуждаются сквозь призму коллективности; практически нет исследований, посвященных этническим правам индивида. И в этом есть своя логика. Сама по себе

⁶ Мюрберг И. И. Ч. Тейлор о методологическом статусе понятия «культура» в интерпретативной истории Модерна // *Вопр. философии*. 2012. № 10. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=615 (дата обращения 12.12.2017).

этничность – явление коллективное, свидетельствующее о существовании некоего сообщества. Причем его онтологический статус (реальный или символический) здесь большой роли не играет: достаточно признавать, фактически констатировать его наличие в коммуникативном публичном пространстве. Конкретный индивид выражает лишь определенный срез той этнической действительности, к которой он себя добровольно причисляет. Он не в состоянии быть носителем всей многомерности ценностей, установок, легитимных в том или ином сообществе. Поэтому реализация этнокультурных интересов индивида невозможна без обеспечения развития всей группы, в которой сосредоточены смыслы и убеждения, составляющие неотъемлемую часть его личности.

Список литературы

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху / Пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003.

Казнина И. А. Этнокультурная идентичность коренного народа саамы в политико-правовом контексте России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 69–72.

Кимлика У. Современная политическая философия: введение / Пер. с англ. С. М. Моисеева. М.: Изд. Высш. шк. экономики, 2010.

Кукатас Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011.

Осипов А. Этничность и равенство в России: особенности восприятия. М.: Центр «Сова», 2012.

Романов А. А. Этничность в правовом измерении // Юридическая мысль. 2016. № 5 (97). С. 64–72.

Taylor Ch. Multiculturalism and the Politics of Recognition. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1992.

I. S. Tarbastaeva

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

inna-tarbastaeva@yandex.ru

LAW AND ETHNICITY: RESEARCH APPROACHES

The article raises the methodological question of studies of ethnicity in the legal space. It is shown that the juridical sciences consider ethno-culture only in the context of the realization of the principle of equality, non-discrimination. Two conceptual approaches are revealed in the multicultural discourse that interpret differently the need for legal support for ethnic interests (Ch. Kukatas, S. Benhabib, W. Kymlicka, Ch. Taylor). It is concluded that the theoretical problem of determining the possibilities of law in the sphere of ethnicity remains open.

Keywords: law, ethnicity, liberal democracy, multiculturalism, ethno-cultural groups, collective rights.

References

Benhabib S. *Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noy epokhu* [*The Claims of Culture, Equality and Diversity in the Global Era*]. V. I. Inozemtseva (ed.). Moscow, Logos Publ., 2003. (In Russ.)

Kaznina I. A. Etnokul'turnaya identichnost' korennoy naroda saamy v politiko-pravovom kontekste Rossii [Ethno-cultural identity of the indigenous people of the Saami in the political and legal context of Russia]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obschestvennye nauki* [*Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*], 2016, no. 10, p. 69–72. (In Russ.)

Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie* [*Modern Political Philosophy: Introduction*]. Moscow, High School of Economics Publ., 2010. (In Russ.)

Kukathas C. *Liberal'nyi arhipelag: Teoriya raznoobraziya i svobody* [*The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom*]. Moscow, Mysl' Publ., 2011. (In Russ.)

Osipov A. *Etnichnost i ravenstvo v Rossii: osobennosti vospriyatiya* [*Ethnicity and Equality in Russia: Peculiarities of Perception*]. Moscow, Centr «Sova» Publ., 2012. (In Russ.)

Romanov A. A. Etnichnost v pravovom izmerenii [Ethnicity in the legal dimension] *Yuridicheskaya mysl'* [*Legal Thought*], 2016, no. 5 (97), p. 64–72. (In Russ.)

Taylor Ch. *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton (NJ), Princeton Univ. Press, 1992.

УДК 316

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-118-128

О. К. Трубицын

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

trubitsyn77@mail.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗРАБОТКИ ФИЛОСОФИИ ГОРОДА

Город как специфическая форма территориальной организации общества крайне редко становится объектом философского анализа. Между тем значение городов возрастает на практике, и это должно быть отражено в теории. Изучение процессов урбанизации и тематики города в целом актуально с точки зрения философии истории – в плане выявления взаимосвязи процессов урбанизации и социального развития, с точки зрения философии культуры – в плане анализа процесса модернизации культуры, а также с точки зрения философии политики – в плане оценки плюсов и минусов углубления урбанизации для благополучия нации.

Ключевые слова: город, государство, урбанизация, урбанистика.

Цель данной статьи – обосновать философскую актуальность теории города и очертить круг ее вопросов, имеющих наибольшее философское значение. В дальнейшем это должно подвести нас к формулировке предмета философии города.

В связи со сложившейся дисциплинарной специализацией историческая наука изучает общество во временном аспекте, география – в пространственном. Социология и, на более абстрактном уровне, социальная философия традиционно теснее смыкаются с историей, чем с географией, стремясь выявить закономерности развития общества во времени. Философия истории справедливо считается важнейшей составной частью социальной философии. В условиях несформированности философии географии как особой философской дисциплины, философия истории частично берет на себя также задачу анализа процессов развития общества в пространстве, но лишь в минимально необходимой для решения собственных задач мере. Пространственный аспект социальной организации рассматривается и в рамках те-

оретической социологии, но также можно сказать «по касательной». Среди дисциплин социального познания и основных обществоведческих парадигм лишь очень немногие отдают приоритет пространственному аспекту социальности. Сюда относятся, помимо собственно политической и экономической географии, геополитика и такая парадигма, как миросистемный анализ. Но геополитику и миросистемный анализ из всех форм территориальной организации социума почти исключительно интересует государство. Это справедливо, если принять во внимание значение института государства, а также учесть то, что именно государства являются субъектами геополитических отношений. Однако при этом получается, что в пренебрежении остается другая важнейшая форма территориальной организации социума – город.

Между тем изучение города как специфической формы территориальной организации общества имеет важное научно-философское значение, равно как и изучение процесса урбанизации – одного из ключевых аспектов модернизации и, шире, социального прогресса как такового. Урбанизация при этом выступает как «процесс интенсификации общения и концентрации людей в центрах этого общения» [Гохман, Лаппо, 1972. С. 303], являясь важной предпосылкой социального развития. В последние десятилетия урбанизация обрела глобальный характер, охватив те регионы мира, которые до последнего времени оставались преобладающе сельскими. В начале текущего века на наших глазах произошел перелом всемирно-исторического значения: теперь более половины жителей мира составляют горожане. Так что данная тематика имеет значительную практическую актуальность.

Как отмечал еще А. Смит, урбанизация связана с развитием общественного разделения труда, одновременно выступая фактором его дальнейшего углубления. Иначе говоря, города изначально выступали как агенты прогресса. Это утверждает, в частности, Э. Соджа [Soja, 2000. Р. 24], по мнению которого, город и государство – две основные пространственные формы социальной организации, с помощью которых осуществлялся прогресс цивилизации. В ранний период истории они были чем-то единым – городом-государством, а затем государство – в форме империи, а позднее – национального государства, заменило город в качестве движущей силы истории, символом чего стал переход понятия «гражданство» с обитателей города на жителей страны. Тем не менее значимость города как формы организации и сегодня остается принципиальной. Э. Соджа поддерживает мнение Ч. Майселса о том, что, будучи местами, где плотность взаимодей-

ствия и взаимозависимость являются важными чертами повседневной жизни, города были и остаются центрами инноваций.

С точки зрения некоторых анархистов, например П. А. Кропоткина [2002], город вообще выступает чуть ли ни единственным агентом прогресса среди прочих форм территориальной организации. Средневековые вольные города, образующие свободную федерацию, наряду с федерациями сельских общин являлись для него воплощением принципа взаимопомощи – главного фактора эволюции. Средневековая революция городов, освободившая городские коммуны от власти феодальных государств, обеспечила импульс ускорения социального развития в этот и в следующий, нововременный периоды истории, в то время как государство паразитирует на этом прогрессе и подавляет его.

Чаще, чем с государством, город соотносится и противопоставляется с деревней, сельской организацией общества. Традиционное общество нередко именуют аграрным в силу того, что сельскохозяйственный труд абсолютно преобладал, соответственно и доля сельского населения была доминирующей. Сельский образ жизни большинства населения вел к доминированию сельской народной культуры. Модернизация связана одновременно с индустриализацией и урбанизацией. Постепенно большинство населения развитых стран оказывается горожанами, а городская культура и образ жизни начинают преобладать повсеместно, проникая и в оставшиеся сельские районы.

Отношение к данному процессу у сторонников разных идеологий резко различается. Консерваторы в большинстве своем и некоторые националисты и социалисты относятся к данной тенденции негативно. Причины для этого у них, конечно, совершенно разные. Так, Отто фон Бисмарк полагал, что большие города представляют общественную опасность в силу того, что являются центрами революционного движения. Для О. Шпенглера урбанизация связана с превращением культуры в цивилизацию, с угасанием ее души. Закат Европы проявляется среди прочего в том, что «мировой город окончательно покорил деревню, и его дух образует теперь собственную, неизбежно направленную на внешнее, механическую, бездушную теорию» [1998. С. 522]. Для Пол Пота город выступал средоточием зла и морального упадка, поскольку именно через города в страну (Камбоджу в данном случае) проникает тлетворная западная культура. Русские народники, будучи сторонниками крестьянского социализма, надеялись, что основой справедливого общества может стать крестьянская община. Антропологу крайне правых взглядов, Г. Гюнтеру припи-

сывают известный афоризм о том, что народы рождаются в деревне и умирают в городе. Даже если он таких слов и не говорил, они точно выражают его представления о прямой связи урбанизации со снижением рождаемости.

Для прогрессистов характерно, напротив, положительное отношение к урбанизации. В качестве примера можно привести высказывания классиков марксизма. Для К. Маркса и Ф. Энгельса отделение города от деревни – это важный этап развития общественного разделения труда. В городах же происходило зарождение и укрепление позиций буржуазии, что впоследствии способствовало уничтожению феодального строя. «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни» [Маркс, Энгельс, 1985. С. 146]. Города, таким образом, воплощают собой динамизм, просвещение и прогресс, в то время как село – это косность, застой и обитель «идиотизма деревенской жизни». В то же время в работе «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс описывает жилищные условия городских рабочих как антисанитарные и не способствующие их развитию. Так что целью коммунистической партии, как отмечено в «Манифесте...», должно быть не доведение предшествующих тенденций урбанизации до предела, а «соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней» [Там же. С. 160]. Признавая, что данная цель позаимствована у утопистов, Ф. Энгельс настаивает, что она, тем не менее, не является утопической: «...уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно – оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены» [Маркс, Энгельс, 1986. С. 274]. Кроме того, это «не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране» [Там же. С. 275]. Тем не менее, по сути, этот проект означает не обращение урбанизации вспять, а, напротив, углубление этого процесса в новой форме, когда коммунистическая городская культура становится всеобщей. Так что, можно сказать, в марксизме все социальное развитие выглядит как движение от деревни к городу. Городская среда считается более благоприятной для формирования нового человека, для развития ре-

волюционного пролетарского движения. Любое прогрессивное явление зарождается в городе и лишь затем захватывает деревню.

Итак, изучение процессов урбанизации и тематики города в целом актуально с точки зрения философии истории – в плане выявления взаимосвязи процессов урбанизации и социального развития, с точки зрения философии культуры – в плане анализа процесса модернизации культуры, а также с точки зрения философии политики – в плане оценки плюсов и минусов углубления урбанизации для благополучия нации.

Нельзя, впрочем, сказать, что изучением города не занимаются вообще, – он является объектом исследования урбанистики (градоведения). В узком смысле слова урбанистикой (от итал. *urbanistica* – наука планирования города) называют прикладную дисциплину, изучающую практику городского планирования, важнейшей составной частью которого является архитектурное планирование, с целью постановки разработки стратегии городского развития на научную основу. В. Л. Глазычев [2008], помимо изучения внешних форм города и вариантов его композиционной структуры, к основным темам современной урбанистики относит изучение проблем социальной жизни города, а также проблем городской инфраструктуры, экономики города и управления его развитием. Но также он признает и более абстрактное понимание предмета урбанистики – изучение процесса урбанизации во всех его формах. В более широком смысле слова под урбанистикой подразумевается теория города, т. е. междисциплинарная теория, выступающая синтезом прикладной урбанистики, социологии города, географии города, урбанистической антропологии, геоурбанистики и ряда других дисциплин. Особого пояснения, пожалуй, здесь требует только геоурбанистика. «Геоурбанистика... – это научная дисциплина, изучающая пространственную организацию (планировку), эволюцию и функционирование городских систем разного уровня на базе углубления процесса урбанизации с характерным для него ростом разнообразия потребностей человека» [Пивоваров, 1999. С. 9]. Таким образом, геоурбанистика, связанная, прежде всего, с изучением таких современных форм урбанизации, как развитие городских агломераций и урбанизированных районов, является связующим звеном между градоведением и регионоведением – изучением еще одной формы территориальной организации социума, промежуточной между городом и государством.

По мнению Е. Г. Трубиной, современный момент в развитии урбанистики отмечен, с одной стороны, разобщенностью дисциплин, с другой – «нарастающим пониманием того, что современная урба-

нистическая теория возможна только как междисциплинарная теория» [2013. С. 9]. Так что город как объект изучения можно сопоставить с такими феноменами, как гендер, раса, медиа и наука, которые не «захватываются» традиционными дисциплинами в рамках принятого разделения академического труда, и для изучения которых в науке возникли специфические поля, именуемые на Западе «исследованиями» (studies).

Здесь нужно отметить, что понимание необходимости междисциплинарного подхода к изучению феномена города возникло уже достаточно давно. Так, еще в советское время отечественные исследователи указывали, что «средствами конкретных научных дисциплин создать теорию города невозможно – ее надо создавать на общепhilosophическом уровне. Такая теория есть не что иное, как ответ на вопрос: в чем сущность города как социального явления, в обществе существующего и обществом обусловленного, играющего в обществе определенную роль... Отсутствие подобной теории приводит к тому, что исследования носят недостаточно интегрированный характер, ибо каждая из наук, причастная к изучению урбанистических процессов, рассматривает город в категориях и понятиях соответствующей области знаний. В результате город предстает перед нами различными срезами своего бытия» [Город..., 1982. С. 4]. Тем не менее, несмотря на такое понимание, философское осмысление феномена города до сих пор продвинулось в явно недостаточной мере.

Итак, урбанистика восполняет тот пробел в понимании общества, который образовался в силу некоторого пренебрежения основными социальными дисциплинами пространственным аспектом социальной организации в целом и городом как важнейшей формой территориальной организации социума в частности. Тем не менее для построения полноценной теории города урбанистика как study должна быть дополнена и завершена философией города. Соответственно возникает вопрос, решение каких именно вопросов теории города могла бы взять на себя философия?

Как было отмечено ранее, современное обществоведение характеризуется такими чертами, как, во-первых, определенное пренебрежение пространственным аспектом социальных отношений и, во-вторых, сосредоточение внимания исследователей среди всех форм территориальной организации социума почти исключительно на государстве, оставляя город на откуп узким специалистам по урбанистике. Отсюда первая и основная задача философии города состоит в актуализации пространственного взгляда на общество в целом и утверждении значимости изучения такой территориальной формы

его организации, как город. Этот вопрос касается выбора методологии социального исследования, конкретно говоря, того, каким образом географический фактор должен быть вписан в общую модель факторного влияния.

В качестве примера обсуждения этого вопроса можно привести полемику М. Кастельса и А. Лефевра, которую рассматривает в своей книге Э. Соджа [Soja, 2000]. Сам М. Кастельс обозначил ее как спор о том, необходимо ли опространствование марксизма или омарксование пространственного анализа. Речь идет о том, должна ли городская география рассматриваться в качестве базисного, самостоятельного фактора при анализе городского социума или же она является фактором надстроечным и производным, определяемым действием базисных социально-экономических факторов, в частности классовыми интересами. М. Кастельс полагает, вопреки мнению А. Лефевра, что хотя пространственные формы могут способствовать определенному поведению, они не являются независимыми факторами, так что не существует систематической связи между различными городскими контекстами и образом жизни [Ibid. P. 104]. С точки зрения Э. Соджа, данное противоречие является мнимым, и, в общем-то, оба автора правы. Сам он, будучи представителем марксистского постмодернизма, исходит из критического по отношению к модернистской философии постулата, что историзм – присущий современности акцент на времени, неоправданно пренебрегает пространством. По его мнению, напротив, мы должны в первую очередь рассматривать пространство, а лишь затем все остальное. Другими словами, необходимо дополнить исторический материализм географическим материализмом.

В принципе вопрос можно было бы поставить и в более общей форме, – какова роль географии в организации социальных отношений и истории вообще, но для философии города актуальна именно та формулировка, которая была обозначена у данных авторов. Причем такой же вопрос можно было бы поставить не только в рамках полемики марксистов между собой, но и в рамках практически любой другой парадигмы обществоведения.

Эта проблема тесно связана с другой методологической проблемой – фундаментальным для социальных наук методологическим спором о приоритете структуры или действия: структуры посредством человеческой деятельности поддерживают себя и формируют новые структуры или человеческая деятельность посредством структур порождает новую деятельность? Марксистский вариант решения этого вопроса применительно к проблеме роли городского простран-

ства предложил американский географ Д. Харви. Он утверждает, что для понимания города мы должны соотносить социальное поведение с теми возможностями, которые допускает определенная география, когда некоторая пространственная форма институционализируется и определяет дальнейшее развитие социальных процессов [Soja, 2000. Р. 106–109]. Географический материализм, предлагаемый Д. Харви и Э. Соджа, по сути, является вариантом структурного подхода с той спецификой, что в качестве структурных факторов выступают не просто производительные силы, а вся городская инфраструктура. В принципе данный структурный фактор может быть интегрирован и в какую-либо иную, помимо марксизма, структурную теоретическую модель, например, теорию стадий технологического роста.

Еще одно фундаментальное методологическое противостояние, имеющее прямое отношение к философии города, – это спор между сторонниками системного и сетевого подходов [Трубицын, 2013]. Системный подход предполагает восприятие города как некой целостности, имеющей четкую границу, отделяющую ее от внешней среды; при этом город обладает высокой степенью автономности, а интенсивность внутренних связей превосходит интенсивность внешних связей. Для жителей города это означает, что абсолютное большинство их повседневных контактов и важнейшие социальные связи пространственно локализуются на территории города. Процессы агломерации городов и глобализации ставят под сомнение плодотворность подобного подхода, поскольку все большая часть социальных контактов выходит за пределы соседских сообществ, а границы городов размываются. Сторонники системного подхода находят выход в развитии представления о многоуровневой иерархии городских систем. Ю. Л. Пивоваров дает следующее определение городской системы: «Городская система – это пространственная форма расселения любого таксономического ранга, сложившаяся вокруг урбанистического ядра: автономный город, городская агломерация, урбанизированный район, урбанизированная зона, мегалополис» [1999. С. 84]. Таким образом, привычный для нас системно-иерархический взгляд на мир предполагает воспринимать его как иерархию вложенных систем, своего рода «матрешку» «общество – город – регион – нация – мир», где каждая их систем выступает как замкнутое целое, включающее в себя системы нижнего уровня. В последние годы активно развивается альтернатива данному взгляду – сетевой подход, при котором город воспринимается как совокупность сетей. Город выступает «узлом», образованным специфическим скоплением и сцеплением разнородных сетей, установленных связями челове-

ских, природных и технических агентов. Причем многие сети выходят далеко за границы города, а те отношения в них, что основаны на пространственной близости, не всегда являются привилегированными [Трубина, 2013]. Еще один важный аспект, по которому происходит разделение системного и сетевого подходов, – это отношение к изменчивости и стабильности. Сторонники системного подхода склонны трактовать общество в целом и город в частности как нечто стабильное, когда все изменения происходят, как правило, в рамках имеющихся структур. Для сетевого подхода изменения не являются исключением из правил, но, скорее, самим правилом.

Итак, мы должны признать, что значение городов как формы территориальной организации социума возрастает на практике, и это должно быть отражено в теории. Впрочем, по мнению М. Сторпера [Soja, 2000. Р. 179], город на протяжении всей человеческой истории является «фундаментальной единицей социальной жизни», сравнимой с рынком, государством и семьей, а также «фундаментальным мотором процессов социальной жизни», сходным по значимости с такими факторами, как технологии и социальная стратификация. Это говорит нам о значимости города в качестве объекта исследования. Указанные выше вопросы нуждаются в философском осмыслении, а их совокупность формирует проблемное поле философии города.

Список литературы

- Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008.
- Город: проблемы социального развития / Под ред. А. В. Дмитриева, М. Н. Межевича. Ленинград: Наука, 1982.
- Гохман В., Лаппо Г. Послесловие // Мерфи Р. Американский город. М.: Прогресс, 1972.
- Кропоткин П. А. Анархия: Сборник. М.: Айрис-пресс, 2002.
- Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 3.; 1986. Т. 5.
- Пивоваров Ю. Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
- Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое лит. обозрение, 2013.
- Трубицын О. К. Общество и государство в сетевую эпоху. Новосибирск: ООО «Изд. дом “Манускрипт”», 2013.
- Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

Soja E. W. Postmetropolis: critical studies of cities and regions. Bodmin (Cornwall, GB): MPG Books, 2000.

Материал поступил в редколлегию 12.02.2018

O. K. Trubitsyn

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

trubitsyn77@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF A PHILOSOPHY OF THE CITY

The city as a specific form of territorial organization of society very rarely becomes the object of philosophical analysis. Meanwhile, the importance of cities is growing in practice, and this should be reflected in theory. The study of the processes of urbanization and the topic of the city as a whole is important from the point of view of the philosophy of history – in terms of identifying the relationship between the processes of urbanization and social development, from the point of view of philosophy of culture and analysis of its modernization. It is also important from the point of view of the philosophy of the policy – in assessing the pros and cons of deepening of urbanization for the well-being of the nation.

Keywords: city, state, urbanization, urban studies.

References

Glazychev V. L. *Urbanistika [Urbanism]*. Moscow, Evropa Publ., 2008. (In Russ.)

Gohman V., Lappo G. Posleslovie [Afterword]. *Murphy R. Amerikanskii gorod [Murphy R. American City]*. Moscow, Progress Publ., 1972. (In Russ.)

Gorod: problemy socialnogo razvitiya [The City: Problems of Social Development]. A. V. Dmitriev, M. N. Mezhevic (eds.). Leningrad, Nauka, 1982. (In Russ.)

Kropotkin P. A. *Anarhiya: Sbornik [Anarchy: A Collection]*. Moscow, Iris-press, 2002. (In Russ.)

Marx K., Engels F. *Izbrannye socineniya: V 9 t. [Selected Works: In 9 vols]*. Moscow, Politizdat, 1985, vol. 3.; 1986, vol. 5. (In Russ.)

Pivovarov J. L. *Osnovy geourbanistiki: Urbanizatsia i gorodskie sistemy: Uchebnoe posobie* [*Fundamentals of Geourbanistics: Urbanization and Urban Systems*]. Moscow, Descending. ed. VLADOS center, 1999. (In Russ.)

Shpengler O. *Zakat Evropy* [*The Decline of Europe*]. Rostov on Don, Feniks Publ., 1998. (In Russ.)

Soja E. W. *Postmetropolis: critical studies of cities and regions*. Bodmin (Cornwall, GB), MPG Books, 2000.

Trubina E. G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [*The City in Theory: Experiences of Understanding the Space*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. (In Russ.)

Trubitsyn O. K. *Obshestvo i gosudarstvo v setevuyu epohu* [*State and Society in the Network Era*]. Novosibirsk, ООО «Izdatelskii dom “Manuscript”», 2013. (In Russ.)

УДК 314.7:304.2:316.422:316.47:39
DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-129-141

Ю. В. Попков

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия*

popkov@philosophy.nsc.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)

Обосновывается рассмотрение миграционных процессов в качестве социокультурной детерминанты, определяющей формирование, динамику и трансформацию межэтнических сообществ. Общие концептуальные положения подкреплены выводами, полученными на основе обобщения исторического опыта развития этносоциальных процессов и межэтнических сообществ в Сибири. Показано, что их качественная характеристика обусловлена основными миграционными волнами, начиная с присоединения Сибири к России в XVI в. С этого периода определяющее влияние на развитие коренных народов оказывало переселившееся сюда русское население. Современный социально-экономический и этнокультурный облик Сибири является во многом продуктом миграционных процессов. Выделены геополитические, внутривнутриполитические, экономические факторы миграционных процессов и основные тенденции изменения под их влиянием межэтнических сообществ Сибири.

Ключевые слова: миграция, социокультурная детерминанта, этносоциальные процессы, межэтническое сообщество, мигранты, Сибирь, народы Сибири, этнонациональная политика.

Характерной особенностью современного мирового развития является не только определяемое глобализацией нарастание унифицирующей тенденции, но и действие тенденции прямо противоположной – усиление полиэтничности и этнокультурной сложности на разных уровнях организации общества. Прежде всего, это обусловлено воздействием миграционных процессов, приобретающих

все более масштабный характер. Почти трехкратное за последние 50 лет увеличения в мире миграционных потоков позволяет исследователям говорить о более высоких темпах роста числа международных мигрантов, чем численности населения [Рязанцев, 2007. С. 8]. Не случайно среди названий, которыми нарекают XX в., существует его определение как эпохи миграций [Castles, Miller, 2009]. Но эпохой миграций может стать и XXI в., если учесть интенсивность современных и предполагаемых будущих миграционных процессов. Так, А. Н. Чумаков говорит о грядущей масштабной миграционной волне, сравнивая ее с планетарным демографическим цунами, и прогнозирует новое Великое переселение народов [2017. С. 4]. Соответственно возрастает роль миграционных процессов в экономическом, демографическом, политическом, социокультурном развитии общества.

Миграция принадлежит к числу тех явлений, которые привлекают пристальное внимание ученых разной социогуманитарной специализации – истории, экономики, демографии, социологии, политологии, этнологии и пр. Этой теме посвящен огромный массив публикаций по широкому кругу конкретных вопросов, включая направления, причины, функции и последствия миграции, ее виды и пр. Феномен миграции – настолько комплексное и многостороннее явление, что к его оценке нельзя подходить упрощенно. Достаточно точную диагностику современной ситуации в данной области дает И. В. Ивахнюк: «Объяснять миграцию лишь динамикой демографических и экономических факторов было бы явным упрощением. Опыт показывает, что в странах с примерно одинаковыми темпами демографического роста и уровнем экономического развития происходят подчас совершенно различные миграционные процессы. Масштабы и направления миграции определяются взаимодействием множества переменных, таких как местоположение страны, ее место в системе мирового хозяйства, распределение доходов, безработица, развитие системы образования, характер политического режима, уровень безопасности жизни, экологическое (не)благополучие, наличие исторических политических и культурных связей с другими государствами, иммиграционная политика и т. д. Взятые вместе, эти факторы формируют склонность и возможности людей к миграции» [2015. С. 49].

В то же время применительно к настоящему периоду можно констатировать наличие в данной области двух доминирующих исследовательских направлений – экономического и политического (геополитического). В первом случае миграционные процессы оцениваются в качестве одного из важных условий экономического роста стран приема, и в данном отношении можно говорить о миграции

как экономической детерминанте развития. Во втором случае речь идет об исследовании политических и геополитических последствий миграции. Это направление является сейчас, пожалуй, самым актуальным. Наиболее очевидно и остро оно проявляется в Западной Европе в связи с массовым наплывом сюда беженцев, легальных и нелегальных мигрантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Юго-Восточной Азии. «Миграционный кризис – у Европейского Союза нет решения», «Миграционный кризис в Европе обернется катастрофой» – таковы распространенные оценки сложившейся ситуации. Иммигранты воспринимаются как угроза национальной безопасности многих стран региона. В данном отношении можно говорить о миграционных процессах как политической (геополитической) детерминанте развития.

Менее популярным для исследователей является вопрос о влиянии миграции на социокультурную динамику, причем здесь наибольший интерес вызывает проблема адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Практически еще не получившим достойной научной оценки выступает существенное воздействие миграции на этносоциальные процессы и трансформацию локальных и региональных межэтнических сообществ. Именно этот вопрос – обоснование миграционных процессов в качестве социокультурной детерминанты формирования и трансформации межэтнических сообществ – является основным предметом настоящего исследования с обращением, в качестве объекта конкретного анализа, к историческому опыту Сибири. Мы используем понятие межэтнического, а не полиэтнического сообщества, поскольку первое из них, с нашей точки зрения, характеризует не только дифференциацию этого сообщества по этническому признаку, но и определенный уровень его интеграции как результат межэтнического взаимодействия.

Прежде всего зафиксируем несколько значимых положений концептуального плана.

Во-первых, объектом миграционной, а также национальной (этнонациональной) политики следует определять не только мигрантов, межэтнические отношения и конфликты, как это обычно делается, но и лежащие в их основе этносоциальные процессы. В свою очередь, в качестве элементарного эмпирического объекта в исследовании и регулировании этих процессов целесообразно рассматривать не отдельные обособленные явления или социальные группы, а межэтническое сообщество как некоторое целостное образование, имеющее свои закономерности формирования и развития, во многом определяемые миграционными процессами [Попков, Тюгашев, 2017].

Во-вторых, известно, что миграционная подвижность населения, благодаря которой обеспечивается взаимодействие разных народов, свойственна не только современной, но также прежним эпохам. Она затрагивала различные регионы мира – Европу, Средиземноморье, Ближний Восток, Африку, Среднюю Азию, Кавказ и пр. Миграция является не просто значимым фактором, но социокультурной детерминантой развития многих обществ. Под ее влиянием возникали и рушились отдельные населенные пункты, государства, империи, цивилизации, возникали новые народы и уходили в историческое прошлое ранее существовавшие. В результате внутренних и внешних миграционных процессов формируется интернационализация (понимаемая как рефлексивное межэтническое взаимодействие), которая выступает закономерностью всемирно-исторического процесса на всех его этапах и законом развития всех исторических форм национальных (этнических) общностей. Современные достижения в исследовании миграции дают основания говорить о существовании «сложных и меняющихся во времени связей между миграцией населения и развитием общества, что позволило отказаться от таких банальных, но укрепившихся в сознании идей, как “миграция порождается бедностью”» [Ивахнюк, 2015. С. 49].

В-третьих, именно под влиянием миграции, действия основных ее функций, касающихся перераспределения, селекции и повышения подвижности людей [Рыбаковский, 2017. С. 58], происходит изменение структуры населения различных регионов, усиливаются взаимодействия представителей разных этнических групп, осуществляется этнокультурный обмен (знаниями, опытом, навыками, традициями и т. п.). На этой основе формируется и в процессе дальнейшего развития трансформируется межэтническое сообщество людей, проживающих на одной территории. Миграция и этносоциальное развитие – взаимосвязанные категории. Мало того, миграционные процессы выступают именно в качестве социокультурной детерминанты формирования и трансформации межэтнических сообществ.

Конкретные вопросы социокультурного влияния миграции на этносоциальные процессы и межэтнические сообщества рассмотрим на примере развития народов Сибири.

Применительно к далекой истории Сибири наиболее авторитетными являются основанные на обобщении большого массива археологических и исторических данных выводы акад. А. П. Окладникова. Он говорит о существовании под влиянием миграций разнообразных связей древних культур многочисленных местных племен с та-

кими большими этнокультурными образованиями, как финно-угры, тунгусы, палеоазиаты, а также тюрки и монголы [1973].

Наличие миграционной подвижности, постоянных и длительных контактов народов Сибири на всей обширной территории их традиционного расселения характерно и для всего последующего периода. Они проявляются во взаимном обмене пищей, орудиями труда, технологическими способами промысла, предметами быта. Вместе с тем имеет место заимствование отдельными группами народов не только элементов материальной культуры, но и некоторых видов присваивающего и полупроизводящего хозяйства (оленоводство) со всем комплексом сопутствующих им вещественных компонентов – орудий труда, транспортных средств, одежды, жилища и т. п. Эта возможность реализуется в результате совместного проживания и непосредственных контактов представителей разных этнических групп.

Присоединение Сибири к России в XVI в. стимулировало интенсивную иммиграцию в данный регион русского населения, обусловило появление здесь центров уездов, многочисленных крепостей (острогов), ясачных зимовий, других населенных пунктов. В результате уже в конце XVII в. русское население Сибири по численности преобладало над коренным [История Сибири..., 1968. С. 56]. После отмены крепостного права основную массу переселенцев в Сибирь составляли крестьяне. Только с 1861 по 1917 г. из Центральной России их переселилось сюда более 3 млн чел. [Бойко, Окладников, 1979. С. 168].

Можно сделать вывод о том, что главными факторами, определившими большие миграционные потоки в Сибирь разных групп русского населения, являлись: а) геополитический (присоединение данной территории к России), что вызвало приток сюда военных и административных работников; экономический (поиск хозяйственных выгод и прибылей), стимулирующий переселение сюда представителей купечества и промышленников; в) политический (отмена крепостного права), имевший следствием миграцию сюда больших масс крестьянства.

Взаимодействие с русскими сыграло существенную роль в развитии народов Сибири. В частности, они заимствовали у русских металлические изделия, служившие важным условием совершенствования промысловой деятельности. Этому способствовало и установление регулярных торговых отношений, приведших к значительному увеличению производства прибавочного продукта, предназначенного для обмена. Благодаря товарному обмену многие народы постепенно втягивались в систему складывающегося всероссийского рынка.

Распространение у народов Сибири под влиянием совместного проживания или соседства с русским населением животноводства и земледелия явилось благоприятным условием для уменьшения зависимости их жизнедеятельности от природных условий. Освоение производящего хозяйства компенсировало периодический недостаток продуктов питания, способствуя, в частности, снижению уровня смертности среди аборигенного населения.

В Сибири на протяжении веков рядом друг с другом живут народы, находящиеся на самых разных ступенях исторического развития. Еще со времен Российской империи была сформулирована мудрая концепция национальной политики в регионе: не сильно вмешиваться в образ жизни местного населения, но при этом обеспечить всем защиту, ввести всех в единое правовое поле. Власть действовала по принципу «интеграция без ассимиляции», который в настоящее время является востребованной и желаемой, но часто недостижимой формулой общежития. И такая политика дала результат – коренные народы Сибири включились в процесс развития государственности России, стали ее частью. Но при этом они не чувствовали себя ущемленными в плане своей самобытности. В результате отсутствовала почва для устойчивых массовых конфликтов на национальной почве.

Наибольшей интенсивностью миграционные процессы в Сибири отличаются в советский период. Особенно это касается активного промышленного освоения данной территории, связанной с добычей природных ресурсов. Экономический фактор миграции является основным для этого периода, а доминирующей группой переселенцев становятся рабочие и специалисты.

Важно отметить, что сюда переезжали люди разных национальностей из многих регионов СССР. В целом современный облик Сибири – как социально-экономический, так и этнокультурный – во многом продукт миграционных процессов. В частности, под их влиянием Сибирь стала гораздо более многонациональной (многоэтнической), чем большинство других регионов России. В результате миграционные процессы трансформировали региональные сибирские сообщества. Мало сказать, что они стали межэтническими. Практически повсеместно русские стали преобладающей этнической группой. Так, во всех субъектах федерации Сибири, кроме Тувы, к концу советского периода доля русских доминировала в общей структуре населения. При этом этносоциальная ситуация здесь как в прошлом, так и в настоящее время отличается относительной стабильностью и отсутствием открытых межнациональных конфликтов.

Опыт взаимодействия населяющих Сибирь народов с мигрантами оттачивался веками и постепенно. В итоге выработались механизмы самоорганизации и саморегуляции формирующихся и трансформирующихся межэтнических сообществ, которые до сих пор срабатывают. Они компенсируют существующие недоработки государственной политики в данной области.

Важной особенностью сибирского этнокультурного массива вообще и многих региональных и локальных межэтнических сообществ является то, что отмечавшееся ранее доминирование русского населения сохранилось вплоть до настоящего времени. Так, согласно официальным данным, в начале XX в. доля русских в Сибири в целом составляла 75 % всего населения, а последние переписи (1989, 2002 и 2010 гг.) фиксируют ее неизменность на уровне 84 %.

В то же время в отдельных регионах Сибири доля русского населения в общей численности населения за последние три десятилетия изменялась. Увеличение численности русских имеет место, например, в таких субъектах федерации, как Алтайский край (с 1979 по 2010 г. доля русских увеличилась здесь с 89,6 до 93,9 %), Омская область (с 80,3 до 85,8 %), совсем незначительно увеличилась их доля в Республике Хакасия (с 79,4 до 81,7 %), в Ямало-Ненецком автономном округе (с 59,0 до 61,7 %). Вместе с тем в этот период доля русского населения устойчиво снижалась в большинстве национальных образований: в республиках Алтай (с 63,2 до 56,6 %), Бурятия (с 72,0 до 66,1 %), Тыва (с 32,0 до 16,3 %), Саха (Якутия) (с 50,4 до 37,8 %), в Ханты-Мансийском автономном округе (с 74,3 до 68,1 %).

Тем самым в отдельных случаях можно зафиксировать процесс территориального сжатия русского населения, что обусловлено, главным образом, миграционными процессами. Причем здесь действуют две основные тенденции. Первая характеризует уменьшение доли русских в депрессивных и экономически неблагополучных регионах, что происходит в основном за счет выезда (эмиграции) русских отсюда. Наиболее яркий пример – Республика Тыва, где в настоящее время (точнее говоря, по итогам переписи 2010 г.) доля русских составляет всего 16,3 % (около 50 тыс. чел.), в то время как в 1989 г. их было 32,0 % (около 100 тыс. чел.). В экономически благополучных регионах уменьшение доли русских является результатом более активной иммиграции сюда представителей других этнических групп, прежде всего из республик Кавказа и Средней Азии. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с 1989 по 2010 г. доля русских сократилась с 66,3 до 63,6 %, зато доля азербайджанцев увеличилась с 1 до 1,7 %, представителей каждого этноса кумыков и лезгин – с 0,24 до 0,9 %, представителей каждого этноса кумыков и лезгин – с 0,24 до 0,9 %,

армян – с 0,19 до 0,4 %, узбеков – с 0,16 до 0,7 %, таджиков – с 0,05 до 0,64 %, киргизов – с 0,05 до 0,3 %. Причем следует учесть, что это официальные данные переписей населения, т. е. зафиксированы только граждане России, численность проживающих здесь представителей народов Кавказа и Средней Азии в реальности больше.

Территориальное сжатие русского массива сопровождается увеличением численности многих коренных народов Сибири. Так, с 1989 по 2010 г. население якутов (в границах России) увеличилось с 380,2 тыс. чел. до 478,1 тыс., бурят – с 417,4 до 461,4 тыс., тувинцев – с 206,2 до 263,9 тыс., ненцев – с 34,2 до 44,6 тыс., эвенков – с 29,9 до 38,4 тыс., хантов – с 22,3 до 30,9 тыс., манси – с 8,3 до 12,3 тыс. чел. Среди некоторых народов имеет место сокращение численности. Это касается хакасов и ряда малочисленных народов Сибири – ительменов, камчадалов, кереков, нанайцев, нганасан, удэгейцев, чуванцев, энцев и др.

Для большинства представителей коренных народов Сибири характерно компактное расселение в местах их традиционного проживания, в пределах своих национально-территориальных образований. При этом доля представителей титульных народов в составе населения соответствующих республик в последнее время заметно растет (в 2010 г. доля бурят увеличилась по сравнению с 1989 г. с 24 до 30 %, алтайцев – с 31 до 33 %, якутов – с 33 до 49 %, тувинцев – с 64 до 81 %, доля хакасов, при том, что она является в целом небольшой, выросла с 11 до 12 %).

Данное обстоятельство облегчает возможности этнической мобилизации этих народов и является важным политическим фактором этносоциального развития современной Сибири. В то же время можно говорить о тенденции «титулизации» населения республик, которая свойственна многим национальным республикам других регионов России, в частности, Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Противоречивость данной тенденции рассмотрим на примере Тувы, где она является наиболее выраженной. Об этом красноречиво говорят отмеченные цифры, отражающие долю тувинцев в общей численности населения. Можно привести и другие данные. Как отмечает В. С. Кан, если перепись 2002 г. зафиксировала в республике представителей 112 национальностей, то в 2010 г. – только 87. Тувинцы составляют 99 % жителей в 11 из 17 районов республики, где почти все они не знают русского языка, говорят только на тувинском. Это создает основу для этнической замкнутости, а незнание русского языка существенно ограничивает для многих тувинцев возможности

социальной мобильности и карьерного роста. Автор делает важный вывод: активный отток русских из Тувы, продолжающийся до сих пор, «не только отражает остроту социально-экономических проблем, но и усугубляет их» [2015. С. 131–132].

Данной тенденции способствовали и политико-правовые решения. В начале 1990-х гг. в законодательстве Республики Тыва четко фиксировался приоритет прав титульного этноса. Это обстоятельство, наряду со сложной социально-экономической ситуацией, послужило фактором латентной напряженности в отношениях между представителями двух основных этнических групп – тувинцами и русскими. В настоящее время законодательство и практические решения в области региональной этнонациональной политики ориентируются на правовую защиту и всестороннее содействие в республике развитию этнокультурного многообразия, прежде всего, поддержку русскоязычного населения и русского языка [Тарбастаева, 2016].

В заключение обратим внимание на то, что после развала Советского Союза миграционные процессы в Сибири, как и в России в целом, существенно изменили свои причины, направленность, стали более интенсивными и приобрели во многом стихийный характер. Это оказало негативное влияние на этносоциальную ситуацию и динамику межэтнических сообществ, прежде всего в регионах, привлекающих для мигрантов. Произошел рост уровня полиэтничности не только в масштабах всего сибирского макрорегиона, но в конкретных субъектах Федерации, а также на локальном уровне. Изменилась привычная этническая структура, четко проявилась тенденция к концентрации людей по этническому признаку в процессе расселения и в сфере занятости. Усложнились межэтнические контакты, усилилась напряженность в межэтнических сообществах.

Как показывают результаты проведенных под руководством автора в разных регионах Сибири массовых и экспертных опросов населения, именно с мигрантами местные жители связывают осложнение национальных отношений. Миграция в современных условиях выступает одним из главных факторов межэтнической напряженности (подробнее об этом см.: [Попков, 2016]).

Исследования подтвердили зависимость миграционного притока и межэтнической напряженности от уровня экономического развития конкретного региона и его социальной привлекательности. В условиях сохраняющегося высокого уровня свободной (стихийной) территориальной мобильности проявляется четкая закономерность: чем выше общий уровень благосостояния в регионе и его социаль-

ная привлекательность, тем сильнее миграционный приток и выше уровень межэтнической напряженности, обусловленной перераспределением социальных ресурсов и вытекающими отсюда ухудшением этносоциального самочувствия местного населения и восприятием мигрантов в качестве угрозы своему социальному благополучию.

Из сформулированных выше выводов вовсе не следует заключение о негативном воздействии социально-экономического благополучия конкретного региона на его этносоциальную динамику. Проблема состоит в том, что в ситуации усложняющейся этнокультурной сложности прежние механизмы регионального управления далеко не всегда срабатывают, поэтому требуются более тонкие и более сложные технологии управленческой практики, учитывающие усложняющуюся архитектуру межэтнических сообществ. В частности, в рамках государственной национальной и миграционной политики актуальной является реализация программ не только адаптации и интеграции мигрантов, но также адаптации местного сообщества к изменяющейся в результате миграционных процессов этносоциальной обстановки. Данный ориентир должен иметь место и в конкретной практической деятельности, и в соответствующих доктринальных установках – в документах стратегического характера. Иначе говоря, существует необходимость корректировки государственной национальной и миграционной политики с учетом существующей ситуации и реальной динамики развития межэтнических сообществ.

Список литературы

Бойко В. И., Окладников А. П. Проблемы периодизации миграций // Методологические проблемы современной науки / Сост. А. Т. Москаленко. М.: Политиздат, 1979. С. 158–176.

Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.

История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Под ред. А. П. Окладникова. Л.: Наука, 1968. Т. 2. 458 с.

Кан В. С. Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. Вып. 10. С. 128–133.

Окладников А. П. Этногенез и культурогенез // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Всесоюз. конф. [Новосибирск], 18–21 дек. 1973 г. / СО АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1973. С. 5–11.

Попков Ю. В. Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 5–31. URL: [http:// nit.tuva.asia/nit/article/view/92](http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92) (дата обращения 10.03.2018).

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен города как межэтнического сообщества // ЭКО. 2017. № 10. С. 7–19.

Рыбаковский Л. Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социол. исследования. 2017. № 10. С. 56–63.

Рязанцев С. А. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007. 576 с.

Тарбастаева И. С. Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 – наст. вр.) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 116–140. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения 10.03.2018).

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2. С. 3–19.

Castles S., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 4th ed. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009. 370 p.

Материал поступил в редколлегию 19.03.2017

Yu. V. Popkov

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State Technical University
20 Karl Marks Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation*

popkov@philosophy.nsc.ru

MIGRATION PROCESSES AS SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF TRANSFORMATION OF INTERETHNIC COMMUNITIES (THE CASE OF SIBERIA)

The paper justifies consideration of migration processes as a socio-cultural determinant, which shapes the formation, dynamics and transformation of interethnic communities. The general conceptual provisions are supported by conclusions obtained by generalization of the historical experience of the development of ethno-social processes and interethnic

communities in Siberia. It is shown that their qualitative characteristics are due to the main migration waves, beginning with the annexation of Siberia to Russia in the 16th century. Since this period, the Russian population that moved here had a decisive influence on the development of indigenous peoples. The modern socio-economic and ethno-cultural appearance of Siberia is largely a product of migration processes. Geopolitical, internal political, economic factors of migration processes and the basic tendencies of change under their influence of interethnic communities of Siberia are singled out.

Keywords: migration, socio-cultural determinants, ethno-social processes, ethnic community, migrants, Siberia, peoples of Siberia, ethnonational policy.

References

Boiko V. I., Okladnikov A. P. Problemy periodizatsii migratsii [Problems of periodizing of migration]. *Metodologicheskie problemy sovremennoi nauki* [Issues of Methodology in Contemporary Science]. Moscow, Politizdat, 1979, p. 158–176. (In Russ.).

Castles S., Miller M. J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World* (4th edition). Basingstoke, Palgrave Mac-Millan, 2009.

Chumakov A. N. Gryaduschaya demograficheskaya lavina: na poroge velikogo pereseleniya narodov. *The Age of Globalization*, 2017, no. 2, p. 3–19. (In Russ.).

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Siberia from Ancient Times to the Present]. Leningrad, Nauka, 1968, vol. 2. (In Russ.).

Ivahnjuk I. V. Razvitie migratsionnoi teorii v usloviyah globalizatsii [The development of the migration theory in the context of globalization]. *The Age of Globalization*, 2015, no. 1, p. 36–51. (In Russ.).

Kan V. S. Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiya Tuvy [The main tendencies of the ethno-social development of Tuva]. *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik* [Ethnosocial Processes in Siberia: a Case Collection]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2015, vol. 10, p. 128–133. (In Russ.).

Okladnikov A. P. Etnogenez i kulturogenез [Ethnogenesis and the genesis of cultures]. *Problemy etnogeneza narodov Sibiri i Dalnego Vostoka* [Problems of Ethnogenesis of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 1973, p. 5–11. (In Russ.).

Popkov Yu. V. Etnosotsialnye protsessy v Sibiri: aktualinye voprosy teorii i praktiki [Ethnosocial processes in Siberia: topical questions of theory and practice]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2016, no. 2, p. 5–31. (In Russ.)

Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Fenomen goroda kak mezhehnicheskogo soobshchestva. *All-Russian Economic Journal*, 2017, no. 10, p. 7–19. (In Russ.)

Rybakovskii L. L. Funktsii i posledstviya migratsionnih processov. *Sociological Research*, 2017, no. 10, p. 56–63. (In Russ.)

Ryazancev S. A. *Trudovaya migratsiya v stranah SNG i Baltii: tendentsii, posledstviya, regulirovanie* [Labor Migration in the CIS and Baltic Countries: Trends, Consequences, Regulation]. Moscow, 2007. (In Russ.)

Tarbastaeva I. S. Pravovoe pole etnonatsionalnoi politiki v Respublike Tuva (1991 – nast. vr.) [Legal field of ethnonational policy in the Republic of Tyva (1991 – present)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2016, no. 2, p. 116–140. (In Russ.)

УДК 316.35

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-142-154

В. С. Шмаков

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

shmakov@philosophy.nsc.ru

ПРЕДМЕТНЫЕ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Сельские локальные сообщества определены как целостная социально-экономическая система, социальная группа, проживающая на определенной территории, имеющая тесные социально-демографические, экономические, социокультурные связи и социально-политические институты. Выделение сельских локальных сообществ в отдельную самостоятельную систему обусловливается необходимостью более полного анализа предмета исследования на стыке наук. Предметная область исследований сельских локальных сообществ имеет очень широкие рамки, включая всю систему социально-демографических, экономических, социокультурных, политических показателей как структуры, определяющей собственным типом поведения. Отличительной особенностью развития сельских локальных сообществ является сохранение этоса крестьянства как носителя исторических традиций, социокультурных особенностей и социального микроклимата, формирующих собственную идентичность, которая определяется своеобразным типом активного поведения в контексте своего вектора развития.

Ключевые слова: сельские локальные сообщества, предметная область исследований, методология, устойчивое развитие, этос крестьянства.

Современное село, его экономика, культура, социально-психологические особенности детерминированы многовековой эволюцией крестьянства России, комплексом природно-географических, экономических, демографических, политических и социальных условий. В Российской Федерации имеются значительные ресурсы для обеспечения устойчивого, прогрессирующего обновления страны: исторический опыт реформирования экономики, природные ресурсы, человеческий капитал. Крестьянство на протяжении многих веков играло весьма значительную роль в жизни общества, выполняя демографи-

ческие, культурные, экологические и другие функции по воспроизводству общественно значимых ценностей.

В сферу анализа поступательного движения сельских локальных сообществ входит широкий круг феноменов. Можно выделить социально-демографические, экономико-географические, культурно-психологические, политические, а также социокультурные и психологические аспекты, которые вмещают весь спектр интересов сообщества. В самом общем виде сельское локальное сообщество можно представить как открытую, равновесную, целостную социально-экономическую и социокультурную систему общающихся между собой членов сообщества, совокупность людей, объединенных общей территорией проживания, связанных экономическими, политическими, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями [Шмаков, 2017]. Практика всего этого сообщества направлена на сохранение, развитие, самосовершенствование в целях улучшения уровня и качества жизни составляющих его людей. Сельское локальное сообщество – место сосредоточения и проявления социально-экономической, политической, социокультурной жизни жителей села, являясь целостным, относительно автономным фрагментом формирующегося в России гражданского общества, обладает всеми признаками самоорганизующейся системы.

Гипотеза исследования основывается на необходимости достижения максимально возможной полноты анализа формирования и функционирования сельских локальных сообществ как целостной системы, сохраняющей свою специфику. Актуальность такого исследования определяется рядом исполняемых этим сообществом функций: социально-экономической, социокультурной, демографической, политической, включая функцию социального контроля. Такой комплексный подход к изучению проблем развития современного села имеет важное теоретическое и практическое значение для решения задачи устойчивого развития сельских территорий в процессе социально-экономического реформирования. Мы понимаем, что в рамках выбранных нами научных направлений раскрыть проблему в полном объеме достаточно сложно. Каждый из этих подходов, имея сельские локальные сообщества как объект исследования, определяет свое видение предмета анализа, свои методы и методологию, выявляя условия, цели и задачи, рассматривая ту сторону объекта, которая непосредственно подлежит изучению, при этом учитывая свои предметные ракурсы, определяя главную составляющую проблемы, связанную с данной отраслью знания. Делая объектом изучения сельские локальные сообщества как относительно автономные исторически

сложившиеся, социально-территориальные общности, совокупность социально-экономических, социокультурных, политических, демографических, психологических условий жизнедеятельности, мы попытались выстроить единую исследовательскую парадигму, в рамках которой решается задача комплексного анализа сельских локальных сообществ с точки зрения системного подхода. Она направлена на актуализацию изучения всех сторон жизни населения села и позволяет сформулировать предметные области исследования сельских локальных сообществ на стыке наук. Исходя из того, что предметная область исследований определяется функциями, исполняемыми сельскими локальными сообществами в процессе своей жизнедеятельности, имеет смысл рассматривать сельское сообщество как единую систему: население, территория, экономика, политика, культура, что может послужить основой для формирования гибких, вариабельных моделей управления сельскими социально-экономическими системами с учетом количественных и качественных характеристик (см., например: [Шанин, 2002]).

Социально-демографический подход предполагает анализ проблемы воспроизводства населения села в условиях трансформационных изменений, обеспечение сельского хозяйства трудовыми ресурсами, формирование и обновление человеческого капитала. Это позволяет исследовать сущность и особенности сознания крестьянства как значительной самостоятельной группы общества, его жизненных условий, специфический характер экономической, производственной деятельности, рассматривать сельское сообщество как социальную систему, в которой формируются социальные отношения, типичные для определенных групп и более крупных социальных образований [Староверов, 2003]. С. А. Ахметова, определяя жизнедеятельность индивидов в локальном сообществе, отмечает, что она организована в принципе аналогично жизнедеятельности «большого общества», в сообществе осуществляется полный цикл социально-демографического воспроизводства [2009]. Воспроизводство сельского населения как специфической социально-территориальной общности в условиях трансформационных изменений, т. е. обеспечение сельского хозяйства трудовыми ресурсами, воспроизводство человеческого капитала села, является насущной необходимостью в современных условиях. По оценке В. В. Пациорковского, наличие человеческого капитала среднего российского домохозяйства на пике реформ составляло 2,42 балла, а это чуть более двух полноценных работников [2003. С. 228]. В связи с оттоком населения из деревень, особенно молодежи, положение лучше не становится. Ряд авторов отмечают, что, несмо-

тря на имеющиеся позитивные изменения в развитии села после принятия ряда программ, депопуляционные процессы еще имеют место [Аверкиева, 2012]. Можно выделить ряд основных причин, оказывающих существенное влияние на развитие социально-демографической ситуации в сельских локальных сообществах, для устранения которых принимаемых мер еще недостаточно.

1. Исключительно низкий уровень медицинского обслуживания села. Ликвидированы фельдшерские пункты без замены на что-либо. Жители села не имеют возможности получить приемлемого медобслуживания и лечения. Даже в районных поликлиниках и больницах не хватает врачей, медсестер, провизоров.

2. Недоступность качественного образования и добротного жилья. Имеются сложности даже с получением среднего профессионального образования.

3. Одна из основных бед, как результат общего ухудшения жизни сельского населения, – пьянство, усугубляемое употреблением некачественной алкогольной продукции и самогона (см., например: [Новиков и др., 2008; Нечипоренко, 2010]). В этих условиях решение проблемы демографии в развитии сельских локальных сообществ является важнейшей составляющей, решающим условием развития села как незаменимой физической, экономической, интеллектуальной и духовной составляющей общества. Изучение специфики становления и функционирования социально-демографической системы со всеми ее параметрами, накопленным опытом, информацией является необходимой составляющей построения стратегии дальнейшего устойчивого развития сельских локальных сообществ. А комплексное изучение общественно-географических характеристик жизнедеятельности населения села дает ответы на наиболее важные вопросы его функционирования и во многом определяет особенности экономического развития территорий.

При изучении сельских локальных сообществ в экономико-географическом плане правомерно применение следующих двух подходов.

I. Социально-экономический. АПК России исполняет, прежде всего, производственную функцию, направленную на удовлетворение потребностей общества в продовольствии и сырье. Экономическая сфера есть совокупность элементов экономического механизма хозяйствования на данном историческом этапе развития общества, который служит одним из основных компонентов формирования сельских поселений, их внутренних и внешних связей. Обеспечиваются условия расширенного воспроизводства: материальное производство, инфраструктура, распределение, обмен и потребление матери-

альных благ и услуг, необходимых для развития сельских локальных сообществ, являющихся полифункциональным образованием.

II. Экономико-географический подход предполагает изучение села в системе территориальной организации экономической деятельности, анализ взаимосвязи сельскохозяйственной экономики, экономики домохозяйств и промышленных предприятий, подготовку и формирование человеческого капитала села, природных, финансовых и других ресурсов, которыми располагает сообщество [Серова, 1999]. Мы можем констатировать, что, с одной стороны, сельские локальные сообщества находятся в центре предметного поля экономической социологии: экономическая деятельность индивидов и социальных групп, действующих в качестве активных социальных субъектов, связанных определенными социальными отношениями и взаимодействиями и включенных в конкретные социально-экономические процессы [Заславская, 1977; Калугина, Фадеева, 2009]. С другой стороны, в процессе экономических практик жители села определяют свою деятельность во взаимодействии с природными системами и процессами. С точки зрения Т. Г. Нефедовой – это стыковое и интегральное направление, которое включает географию сельскохозяйственного производства и сельского образа жизни населения; многоукладность сельской экономики и географию укладов, социальные последствия формирования новых отношений в деревне, хозяйственную самоорганизацию предприятий и населения; влияние географических различий на продуктивность сельского хозяйства [2003]. Исследование локальных сообществ в качестве включенных в среду обитания и сопряженных с ресурсами позволяет рассматривать сельские территории как сложную экономико-географическую систему, внутреннюю среду которой составляют экономическая, социальная и экологическая подсистемы. Как отмечает Ю. Г. Саушкин, сельские поселения представляют особый класс систем – геотехсистем – интегральных комплексных систем, в пределах которых происходит взаимодействие природы и общества [1973. С. 272–273, 277]. В целом экономико-географическое пространство села включает в себя производственно-экономические и ресурсные структуры. Такой подход основан на особенностях самих сельских поселений, интегрирующих процессы взаимодействия общества и природы. Комплексное видение проблемы, учет различных экономико-географических факторов позволяет исследовать как отдельно взятые поселения, так и, как подчеркивал Ю. Г. Саушкин, их территориальные сочетания (комплексы), что придает монолитность территории различного масштаба.

Культурно-психологический подход включает изучение правил, норм, ценностей, стандартов поведения, особенности общественного сознания и социальной самоидентификации, включая язык, культуру, традиции, обряды, фольклор, систему ведения хозяйства, опыт освоения природных ресурсов и т. д. Сельская культура получила в литературе ряд наименований: сельский тип культуры, культура села, деревенская культура, культура крестьянства. Л. Н. Коган подчеркивает, что сельский тип субкультуры является культурой крестьянства как ее носителя и творца, выделяя определяющие ее особенности (см.: [Коган, 1992]). Обозначается оригинальное проявление и сочетание общечеловеческих традиций бытовой, хозяйственной, досуговой деятельности и особенностей ее проявления в сельской местности. Как замечает Э. С. Маркарян, в России практически каждый субъект Федерации представляет собой особый регион со своими особенностями культуры, составом населения, социально-экономическим потенциалом [1985]. Если говорить в целом, то центральным понятием анализа социокультурной специфики сельских локальных сообществ является этос (греч. *ethos* – обычай, нрав, характер) как пространство взаимопорождения, взаимопроникновения и сосуществования морали, власти и организации. Он выступает как кодифицированный комплекс норм поддержания социального порядка, как обобщенная характеристика культуры данной социальной общности, выражавшаяся в системе основополагающих обычаев, ценностей и норм поведения. Этос – это стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей; в этом смысле этос выходит за пределы морали [Оссовская, 1987].

Можно выделить культурно-психологические особенности сельских локальных сообществ. В первую очередь речь идет о формировании коллективистских традиций и ценностей. Собственный опыт жителей сельских сообществ оказывает влияние на их мироощущение, отношение к окружающему миру, способствует формированию убеждений, следованию традициям на индивидуальном уровне, дает членам сообщества шанс для самовыражения через культуру и искусство, позволяет им внести свой вклад в поддержание, актуализацию и репрезентацию местной культурной идентичности, стиль жизни, а также усилить чувство их принадлежности к месту. «Люди чутки к тем аспектам реальности, которые прямо их затрагивают» [Инглхарт, 1997. С. 24]. Сохранение идентичности, определяющей ценностно-ориентационное единство сообщества, условия его самосохранения и повышения жизнеспособности требуют устойчивого ценностно-нормативного основания, способного обеспечить солидарность,

кооперацию, сотрудничество в поддержании общего корпуса принципов крестьянского уклада жизни. Благоприятный психологический климат, складывающийся в процессе развития и функционирования сельских локальных сообществ, способствует формированию социального консенсуса, благодаря которому достигается сохранение и поддержание ценностей, норм и традиций сообщества. Он способствует также формулированию базисного социального порядка, социального договора, определяющего общественно значимые цели и задачи, реализуемые сообществом, заинтересованность членов коллектива в достижении общей цели. Одним из существенных параметров локального сообщества является то, что его члены, тесно взаимодействуя между собой, нуждаются в определенных рамках, нормах данного сообщества, в которых это взаимодействие происходит, причем речь идет не только и не столько о формировании общественных институтов и иных структур, сколько об условиях развития в местном сообществе таких качеств, как толерантность к непохожести другого и понимание его особенностей; реципрокность как способность отдавать, не получая взамен ничего и надеясь лишь на возможную помощь в случае необходимости; доверие к другому и способность понимать другого как самого себя. Для характеристики подобных аспектов К. М. Тахтарев выделяет и подчеркивает значимость таких категорий, как «со-чувствие», относящееся к чувственному человеческому развитию; «со-знание», – умственному; «со-весть (ведать)» – нравственному [2006. С. 93]. Социальное доверие, формирующееся в процессе совместной деятельности, способствует развитию координации и кооперации, взаимопомощи, взаимобмену знаниями и опытом, на котором основывается развитие социальных сетей и норм поведения, базирующихся на доверии и взаимной поддержке. Это особенно важно на уровне сельских локальных сообществ. Социальные сети сельских сообществ являются самостоятельным капиталом, активизирующим дополнительные ресурсы сообществ. В сельской экономике партнерство и кооперация выступают формами практической реализации социального капитала. И в этом отношении социальная психология исполняет интегрирующую функцию.

Современное сельское сообщество нельзя понять и изменить без учета того влияния, которое оказывает на него политическая сфера, определяющая пути воздействия политики на социально-экономические отношения и социокультурную жизнь сообщества. В этом отношении политология, выступая как особая отрасль науки, изучающая политическую организацию и политическую жизнь общества, законы ее функционирования и изменения политических отношений,

определяет способы политической деятельности, исследует тенденции и законы структуры, функционирования и развития политической жизни социальных сообществ, привлечения их к деятельности по реализации политической власти и политических интересов. Все это в той или иной степени относится и к жизни сельских локальных сообществ как части целостной социально-политической системы. Так, например, П. В. Панов подчеркивает: «Поскольку есть организованная публичная власть, которая занимается решением вопросов, имеющих публичное значение, постольку ее деятельность приобретает политическое значение [2008. С. 11]. В российской литературе работы, посвященные проблемам локальной политики, самоуправления в локальных (местных) сообществах (территориях), появились в 1990-е гг. [Тощенко, Цветкова, 1997]. В них основное внимание уделяется прежде всего проблемам самоуправления, гражданскому и административному праву. Имеются работы, посвященные особенностям локального политического процесса в территориях конкретного региона [Акопова, Соколов, 2005]. Их авторы исследуют и проблемы формирования политико-административной элиты [Сельцер, 2004].

В целом сельские локальные сообщества в предметной области исследования политологии могут рассматриваться в нескольких аспектах.

Проблема политической самоидентичности. В этом случае под самоидентификацией подразумевается сложный процесс самоотожествления индивида с членами сообщества. Сельские сообщества функционируют в рамках локальной политики, которая включает все решения, касающиеся сообществ, определяя их обязательными для исполнения. Понятие «политическая идентичность» – явление достаточно сложное и многоплановое, определяющее политические процессы, проблемы социальной стратификации, формирование политической культуры, политических институтов. Ее можно рассматривать как личностную идентификацию и как коллективное явление. На политическую идентификацию влияют процессы социализации, политические институты. Г. А. Айвазян, например, отмечает, что формирование политической идентификации происходит неосознанно, в процессе политического действия [2010. С. 30].

Проблема развития самоуправления и формирования социального капитала сообщества. На практике вышестоящие органы власти вынуждены «делегировать» нижестоящим ряд полномочий, которые содержат как минимум некоторые признаки политических и связаны с конкретизацией решений вышестоящих органов власти. В процессе развития сельского самоуправления его органам необходимо освоить

нормативные правовые акты, призванные регулировать осуществление местного самоуправления, и задействовать способы самоорганизации жителей, сформировать свою структуру, социально-экономические программы, сделать все это с учетом социокультурных традиций и т. д.

Проблема учета факторов, связанных с развивающимися социальными институтами, формирующимися общественными объединениями граждан, расширяющих влияние политики на сообщество и на взаимоотношения с органами власти и управления. Сельские локальные сообщества интегрируются через общественные объединения, которые обеспечивают целостность сообщества, позволяя сохранить традиционные условия жизни, обычаи, ответственность граждан перед «миром», защитить интересы сообщества. Развитие локальной политики является важнейшим условием развития демократии в России. Сельское сообщество является исторически сложившейся, социально-территориальной общностью, экономической и социокультурной системой. Она обладает собственным типом активного поведения в контексте своего вектора развития. Предметная область исследований сельских локальных сообществ имеет, с одной стороны, очень широкие рамки, включая весь спектр социально-демографических, экономических, социокультурных, политических показателей как системы, определяющей собственным типом поведения. С другой стороны, отличительной особенностью развития сельских локальных сообществ является сохранение этоса крестьянства как носителя исторических традиций, социокультурных особенностей и социального микроклимата, формирующих собственную идентичность. Важность развития сельских локальных сообществ для развития Российской Федерации, ее продовольственной безопасности актуализирует необходимость их комплексного изучения.

Список литературы

Аверкиева К. В. Депопуляция сельской местности Нечерноземья и возможные пути ее адаптации к новым условиям. География населения и социальная география // Вопр. географии. Сб. 135. М., 2012. С. 108–125.

Айвазян Г. А. Политическая идентичность как аналитический инструмент политологии // Социум и власть. 2010. № 3. С. 29–32.

Акопова Т. С., Соколов А. В. Институты региональной власти как субъекты политического процесса в современной России. Ярославль, 2005.

Ахметова С. А. Сельское локальное сообщество как объект монографического исследования // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Гум. науки. 2009. Т. 151, № 5–2. С. 139–149.

Заславская Т. И. Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск, 1977.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–32.

Калугина З. И., Фадеева О. П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.

Коган Л. Н. Социология культуры: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1992.

Маркарян Э. С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.

Нечипоренко О. В. Сельские локальные сообщества изменяющейся России: инновации и традиции. Новосибирск, 2010.

Новиков В. Г., Можаяев Е. Е., Васильева И. В. Развитие социального потенциала сельских территорий России: вопросы теории и практики. М., 2008.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М., 1987.

Панов П. В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. М., 2008. № 3. С. 9–31.

Пациорковский В. В. Сельская Россия: 1991–2002 гг. М., 2003.

Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы; практика. М., 1973.

Сельцер Д. Г. Субрегиональная административная элита от М. С. Горбачева до В. В. Путина: общие подходы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 12 «Политические науки». 2004. № 4. С. 63–80.

Серова Е. В. Аграрная экономика. М., 1999.

Староверов В. И. Сельская социология. М., 2003.

Тахтарев К. М. Социологические труды. СПб., 2006.

Тощенко Ж. Т., Цветкова Г. А. Местное самоуправление: проблемы становления // Социс. 1997. № 6. С. 109–119.

Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение и русское село // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002.

Шмаков В. С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 4. С. 135–145.

V. S. Shmakov

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

shmakov@philosophy.nsc.ru

SUBJECT FIELDS IN RURAL COMMUNITIES RESEARCH

Rural local communities can be defined as an integral socio-economic system, a social group living in a certain territory, having close socio-demographic, economic, socio-cultural ties and socio-political institutions. The allocation of rural local communities into a separate independent system is due to the need for a more complete analysis of the subject of research at the intersection of sciences. The subject area of research of rural local communities has a very broad framework, including the entire system of socio-demographic, economic, socio-cultural, political indicators as a structure determined by its own type of behavior. A distinctive feature of the development of rural local communities is the preservation of peasant ethos as a carrier of historical traditions, socio-cultural characteristics and social microclimate, forming their own identity, which is determined by a certain kind of active behavior in the context of its vector of development.

Keywords: rural local communities, subject area of research, methodology, sustainable development, ethos of peasants.

References

Ahmetova S. A. Selskoe lokalnoe soobshchestvo kak ob'ekt monograficheskogo issledovaniya [Rural local community as an object of monographic research]. *Scientific notes of Kazan state University. Humanities*, 2009, vol. 151, no. 5–2, p. 139–149. (In Russ.)

Akopova T. S., Sokolov A. V. *Instituty regionalnoi vlasti kak sub'ekty politicheskogo protsessa v sovremennoi Rossii* [Institutions of Regional Power as Subjects of Political Process in Modern Russia]. Yaroslavl', 2005. (In Russ.)

Averkieva K. V. Depopulyatsiya selskoi mestnosti Nechernozemya i vozmozhnyie puti ee adaptatsii k novym usloviyam / Geografiya naseleniya i sotsialnaya geografiya [Depopulation of non-black earth countryside and possible ways of its adaptation to new conditions / Geography of population and social geography]. *Geography Issues*, col. 135. Moscow, 2012, p. 108–125. (In Russ.)

Ayvazyan G. A. Politicheskaya identichnost kak analiticheskii instrument politologii [Political identity as an analytical tool of political science]. *Society and Power*, 2010, no. 3, p. 29–32. (In Russ.)

Inglhart R. Postmodern: menyayuschiysya tsennosti i izmenyayuschiysya obschestva [Postmodern: changing values and changing societies]. *Polis*, 1997, no. 4, p. 6–32. (In Russ.)

Kalugina Z. I., Fadeeva O. P. Rossiyskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskie zarisovki [Russian Village in the Labyrinth of Reforms: Sociological Sketches]. Novosibirsk, 2009. (In Russ.)

Kogan L. N. Sotsiologiya kultury: Ucheb. posobie [Sociology of Culture: Studies. Benefit]. Ekaterinburg, 1992. (In Russ.)

Markaryan E. S. Sootnoshenie formatsionnyh i lokalnyh istoricheskikh tipov kultury [The ratio of formational and local historical types of culture]. *Etnograficheskie issledovaniya razvitiya kultury* [Ethnographic Research of Cultural Development]. Moscow, 1985. (In Russ.)

Nechiporenko O. V. Selskie lokalnye soobschestva izmenyayuschiysya Rossii: innovatsii i traditsii [Rural Local Communities of Changing Russia: Innovations and Traditions]. Novosibirsk, 2010. (In Russ.)

Nefedova T. G. Selskaya Rossiya na pereput'e: Geograficheskie ocherki. [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow, 2003. (In Russ.)

Novikov V. G., Mozhaev E. E., Vasileva I. V. Razvitie sotsialnogo potentsiala selskikh territorii Rossii: voprosy teorii i praktiki [Development of Social Potential of Rural Areas of Russia: Theory and Practice]. Moscow, 2008. (In Russ.)

Ossovskaya M. Rytsar i burzhua [Knight and Bourgeois]. Moscow, 1987.

Panov P. V. Lokalnaya politika v raznykh izmereniyah [Local policy in different dimensions]. *Political Science*. Moscow, 2008, no. 3, p. 9–31. (In Russ.)

Patsiorkovskii V. V. Selskaya Rossiya: 1991–2002 gg. [Rural Russia: 1991–2002]. Moscow, 2003. (In Russ.)

Saushkin Yu. G. Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody; praktika [Economic Geography: History, Theory, Methods; Practice]. Moscow, 1973. (In Russ.)

Seltser D. G. Subregionalnaya administrativnaya elita ot M. S. Gorbacheva do V. V. Putina: obshchie podhody [Sub-regional administrative elite from M. S. Gorbachev to V. V. Putin: common approaches]. *Bulletin of Moscow University. Series 12 «Political Sciences»*, 2004, no. 4, p. 63–80. (In Russ.)

Serova E. V. Agrarnaya ekonomika [Agrarian Economy]. Moscow, 1999. (In Russ.)

Shanin T. Refleksivnoe krestyanovedenie i russkoe selo [Reflexive peasant and Russian village]. *Refleksivnoe krestyanovedenie [Reflexive Peasant]*. Moscow, 2002. (In Russ.)

Shmakov V. S. Selskie lokalnye soobshchestva: k metodologii issledovaniya [Rural local community: on the methodology of the study]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 135–145. (In Russ.)

Staroverov V. I. *Selskaya sotsiologiya [Rural Sociology]*. Moscow, 2003.

Tahtarev K. M. *Sotsiologicheskie trudy [Sociological Works]*. St. Petersburg, 2006. (In Russ.)

Toschenko Zh. T., Tsvetkova G. A. Mestnoe samoupravlenie: problemy stanovleniya [Local self-government: problems of formation]. *Socis*, 1997, no. 6, p. 109–119. (In Russ.)

Zaslavskaya T. I. *Metodologicheskie problemy sistemnogo izucheniya derevni [Methodological Problems of Systematic Study of the Village]*. Novosibirsk, 1977. (In Russ.)

УДК 316.4

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-155-166

М. Р. Зазулина

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

zamashka@yandex.ru

МЕЖДУ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ: К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАНТАХ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Рассмотрено соотношение процессов централизации и децентрализации на каждом этапе развития современного российского самоуправления. Показано, что централизация оказывается основной детерминантой, определяющей развитие местного самоуправления. Сделан вывод о том, что централизация местного самоуправления является реакцией на ситуацию постоянного кризиса и эффективна лишь в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, реформа, централизация, децентрализация.

Развитие местного самоуправления в последние десятилетия показывает, что соотношение процессов управления на местах и процессов самоорганизации, оптимальное для российских условий, пока не найдено. Каждая крупная реформа местного самоуправления, проведенная за последние двадцать пять лет, изменяла систему управления на местах, придавая ей направление движения, фактически противоположное заданному ранее. О том, что «золотая середина» в этом вопросе так и не была найдена, свидетельствуют, во-первых, не прекращающиеся попытки реформирования, а во-вторых, не снижающие своей остроты проблемы на местах.

Мировой опыт развития местного самоуправления показывает, что независимо от исторических и региональных условий этот институт всегда существует на пересечении тенденций централизации и децентрализации. Именно отношения с центром определяют про-

блематику, в рамках которой сформировались основные существующие модели самоуправления, общинная и государственная, а также их гибридные формы. Для России проблема взаимоотношений между институтами федерализма и институтами местного самоуправления является особенно актуальной в силу того, что сильный институт государства доминировал на всем протяжении российской истории. Опыт централизованного управления, доставшийся в наследство от советской системы, значительно затрудняет формирование локальных децентрализованных институтов власти.

Цель данной статьи – выявление соотношения процессов централизации и децентрализации на каждом этапе развития современного российского самоуправления и определение значения этих процессов в качестве детерминант развития отечественного самоуправления.

Ключевые точки изменений в системе местного самоуправления были связаны с муниципальными реформами, которые проводились в 1995, 2003 и 2014 гг. Анализ экспертной литературы показывает, что каждый раз реформа была инициирована не процессами самоорганизации снизу, а политической волей законодателя, политическим решением сверху. Отметим, что политические решения сверху означают в данном случае не произвол законодателей, а результат влияния целого ряда факторов внешне- и внутриполитического характера, которые были учтены при выборе модели самоуправления. На каждом этапе реформирования выбор российских законодателей всякий раз был обусловлен и изучением мировой самоуправленческой практики, и возможностью ее применения к российским реалиям. Несмотря на то, что исторически в России были наработаны собственные традиции самоуправления, связанные с институтом общины, являющиеся по своему характеру традиционными и даже архаичными, в ходе преобразований 90-х гг. востребованы оказались именно структуры управления, сформировавшиеся в предыдущий советский период. Такой подход к выбору модели самоуправления является оправданным с точки зрения уменьшения издержек реформирования и распространен во всех странах, развивающихся по пути модернизации. Поскольку выстраивать систему с нуля крайне трудоемко, то в каждом случае выбирается модель, которая позволяет хоть в какой-то мере использовать уже имеющиеся институты, инфраструктуру и связи. Важную роль в законодательном процессе играла борьба различных групп интересов, элит (федеральных, региональных, либеральных, этнонациональных). Однако, по сути дела, каждая из этих групп выбирала между более государственной и более общинной, т. е. централизованной и децентрализованной моделями самоуправления.

Когда мы сравниваем процессы централизации и децентрализация, то речь идет сразу о нескольких критериях: прежде всего это приближенность / удаленность органов местного самоуправления к населению, т. е. доступность власти. Именно на этом традиционно основана логика объяснения и критика процессов увеличения / уменьшения количества муниципальных образований. Кроме этого, важными критериями являются независимость самоуправления от вышестоящих властей, круг их компетенций и отношения, выстраивающиеся между органами местного самоуправления и прочими органами власти.

К моменту принятия в 1995 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ (далее – Федеральный закон № 154-ФЗ), на территории Российской Федерации действовала система органов государственного управления на местах, сформировавшаяся в советский период. К моменту начала реформы общая численность местных органов управления составляла 29 445 [Лексин, Швецов, 2004. С. 27]. Реализация Федерального закона № 154-ФЗ привела к резкому сокращению численности органов самоуправления. В 1998 г. на территории Российской Федерации функционировало порядка 13 000 муниципальных образований [Там же], а в 2002 г., к моменту принятия следующего закона о самоуправлении, общая численность муниципальных образований составляла 11 500 (данные Госкомстата) [Россия в цифрах, 2003. С. 43].

Первый опыт формирования системы местного самоуправления обернулся более чем двукратным сокращением органов управления на местах, показав таким образом, что критерий близости к населению не является ни главным, ни единственным в случае развития местного самоуправления в российских условиях.

Первый закон о местном самоуправлении фактически узаконил возможность бесконтрольного вмешательства региональных органов в дела местного самоуправления. Все вопросы, относящиеся к сфере местного самоуправления – уровни его реализации, виды муниципальных образований, их компетенции, в соответствии с этим законом регулировались не на федеральном, а на региональном уровне. Фактически предельно рамочный характер Федерального закона № 154-ФЗ позволял каждому субъекту Федерации создать свою модель самоуправления. В результате в регионах начали формироваться различные модели самоуправления. В том числе в национальных регионах произошло возрождение традиционных национальных институтов самоуправления, были приняты региональные законы

о местном самоуправлении, прошли муниципальные выборы. Для организации взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти были созданы Совет по местному самоуправлению в Российской Федерации и Совет руководителей органов местного самоуправления по проблемам социально-экономической реформы при Правительстве Российской Федерации.

С точки зрения процессов централизации / децентрализации период развития 1995–2002 гг. продемонстрировал сразу несколько разнонаправленных тенденций. Сокращение местных органов управления привело к ограничению доступа к ним рядового населения. Возможность вмешательства региональных властей привела к развитию целого ряда различных региональных моделей местного самоуправления. Именно в этот период, несмотря на удаленность власти от населения, многие муниципалитеты накопили успешный опыт проведения реформ на местном уровне, выработали собственные эффективные модели муниципального управления и накопили большой массив информации о факторах, способствующих и препятствующих становлению местного самоуправления (к сожалению, этот опыт в дальнейшем фактически не был использован).

В то же время законодательно оформленная возможность вмешательства региональных властей привела к тому, что, будучи исключенным из централизованной системы власти советского периода, местное самоуправление тут же оказалось встроено в региональные системы власти, вновь оказавшись в зависимом положении. В условиях системного кризиса второй половины 1990-х другого варианта развития ни для центра, ни для регионов, ни для самоуправления на местах, по-видимому, не существовало. С одной стороны, государство по политическим и экономическим мотивам вынуждено было отдать сферу местного самоуправления под контроль регионов. С другой стороны, регионы, находясь в не менее тяжелом социально-экономическом положении и желая укрепить свою независимость от центра, не могли развить эту ситуацию по-другому.

Следующий период развития местного самоуправления в России начался в 2003 г. и был связан с принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). В целом данный законопроект был направлен на то, чтобы преодолеть тенденции, сложившиеся в предыдущий период: оградить местное самоуправление от вмешательства региональных властей и сделать его ближе к населению.

Новая реформа проходила в несколько этапов, все нововведения сначала опробовались в пилотных регионах. В полную силу закон вступил лишь с 2009 г. Децентралистский потенциал реформы заключался в попытке приблизить местную власть к населению путем увеличения количества муниципальных образований. Если в 2002 г., т. е. к началу реформы, на территории РФ действовало 11 500 муниципальных образований, то к 2009 г., т. е. к моменту вступления закона в полную силу, их насчитывалось уже 24 161 (данные Госкомстата) [Формирование местного самоуправления в Российской Федерации, 2009].

Местное самоуправление обрело новую институциональную структуру. Появились новые виды муниципальных образований, система местных органов власти стала двухуровневой. Важно отметить, что новая структура органов МСУ была прописана в федеральном законе, что позволило полностью ее унифицировать и сделать единой на всей территории страны и независимой от региональных властей.

Кроме этого, Федеральный закон № 131-ФЗ закрепил четкую сферу компетенций за каждым видом муниципальных образований, перечень вопросов местного значения приобрел закрытый характер (включая при этом максимальное число компетенций). Возможности вмешательства региональных властей были четко прописаны и ограничены тремя случаями. Сами органы местного самоуправления также лишились возможности самостоятельно дополнять список своих компетенций. В то же время отношения между уровнями местного самоуправления не были четко закреплены и носили предельно рамочный характер. Нижний уровень самоуправления фактически не подчинялся верхнему (районному).

Несмотря на попытку приблизить местную власть к населению, в качестве идейной основы реформы использовалась государственная теория местного самоуправления. А в основу концепции, изложенной в Федеральном законе № 131-ФЗ, был положен принцип эффективности управления. Новый закон был попыткой максимально четко на федеральном уровне регламентировать все механизмы работы местного самоуправления. Разграничение полномочий должно было обеспечить «решение задач публичной властью на том уровне, который способен сделать это наиболее рационально, прежде всего, с точки зрения доступности для граждан публичных услуг», а также «эффективность использования государственных и муниципальных финансовых и иных материальных ресурсов» [Концепция разграничения..., 2002].

Попытка столь жесткой и подробной регламентации деятельности местного самоуправления на федеральном уровне фактически оставила лишь одну возможность реагирования на проблемные ситуации – ситуативное реагирование путем постоянного принятия поправок к действующему законодательству. Если к Федеральному закону № 154-ФЗ всего было принято 8 поправок, то к Федеральному закону № 131-ФЗ только за 2017 г. – 12 поправок, а всего закон изменялся уже более 130 раз.

Кроме этого, увеличение количества муниципалитетов привело к обострению проблемы их финансово-экономической самостоятельности. Финансовая невозможность мелких муниципалитетов выполнять задачи по решению вопросов местного значения стала одной из основных причин последнего витка муниципальной реформы, начавшейся в 2014 г.

Очередной этап развития местного самоуправления начался в 2014. Несмотря на то, что основным законом, регулирующим деятельность местного самоуправления, по-прежнему остался Федеральный закон № 131-ФЗ, поправки, внесенные в него Федеральным законом от 27.05.2014 № 136-ФЗ и целым рядом других законов, существенно изменили ситуацию в этой сфере. Следствием стало изменение институциональной структуры местного самоуправления и появление новых видов муниципальных образований.

С точки зрения процессов централизации / децентрализации значение имело не столько сокращение количества муниципальных образований, сколько изменение системы компетенций и внутренней структуры самоуправления. Двухуровневая система местного самоуправления претерпела значительные изменения. Во-первых, внутри нее произошло перераспределение компетенций и властных полномочий от низовых муниципалитетов, в частности поселковых, в сторону районных (вместо 39 компетенций у сельских поселений осталось только 13, в то время как оставшиеся 26 перешли к районным муниципалитетам).

Во-вторых, в соответствии с Федеральным законом № 62-ФЗ субъектам Федерации была предоставлена возможность преобразовывать муниципальные районы, являющиеся по определению двухуровневыми, в городские округа, включающие только один уровень самоуправления. В результате в целом ряде регионов были запущены процессы отмены двухуровневой системы местного самоуправления и укрупнения муниципальных образований.

Федеральный закон № 136-ФЗ позволил делить городские округа на внутригородские муниципальные образования, обладающие соб-

ственными органами власти, бюджетами и компетенциями. Введение второго уровня самоуправления в крупных городах преследовало целью создать здесь двухуровневую систему самоуправления, по аналогии с системой, сложившейся на территории муниципальных районов, и таким образом приблизить местную власть к населению. Так официально преследовалась задача децентрализации. Однако, по мнению экспертов, эта мера была ориентирована не столько на приближение местного самоуправления к жителям, сколько на предоставление дополнительных рычагов влияния на местах региональным властям.

Упомянутые поправки в законодательство существенно расширили возможности субъектов Федерации по влиянию на органы местного самоуправления, закрепив за ними право принятия решений по поводу введения новых и изменения уже существующих муниципальных образований. За субъектами Федерации также были закреплены возможности по перераспределению полномочий между различными муниципальными образованиями, определению структур и способов формирования местных администраций. Масштабы изменения и перераспределения полномочий значительны. Как следует из «Информационно-аналитических материалов о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации в 2016–2017 гг.», подготовленных Министерством юстиции Российской Федерации, передача полномочий по решению вопросов местного значения от органов местного самоуправления к органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в 2017 г. затронула 4,4 тыс. муниципальных образований в 42 субъектах Российской Федерации. Кроме этого, более двух третей муниципалитетов вовлечены в процесс перераспределения полномочий между различными уровнями самоуправления, дополнительные вопросы местного значения закреплены за 78 % сельских поселений. Наиболее значительны масштабы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с предоставлением органам местного самоуправления субвенций. Они действуют в 84 из 85 субъектов Российской Федерации (за исключением города федерального значения Севастополя) и затрагивают все без исключения муниципальные районы и городские округа, а также около 75 % городских и 90 % сельских поселений¹.

Подобные процессы, связанные с перераспределением финансирования, также свидетельствуют о сворачивании процессов децен-

¹ Информационно-аналитические материалы о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации в 2016–2017 гг. URL: http://minjust.ru/sites/default/files/monitoring-msu-2017_11283.docx – (дата обращения 25.02.2018).

трализации и возвращении к централизованному распределению полномочий, практике государственных трансфертов и противоречат мировым тенденциям.

Все это дает исследователям основание говорить о схожести современного этапа развития местного самоуправления с этапом, начавшимся после принятия Федерального закона № 154-ФЗ (см.: [Бялкина, 2014]). Действительно, сокращение компетенций муниципальных образований, их укрупнение, зависимость от региональных органов власти, существенно снижают самостоятельность местного самоуправления и делают ситуацию по ряду параметров аналогичной ситуации 1995–2002 гг. Разница между двумя этими периодами заключается, прежде всего, во внутривластной ситуации в стране и, в частности, в отношениях между федеральным центром и регионами. Если вторая половина 1990-х – это период «региональных баронов», т. е. региональных властей, независимых от центра, то сейчас период полного и безусловного подчинения регионов центру.

Суммируя вышеизложенное, целесообразно дать схематичное описание развития российского местного самоуправления, начиная с 1995 г.

Период развития в рамках Федерального закона № 154-ФЗ, длившийся с 1995 по 2002 г., характеризовался сокращением количества органов управления на местах, их укрупнением и одновременно встраиванием в региональные системы власти.

С принятием Федерального закона № 131-ФЗ начался следующий период развития местного самоуправления, длившийся с 2003 по 2014 г. Он характеризовался более чем двукратным увеличением количества муниципальных образований, но одновременно его унификацией на территории всей страны и попыткой на федеральном уровне прописать мельчайшие нюансы функционирования местного самоуправления и ограничить вмешательство региональных властей.

Поправки к Федеральному закону № 131-ФЗ, принятые с 2014 г., обозначили начало нового этапа развития местного самоуправления, который длится по сей день. Опять проявилась тенденция к сокращению количества муниципальных образований и их укрупнению. Законы, принятые на федеральном уровне, существенно расширили возможности вмешательства региональных властей в компетенцию местного самоуправления. В то же время сами регионы на современном этапе с политической точки зрения полностью подчинены центру и гораздо больше встроены в государственную властную вертикаль, чем во второй половине 1990-х.

О том, что децентралистский потенциал местного самоуправления хоть в какой-то степени реализуется на данном этапе развития, говорить достаточно трудно. Само по себе увеличение общего количества органов местного самоуправления отнюдь не является достаточным критерием децентрализации. Опыт советской системы управления на местах свидетельствует о том, что большое количество местных органов власти может прекрасно функционировать, будучи частью централизованной системы управления.

Само же понятие «децентрализация» подразумевает функционирование множественных локальных центров власти, обладающих достаточными ресурсами, поддержкой населения для решения вопросов местного значения и не независимых от вышестоящих властей. Для российского местного самоуправления все же более характерна ситуация поддержки со стороны региональных и федеральных властей в условиях недостаточной обеспеченности ресурсами и независимости от населения.

И все же, хотя бы по замыслу законодателя отечественное самоуправление обладает потенциалом децентрализации. Этот потенциал актуализируется в моменты, когда формируются определенные структурные особенности, такие как двухуровневая система органов местного самоуправления и отношения между уровнями, и когда увеличивается количество муниципальных образований (все-таки органы самоуправления становятся доступнее населению). Однако опыт развития местного самоуправления показывает, что эти моменты всегда имеют частичный и ситуативный характер, они инициированы не процессами самоорганизации сообществ снизу, а законодательными решениями сверху. В результате провозглашаемая автономность местного самоуправления не подкрепляется его финансовой независимостью от всех других органов власти, а сами органы местного самоуправления используются как рычаги влияния региональных властей на нижестоящие (районные и окружные) органы власти. Более того, в условиях финансовой несамостоятельности местное самоуправление само оказывается рычагом влияния государства на регионы.

Таким образом, можно утверждать, что централизация, стремление встроиться во властную вертикаль, оказывается основной детерминантой, определяющей развитие местного самоуправления. Эта тенденция проявляется в целом ряде моментов, связанных с попытками регламентировать деятельность самоуправления, и в неспособности подкрепить его деятельность независимыми источниками финансирования. Не самостоятельное развитие, а именно колебание

между региональной и федеральной властными вертикалями определяет развитие самоуправления на протяжении последней четверти века.

Вопрос заключается в том, почему до сих пор реализуется именно стратегия на централизацию местного самоуправления. Почему происходит выбор не в пользу общинной модели самоуправления, модели гражданского общества, а в пользу государственнической модели? Возможно, ответ на этот вопрос заключается в том, что развитие местного самоуправления в нашей стране проходит в условиях незавершившегося процесса социальной трансформации и постоянных кризисов, социальных, экономических, политических, финансовых. Причина этих кризисов кроется в несоответствии социальных обязательств государства, привыкшего быть социальным и патерналистским реальным финансовым возможностям государства.

В этих условиях централизация местного самоуправления – отнюдь не прихоть законодателя, а политическая необходимость и готовая, десятилетиями наработанная реакция на череду кризисов, позволяющая сохранить стабильность, прежде всего, государственной власти.

Отметим, что централизация как ответ на ситуацию постоянного кризиса может быть эффективной лишь в краткосрочной перспективе. Подобная стратегия действительно может обеспечить консолидацию экономического, политического, правового пространства, повысить эффективность управления, особенно если речь идет о таких огромных территориях и необходим мгновенный эффект. В то же время мировая практика показывает, что следствием стратегии централизации являются эскалация организационно-управленческих рисков, ригидность системы, невозможность адекватной реакции на действительно сложные и неоднозначные социально-экономические и политические процессы, в конечном счете – невозможность системных изменений. С такой точки зрения вопрос об объяснении детерминант и закономерностей развития местного самоуправления должен рассматриваться не сам по себе, а в рамках комплексного анализа процессов, позволяющих обрести стабильность в условиях постоянного системного кризиса.

Список литературы

Бялкина Т. М. Новая муниципальная реформа: изменение подходов к правовому регулированию компетенции местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 53–58.

Концепция разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления // Коммерсантъ. 27.05.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/324105> (дата обращения 25.02.2018).

Лексин В., Швецов А. Общероссийские реформы и территориальное развитие: Ст. II: Региональная Россия начала XXI века: новая ситуация и новые подходы к ее исследованию и регулированию // Рос. эконом. журн. 2004. № 8.

Россия в цифрах. 2003. М.: Госкомстат России, 2003.

Формирование местного самоуправления в Российской Федерации. 2009. Бюллетень. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rossstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453 (дата обращения 25.02.2018).

Материал поступил в редколлегию 12.03.2018

M. R. Zazulina

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

zamashka@yandex.ru

BETWEEN CENTRALIZATION AND DECENTRALIZATION: ON THE DETERMINANTS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT DEVELOPMENT IN RUSSIA

The correlation of centralization and decentralization processes at each stage of modern Russian self-government development is analyzed. It is shown that centralization is the main determinant of self-government development. It is concluded that the centralization of local self-government is a reaction to the constant crisis situation and is effective only in the short term.

Keywords: local self-government, municipal formation, reform, centralization, decentralization.

References

Byalkina T. M. Novaya munitsipalnaya reforma: izmenenie podhoda k pravovomu regulirovaniyu kompetentsii mestnogo samoupravleniya [New

municipal reform: changing approaches to the legal regulation of local self-government competence]. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 8, p. 53–58. (In Russ.)

Formirovanie mestnogo samoupravleniya v RF. 2009. Bullyuten [The formation of local self-government in the Russian Federation. 2009. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1244553308453 (In Russ.)

Kontseptsiya razgranicheniya polnomochii mezhdru federalnumi organami gosudarstvennoi vlasti, organami gosudarstvennoi vlasti sub`ektov Federatsii i organami mestnogo samoupravleniya [The concept of differentiation of authority between the Federal bodies of state authority, bodies of state authority of subjects of the Russian Federation and bodies of local self-government]. *Kommersant*, 27.05.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/324105> (In Russ.)

Leksin V., Shvetsov A. *Obscherossiiskie reformy i territorialnoe razvitiye. St. II. [All-Russian reforms and territorial development. Art. II]. Russian Economic Journal*, 2004, no. 8. (In Russ.)

Rossiya v tsifrah. 2003 [Russia in Figures, 2003: Concise statistical handbook. Goskomstat of Russia]. Moscow, 2003. (In Russ.)

УДК 316.334.52

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-167-177

С. А. Мадюкова, О. А. Персидская

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sveiv7@mail.ru, olga_alekseevna@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Детерминанты развития межэтнического сообщества рассмотрены с позиций социокультурного подхода и эксплицированы на примере Республики Алтай. В комплекс детерминант включены социальная, культурная и личностная составляющие, а содержание каждой из них представлено рядом переменных. Сделан вывод о том, что в настоящее время препятствием успешного социокультурного развития Республики Алтай служат скорее экономические факторы, а не межэтнические проблемы, поэтому сценарий благополучного развития региона в будущем следует основывать на повышении благосостояния населения, существенную роль в котором должно играть развитие значимых для этнических групп региона традиционных отраслей занятости.

Ключевые слова: межэтническое сообщество, социокультурные детерминанты, развитие региона, Республика Алтай.

Социальная действительность последних лет актуализировала задачу анализа социокультурных детерминант регионального развития как значимой составляющей жизни российского сообщества. Данная работа является продолжением серии публикаций авторов, теоретическим основанием которых служит социокультурный подход, объектом – социокультурная трансформация межэтнических сообществ, а эмпирической базой – межэтническое сообщество Республики Алтай (см., например: [Абрамова и др., 2016; Мадюкова и др., 2017; Мадюкова, Персидская, 2014]). В статье осуществлена попытка выявления и фиксации комплекса социокультурных детерминант, оказывающих существенное влияние на развитие этносоциальных

процессов в рамках регионального межэтнического сообщества, и экспликация данного комплекса на примере Республики Алтай.

Кратко зафиксируем ключевые концепты, используемые для раскрытия темы. В общем виде под детерминантой обычно понимают фактор или элемент, обуславливающий то или иное явление, а также причину, предшествующее условие, которое приводит к некоторому результату. Довольно существенный пласт работ социогуманитарного профиля посвящен анализу разного рода детерминант. В частности, в фокусе исследовательского внимания находятся политические [Балтовский, 2009; Драгунский, 1995] и экономические детерминанты [Терехова, Евдокимова, 2011; Карпунина, 2011; Бобрышев, Казаков, 2011], детерминанты общественного здоровья [Белов, 2013] и др. Вместе с тем работ, посвященных комплексному анализу социокультурных детерминант регионального развития, нам не встретилось. Поскольку в данной работе мы фокусируем исследовательское внимание на таких детерминантах, наиболее методологически адекватным в раскрытии их специфики представляется социокультурный подход. Классическая «триада» основателя данного подхода П. Сорокина (личность, культура, общество) [1992] позволяет выделить совокупность взаимообусловленных социальных, культурных и личностных детерминант, определяющих специфику регионального развития. Социокультурные детерминанты позволяют комплексно анализировать динамическое развитие региона, выявляя специфические сущностные характеристики региональных этносоциальных процессов. Этносоциальные процессы мы рассматриваем в традициях новосибирской этносоциологической школы как «взаимодействие противоречивых явлений и тенденций, характеризующих, в частности, формирование тождества и различия этнических общностей, их сближения и обособления, взаимозависимости и автономии. Тенденции этносоциальных процессов в их демографических, экономических, культурных, политических аспектах исследуются в единстве объективных и субъективных сторон» [Попков и др., 2006. С. 12]. Эвристичным для исследования социокультурных детерминант видится рассмотрение региона как целостной специфической системы, ядром которой является межэтническое сообщество, объединяющее разные этнические группы политическими, экономическими, культурными и социальными и другими процессами, взаимосвязанными между собой. При таком подходе каждая из этнических групп, населяющих регион, рассматривается как обладающая собственной спецификой, а их взаимодействие как обеспечивающее многоаспектное развитие регионального межэтнического сообщества. Анализ детерминант

развития межэтнического сообщества предполагает комплексный учет обозначенных выше процессов, существующих в конкретном регионе. Следовательно, социокультурные детерминанты регионального развития определяют ключевые тенденции развития региональных этносоциальных процессов. Основываясь на положениях социокультурного подхода, мы выделяем три основные детерминанты развития регионального межэтнического сообщества: социальную, культурную и личностную.

Под социальностью традиционно понимается совокупность общественных отношений, формируемых в процессах деятельности социальных субъектов. Анализ комплекса социальных детерминант можно осуществить через выявление качественных и количественных характеристик отдельных свойств и состояний социальных субъектов и процессов, совокупность которых отражает их существенные особенности в статике и динамике [Прохоров, 2005]. Разработка системы детерминант должна основываться на исследовании объективных закономерностей общественного развития, а также на представлении о структуре социального объекта (в данном случае – регионального межэтнического сообщества). Существенно значимыми для исследования социальной детерминанты представляются социально-экономическое положение, демографические тенденции, специфика миграционных процессов и состояние межэтнических отношений в регионе.

Эмпирическим объектом для верификации модели комплекса социокультурных детерминант нами выбрана Республика Алтай. Регион относится к субъектам РФ с низким уровнем развития экономики и является дотационным аграрным регионом. Высокий показатель уровня безработицы отчасти компенсируется развитой присваивающей экономической деятельностью: «жители сочетают формальную работу в сельхозпредприятиях (если они есть) со сбором дикоросов, охотой, дополнительными заработками по обслуживанию отдыхающих и туристов в летний сезон. Широкое распространение в глубинных районах получили подсобные (фактически натуральные) хозяйства» [Угрозы национальной безопасности..., 2016. С. 8].

Анализ Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) позволяет зафиксировать сравнительное положение республики среди других регионов страны. По данным на 2014 г., значение ИРЧП республики близко к показателям Забайкальского края (0,821), Карачаево-Черкесской (0,817) и Кабардино-Балкарской (0,815) республик, Псковской (0,813) и Ивановской областей (0,812) и ниже среднего уровня по стране [Доклад..., 2015]. Анализ соотношения значений

среднедушевых денежных доходов по России и по Республике Алтай за последние 12 лет показывает значительное отставание показателей республики от среднероссийских ¹.

По уровню рождаемости республика находится на четвертом месте среди регионов РФ. Динамика соотношения численности этнических групп демонстрирует тенденцию к уменьшению удельного веса русского населения и увеличению алтайского и казахского. Однако демографическую ситуацию в регионе осложняет высокий уровень смертности.

На основании анализа результатов массового опроса, проведенного в республике в 2014 г. при участии авторов (см.: [Попков, Персидская, 2014]), сделан вывод, что как в ближнем, так и в дальнем радиусе взаимодействий респондентов преобладает благоприятная среда. Так, отношение к себе со стороны коллег по работе, начальства и соседей подавляющее число респондентов оценивает как хорошее (от 48 до 64 %) и нормальное (от 31 до 42 %), а отношение со стороны других жителей в конкретном населенном пункте для 52 % является нормальным, а для 40 % – хорошим. Межэтнические отношения в населенном пункте проживания большинство опрошенных (61 %) считают хорошими (наивысший пункт шкалы), 28 % характеризуют их как терпимые. «Напряженными» или «враждебными» межэтнические отношения не назвал практически никто.

Таким образом, на первый взгляд нельзя делать однозначный вывод о прямой детерминации социального самочувствия и характера межэтнических отношений уровнем экономического развития региона. В то же время тот факт, что значительная часть опрошенных указала в числе своих основных проблем низкий уровень доходов (им не совсем довольны 38 % опрошенных и не довольны 23 %, что в сумме дает 61 %), говорит, что для пролонгации социального баланса в обществе и установки на позитивность социальных взаимоотношений, которые все еще сохраняются в сложных экономических условиях, должна осуществляться деятельность по повышению благосостояния жителей региона, развитию социальной инфраструктуры, сохранению и упрочению демографического потенциала республики.

В контексте данного исследования не менее значимой является культурная детерминанта, где ключевое значение имеет традицион-

¹ Распределение населения Республики Алтай по величине среднедушевых денежных доходов (в процентах). URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/a627e900414049f2a28fa7a3e1dde74c/Распределение+населения+Республики+Алтай+по+величине+среднедушевых+денежных+доходов.pdf (дата обращения 17.02.2018).

ная этническая культура, рассматриваемая нами как система этнокультурных ценностей, конкретных этнических традиций и обрядовых практик. Еще одним существенно значимым, по нашему мнению, культурным показателем является языковая компонента общественного бытия.

В культурном пространстве Республики Алтай существует ряд проблем, связанных с постепенной утратой особенностей традиционных верований и тонкостей обрядовых процедур. Хотя сохранению культуры на республиканском уровне уделяется большое внимание (например, проводятся многочисленные алтайские праздники), на деле адаптация культурных практик для массовых мероприятий приводит к постепенной их замене на нежизнеспособный эрзац, когда культура становится экзотической приманкой для туристов и перестает выполнять свою функцию по интеграции и самоидентификации этнического сообщества.

Ситуация в области изучения языков также видится не простой: в школах алтайский язык не является обязательным предметом, учебники не переиздаются; фактически никто не занимается обновлением алтайского языка с учетом современных, недавно вошедших в лексикон слов. Молодые алтайцы и представители коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) стремятся изучать русский, а не родной язык, так как русский является более перспективным с точки зрения возможностей получения высшего образования и трудоустройства за пределами региона. Все это приводит к тому, что знание своего языка становится не рациональным и вытесняется в плоскость воспроизводства этнической культуры и этнической идентичности. При этом результаты массового опроса, тем не менее, показывают, что от 92 до 98 % респондентов-алтайцев и КМНС заявляют об актуальности и важности для себя знания языка своего народа, соблюдения этнических традиций и религиозных обычаев. Соотнесение значимости владения русским языком с уровнем знания алтайского языка и языков КМНС говорит о том, что высокая рациональная, экономическая целесообразность владения русским оборачивается для алтайцев и представителей КМНС кризисом этнических языков и приводит к невозможности полноценно реализовать свой этнокультурный потенциал.

Таким образом, владение языком и включенность в этническую культуру отчасти детерминированы наличием или отсутствием их экономической целесообразности, возможности получить рациональную пользу. Вместе с тем наличие такого знания у жителя региона в известной мере определяет этническую идентичность, что выво-

дит нас на третью и заключительную, сообразно триаде П. Сорокина, детерминанту – личностную.

К конкретным показателям личностной детерминанты развития межэтнического сообщества мы отнесли социальное самочувствие и социальную идентичность. По результатам анализа данных массового социологического опроса 2014 г. опрошенные жители региона в целом продемонстрировали высокий уровень социального самочувствия: 60 % опрошенных заявили, что вполне удовлетворены своей жизнью. В этническом срезе наиболее высокий уровень удовлетворенности жизнью продемонстрировали казахи. Русские, представители КМНС и алтайцы были более сдержаны в оценке (от 50 до 65 % удовлетворенных и от 25 до 32 % не совсем удовлетворенных жизнью). Кроме того, нами выделена область социальной напряженности, а именно развитие туристической отрасли на Алтае. Туризм, детерминируя экономическое развитие региона, в то же время выступает фактором напряженности в социально-культурной сфере, поскольку респонденты обеспокоены увеличением потока туристов, загрязнением природы, переходом в частную собственность (владельцев туристических баз) больших площадей земли, в том числе культурно-значимых для алтайцев.

Общенациональная идентичность, выраженная в важности для респондентов ощущения себя россиянином, является существенно выраженной у этнических групп Республики Алтай. Ее важность для себя отметили 92 % русских, 86 % алтайцев, 88 % представителей КМНС и 99 % казахов. При этом если у русских и казахов выраженность общенациональной идентичности преобладает над этнической (причем у русских преобладает значительно), то для алтайцев и представителей КМНС этническая несколько более преобладает над общенациональной [Персидская, Евдокимов, 2016. С. 139]. Как представляется, одной из причин превалирующего над прочими уровня общенациональной идентичности является высокий престиж федеральной власти по сравнению с другими ее уровнями. Показательной в данном контексте представляется специфика идентификационных стратегий в этническом срезе: более высокий уровень общенациональной идентичности демонстрируют проживающие в регионе русские (т. е. представители национального большинства страны). А более высокая значимость этнической идентичности для алтайских и субэтнических групп населения, подкрепленная желанием сохранять и воспроизводить родной язык, верования и обряды, демонстрирует разделяемое представителями указанных этнических групп мнение о своей культуре как о механизме воспроизводства этнично-

сти, который востребован носителями, так как позволяет сохранить уникальное этническое самоощущение в стремительно глоболизирующемся мире.

Итоги комплексного анализа социокультурных детерминант развития конкретного межэтнического сообщества Республики Алтай свидетельствуют об их взаимосвязи и взаимообусловленности. Так, социальное самочувствие жителей региона и межэтнические отношения, которые в целом могут быть оценены позитивно, не подкреплены высоким уровнем социально-экономического развития республики, показатели которого характеризуют ее как экономически неблагополучный регион со значительной долей бедного населения. Поэтому сценарий успешного развития региона в будущем должен быть основан, прежде всего, на повышении благосостояния населения (в том числе, через структурную перестройку и развитие важных для ряда этнических групп региона традиционных отраслей), поскольку ресурс терпения и низкого уровня притязаний населения все же исчерпаем при отсутствии должного фундамента.

Список литературы

Абрамова М. А., Костюк В. Г., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Региональные модели государственной национальной политики современной России. Новосибирск, 2016.

Балтовский Л. В. Политика и культура (об основополагающих детерминантах политической доктрины партии конституционных демократов) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 297–303.

Белов В. Б. К вопросу о детерминантах общественного здоровья // Российская академия медицинских наук. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. 2013. № 2. С. 31–34.

Бобрышев А. Н., Казаков М. Ю. К вопросу о детерминантах и поиске новых форм регионального развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2011. № 33. С. 38.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналит. центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.

Драгунский Д. В. Макрополитика (заметки о детерминантах национального поведения) // Полис. 1995. № 5. С. 34–39.

Карпунина Е. К. О детерминантах процесса трансформации российской экономической системы // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 8 (30). С. 102–106.

Мадюкова С. А., Персидская О. А. Региональная специфика национальной политики в Республике Алтай // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 150–156.

Мадюкова С. А., Персидская О. А., Самсонов В. В. Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России (на примере Республики Алтай и Новосибирской области). Новосибирск, 2017. Ч. 2.

Персидская О. А., Евдокимов А. И. Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 137–141.

Попков Ю. В., Персидская О. А. Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири // Новые исследования Тувы. 2014. № 4 (24). С. 6.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы в современной Евразии: история и современность // Этносоциальные процессы в Сибири: Темат. сб. / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск, 2006. Вып. 7.

Прохоров Б. Б. Экология человека: терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 476 с.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Терехова Т. А., Евдокимова А. С. Представления о детерминантах экономической социализации студентов Забайкалья в процессе профессионализации в вузе // Учен. зап. Забайкальского гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 2011. № 5. С. 168–173.

Угрозы национальной безопасности в процессе идентификации жителей Республики Алтай в контексте полиэтнического и поликонфессионального социокультурного пространства региона / С. Ю. Асеев, Т. А. Асеева, Д. А. Казанцев, О. С. Киреева, Я. Ю. Шашкова. Барнаул: Си-пресс, 2016.

S. A. Madyukova, O. A. Persidskaya

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sveiv7@mail.ru, olga_alekseevna@mail.ru

SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS OF DEVELOPMENT OF THE INTERETHNIC COMMUNITY OF THE ALTAI REPUBLIC

The determinants of the development of the interethnic community are considered from the standpoint of the sociocultural approach and are exemplified with the community of the Altai Republic. The set of determinants includes social, cultural and personal components, and the content of each of them is indicated by a number of variables. It is concluded that the socio-cultural development of the Republic of Altai is hampered by economic factors rather than interethnic problems. Therefore, the scenario of successful development of the region should be based on increasing the well-being of the population, a significant role in which should be given to the development of traditional fields of employment important for the ethnic groups of the region.

Keywords: interethnic community, socio-cultural determinants, development of the region, the Republic of Altai.

References

Abramova M. A., Kostyuk V. G., Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Popkov Yu. V. *Regional'nye modeli gosudarstvennoi natsional'noi politiki sovremennoi Rossii* [Regional Models of the State National Policy of Modern Russia]. Novosibirsk, 2016. (In Russ.)

Baltovskii L. V. Politika i kul'tura (ob osnovopolagayuschih determinantah politicheskoi doktriny partii konstitutsionnykh demokratov) [Politics and Culture (About the Fundamental Determinants of the Political Doctrine of the Party of Constitutional Democrats)]. *Bulletin of State Pedagogical University*, 2009, no. 101, p. 297–303. (In Russ.)

Belov V. B. K voprosu o determinantah obshchestvennogo zdorov'ya [To the question of the determinants of public health]. *Russian Academy of Medical Sciences. Bulletin of the National Research Institute of Public Health*, 2013, no. 2, p. 31–34. (In Russ.)

Bobryshev A. N., Kazakov M. Yu. K voprosu o determinantah i poiske novykh form regional'nogo razvitiya [On the issue of determinants and the

search for new forms of regional development]. *Management of economic systems: an electronic scientific journal*, 2011, no. 33, p. 38. (In Russ.)

Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossiiskoi Federatsii za 2015 god [Report on Human Development in the Russian Federation for 2015]. L. M. Grigor'yeva, S. N. Bobyleva (eds.). Moscow, 2015. (In Russ.)

Dragunskii D. V. Makropolitika (zametki o determinantah natsional'nogo povedeniya) [Macropolitics (notes on the determinants of national behavior)]. *Political Studies*, 1995, no. 5, p. 34–39. (In Russ.)

Karpunina E. K. O determinantah protsessa transformatsii rossiiskoi ekonomicheskoi sistemy [About the determinants of the process of transformation of the Russian economic system]. *Socio-Economic Phenomena and Processes*, 2011, no. 8 (30), p. 102–106. (In Russ.)

Madyukova S. A., Persidskaya O. A. Regionalnaya spetsifika natsionalnoi politiki v Respublike Altai [Regional specificity of national policy in the Republic of Altai]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 2, p. 150–156. (In Russ.)

Madyukova S. A., Persidskaya O. A., Samsonov V. V. *Sotsiokul'turnaya dinamika mezhetnicheskikh i lokal'nykh soobshchestv Rossii (na primere Respubliki Altai i Novosibirskoi oblasti). Chast' II* [Sociocultural Dynamics of Interethnic and Local Communities of Russia (on the Example of the Republic of Altai and the Novosibirsk Region). Part II]. Novosibirsk, 2017. (In Russ.)

Persidskaya O. A., Evdokimov A. I. Raznye vidy identichnosti u etnicheskikh grupp Sibiri: opyt sopostavleniya vyvodov sociologicheskikh issledovaniy [Different types of identity in the ethnic groups of Siberia: the experience of comparing the findings of sociological research]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice*. 2016, no. 10 (72), p. 137–141. (In Russ.)

Popkov Yu. V., Persidskaya O. A. Sravnitelnoe issledovanie etnosotsialnykh protsessov i etnonatsionalnoi politiki v regionah Sibiri [A comparative study of ethno-social processes and ethno-national policy in the regions of Siberia]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2014, no. 4, p. 50–58. (In Russ.)

Popkov Yu. V., Tyugashev E. A., Kostyuk V. G. Etnosocial'nye protsessy v sovremennoi Evrazii: istoriya i sovremennost' [Ethnosocial processes in modern Eurasia: history and modern times]. *Etnosocial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial Processes in Siberia], Novosibirsk, 2006, vol. 7. (In Russ.)

Prohorov B. B. *Ekologiya cheloveka: terminologicheskii slovar'* [Human Ecology: Terminological Dictionary]. Rostov-na-Donu, 2005. (In Russ.)

Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo* [The Man. The Civilization. The Society]. Moscow, 1992. (In Russ.)

Terekhova T. A., Evdokimova A. S. Predstavleniya o determinantah ehkonomicheskoi socializacii studentov Zabaikal'ya v protsesse professionalizatsii v vuze [Representations about the determinants of economic socialization of Transbaikalian students in the process of professionalization in the university]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Scientific Notes of Transbaikal State University of Humanities and Pedagogy], 2011, no. 5, p. 168–173. (In Russ.)

Ugrozy natsionalnoi bezopasnosti v protsesse identifikatsii zhitelei Respubliki Altai v kontekste polietnicheskogo i polikonfessional'nogo sotsio-kul'turnogo prostranstva regiona [Threats to National Security in the Process of Identification of Residents of the Altai Republic in the Context of the Poly-ethnic and Polyconfessional Socio-Cultural Space of the Region] / S. Y. Aseev, T. A. Aseeva, D. A. Kazantsev, O. S. Kireeva, Ya. Yu. Shashkova. Barnaul, Si-press Publ., 2016. (In Russ.)

УДК 17.02:111.8

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-178-188

Н. А. Синюкова

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sinuknat@gmail.com

НРАВСТВЕННО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ОПЫТА ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНИ В СОВРЕМЕННОСТИ

Анализируется еще не артикулированная в российской науке, но крайне актуальная в теоретическом и практическом отношении проблематика нарратива в области медицины, затрагивающего нравственно-экзистенциальную сферу взаимоотношений больного и медицинских специалистов и ориентированного на развитие нарративной медицины и этики. Рассмотрена этическая сторона нарратива о болезни, связанная с актуализацией экзистенциального опыта больного, которая обуславливает изменение личности больного и приводит к его исцелению – внутреннему преобразению, становлению «улучшенной» моральной личности, развитию стремления к формированию новых форм общественной жизни больного, а на этой основе к укреплению в новой жизни.

Ключевые слова: опыт болезни, хроникализация болезней, персонализация медицины, хроническая боль, страдание, нарратив о болезни, нарративный поворот, нарративная медицина, экзистенциальный опыт, исцеление.

Революционный прорыв в сфере биомедицинских технологий, произошедший в конце XX в., расширил возможности человечества на биофизиологическом уровне, с одной стороны, а с другой, – актуализировал нравственно-экзистенциальную проблематику, связанную с вопросами здоровья человека и общества. На теоретическом и практическом уровнях произошло своеобразное «усложнение» исследования и понимания феноменов здоровья и болезни. Развитие медицинских технологий и практик привело к «хроникализации» болезней, к тому, что хроническое течение болезни становится распространенным явлением и преобладает над острыми формами заболеваний. Человек не является здоровым (или полностью выздоровев-

шим) с медицинской точки зрения, но он способен вести привычный для здорового человека образ жизни. В контексте этих изменений происходят переосмысление роли медицинской практики и переход от преимущественно «высокотехнологичного излечения» к комплексному «сопровождению» в течение длительного времени, а все чаще и всей жизни. Данный переход предполагает высокую степень персонализации или индивидуализации медицинской практики.

В течение долгого времени социальная, этическая, экзистенциальная сфера жизни больного считалась менее значимой по сравнению с ориентацией медицинской практики на высокотехнологические достижения. Разработка новых медицинских технологий и методик, новых медикаментов и техники, акцент на научном (не гуманистическом) образовании медицинских специалистов возвели клинику в ранг «храма технологий», а врача – в «научного технолога» [Leder, 1992]. Тело больного, рассматриваемое как механизм, как объект приложения достижений медицинской науки, как бы дегуманизировало медицину. Жесткая ориентация на «медицину высоких технологий» овеществляет человеческую жизнь, ее «спонтанное становление», размывает границы между личностями и предметами. Она «покоряет своими технологиями жизненный мир», «подрывая самопонятную близость с миром» через тело, вооруженное и улучшенное технологиями [Фукс, 2007. С. 12–15].

Технологизация медицинской науки проявляется и в том, что повседневность больного описывается исключительно как эмпирическая биологическая реальность. «Голос» больного для языка технологизированной медицины не имеет значения, если он не отражает какое-либо нарушение в физиологическом состоянии и если его восприятие не может быть рационализировано и объективизировано [Good, 1994. Р. 18–19]. Результатом сложившейся ситуации стало несоответствие между пониманием болезни в рамках медицинского дискурса и восприятием болезни самим больным. На практике такой «конфликт интерпретаций» связан с целым комплексом негативных последствий, таких как, например, потеря доверия больного к врачу, его отказ от соблюдения медицинских рекомендаций, увеличение длительности лечения, появление новых заболеваний и т. д.

Для современной России эта проблема является острой. Как показало социологическое исследование «Субъективные смыслы болезни, их реализация в отечественных медицинских практиках» на примере хронических больных г. Самара [Готлиб, 2012], у обследуемых больных преобладают практики «нерассказывания» врачу о своих чувствах, переживаниях, о влиянии болезни на жизнь в целом. «Врачей

не интересует моральная сторона», «все равно никто не услышит», «врач – мне чужой», «придерживаюсь деловых отношений с врачом», «не принято это в России», «для него это лишний груз», «он не спрашивает, я не говорю» – это лишь несколько вариантов ответа на вопрос о мотивах «нерассказывания» о своих переживаниях врачу. С одной стороны, больные «молчат», потому что «так принято», «неудобно» и т. д. С другой стороны, сами врачи «не считают целесообразным» выслушивать рассуждения больных о переживаниях болезни [Готлиб, 2012. С. 178–179, 188–189]. Справедливо предположить, что данная ситуация характерна не только для Самары, но и для нашей страны в целом.

Оценивая в целом процессы технологизации медицинской науки и практики, К. Ясперс отмечает: «Недопустимо более смешивать объективно-предметное в человеке как действительном в эмпирическом смысле, и его самого, как являющуюся в коммуникации экзистенцию... Поэтому последним средством для врача и больного остается экзистенциальная коммуникация: врач принимает на себя судьбу своего больного» [2012. С. 151]. Эти размышления К. Ясперса можно трактовать как некую новую установку медицины, определяющую направление дальнейшего развития взаимоотношений больного и медицинских специалистов. Принципиальное значение имеет институционализация этой установки. Она связана с «нарративным поворотом» в медицине, развитием «нарративной медицины». Использование нарратива в медицинской практике предполагает развитие определенных компетенций у медицинских специалистов, связанных с экзистенциальной сферой взаимоотношений последних с их пациентами. Речь идет о развитии способностей «взаимно» слушать и рассказывать в сопереживании с «другим» [Charon, 2014]. Такие способности позволяют критически осмыслить историю или рассказ пациента о своей болезни и использовать ее как одну из базовых составляющих мотивации действий медиков.

Нарративная медицина ориентирована на открытие смысла болезни для пациента, осознание им экзистенциально значимого в самом себе через рассказ своей истории при активном соучастии медицинских специалистов, других пациентов и близкого окружения пациента (см.: [Ibid.]). Нарратив существует в диалоге с другими нарративами. Он создается и поддерживается «здесь и сейчас» в ситуации реального или виртуального общения. В диалоге нарративов осуществляется актуализация экзистенциального опыта каждого, а на этой основе и ре-конструирование социальной реальности.

Серьезная болезнь как опыт переживания «предельной ситуации» приводит к систематическому «разрушению» повседневной реальности больного. Американский антрополог Байрон Гуд анализирует этот процесс в своем case-study нарратива больного – молодого человека Брайна, всю жизнь страдающего хронической болью. Автор разрабатывает понятие «мир хронической боли» в контексте феноменологической традиции и противопоставляет его «миру повседневности» [Good, 1994. P. 124–127]:

- В повседневности человек целостен и автономен. Человек через свое тело является «автором» своих действий; он переживает, постигает мир и воздействует на него. В болезни тело перестает быть «своим», оно становится объектом, отличным от человека и как бы чуждым для него. Тело больше не контролируемо, более того, оно становится враждебным. Человек «перегружен» своей болью и телом, она «захватывает» его полностью и формирует не только его переживания, но и переживаемые им смыслы мира.

- В мире больного изменяется характер времени. Оно замедляется. Время теряет такие характеристики, как упорядочивание, синхронизация личного восприятия времени с реальным течением времени. В итоге восприятие времени полностью разрушается, а «мир проходит мимо». Время, как и пространство, «перенасыщены» болезнью. Медицинские действия становятся параллельной реальностью и постепенно вытесняют повседневный мир.

- Мир больного принципиально не делим с другими, он переживается индивидуально и не может быть понят другими людьми. Рушится общность мира, и больной человек постепенно становится «чужим». Так больной попадает в ситуацию социальной изоляции, он утрачивает интерсубъективность взаимоотношений со своим окружением – важнейшую характеристику мира повседневности.

Преодолеть разрушение повседневного мира больному помогает диалог нарративов, осуществляемый в ходе его реального и виртуального общения с другими людьми: с близким окружением, другими больными, медицинскими специалистами. Он позволяет ему упорядочить события болезни и представить их связно, подняться над своей ситуацией и творчески подойти к ее преодолению. Упорядоченные события «контекстуализируют» или формируют упорядоченную сюжетную линию личного опыта (emplotment), придавая ей определенное значение, сформированное культурой. Открывается то, что было не очевидно, скрыто в момент переживания событий в настоящем, но является базовой характеристикой личного опыта. В результате история каждой болезни каждого больного приобрета-

ет определенную направленность, ощущение того, что она движется к развязке, к определенному благоприятному для больного концу, который рассказчик может представить в воображении. Когда возникает такой «образ результата», нарратив приобретает терапевтическую силу и больной может противостоять разрушению или «краху» мира вокруг себя [Good, 1994. Р. 118–121]. Его не занимает более вопрос «почему это произошло», вместо него все усилия больного направлены на то, чтобы понять «в чем смысл произошедшего?» В поиске ответа на это вопрос больной находит потенциальные варианты развязки своей истории. Гуд утверждает, что если вообразить благоприятную развязку, такой конец своей истории болезни невозможно, то нарратив теряет свою «терапевтическую» силу. Тогда больной укореняется в своем «разрушенном мире», полностью утрачивая возможность его восстановления.

В книге «Истории болезни» Ховард Броди предлагает схожее с Гудом представление о нарративе: «Когда болезнь необратимо меняет горизонты будущего, задача пациента состоит в том, чтобы оплакать потерю прежней жизненной истории, которая уже никогда не может быть такой, какой была намечена, и создать скорректированную историю жизни в рамках реальности, созданной болезнью» [Броди, 2013. С. 59]. Речь идет о таких ситуациях болезни, когда возобновление временно прерванного течения жизни более невозможно. В ситуациях острой болезни, кратковременного прерывания «нормального» течения жизни нарратив помогает больному поддерживать такое привычное течение жизни. Броди, как и Гуд, не дает однозначного ответа на вопрос, при каких болезнях – длительных или временных – возникает наибольшая необходимость в терапевтическом «эффекте» нарратива.

Что же представляет собой нарратив больного на практике? В нарративной теории существует несколько типологий нарративов о болезни, разработанных с разными целями в рамках различных дисциплин – антропологии, социологии, лингвистики и т. д. В частности, и Байрон Гуд предлагает свою «антропологическую» типологию пяти сюжетов нарративных структур больных. Она основана на данных исследования нарративов больных эпилепсией, проведенного автором в Турции. В нарративе первого типа рассказывается о том, как началась болезнь, о поисках возможностей излечения, а также о том, как болезнь развивалась во времени. Структурирующим элементом этого нарратива, является событие, предшествующее и спровоцировавшее болезнь, эмоциональная травма, связанная со страхом, утратой, лишениями. Нарратив второго типа структурирован воспомин-

нением о перенесенных в детстве телесном повреждении, ушибе, заболевании или высокой температуре, которые привели к «жизни в болезни». Безуспешные попытки лечения, несостоятельность родителей в обеспечении защиты ребенку также составляют основу этого нарратива. Третий тип – истории болезни без очевидных причин ее появления. В нем отсутствует «завязка сюжета», и он не структурирован по времени. Основное внимание направлено на рассказ о страданиях, влиянии болезни на жизнь, т. е. физиологической стороне болезни. Нарратив четвертого типа связывает переживание страданий и жизненных трагедий с неэпилептическими приступами таким образом, что формируется контекст для более глубокого понимания эпилепсии. И наконец, пятый тип – это классические для Среднего Востока истории, в которых возникновение болезни связывается со сглазом или действием джиннов. Эти обобщенные нарративы, как пишет Гуд, «придают историям упорядоченность и связанность и делают их понятными для других в обществе» [Good, 1994. P. 146–148].

Типология Гуда не претендует на универсальность. Наоборот, она ситуативна, но отражает уникальную (в данном случае для Турции) систему «означивания» болезни, сформированную в определенной социокультурной среде в конкретном историческом моменте. Для расширения знаний в области медицинской антропологии она, несомненно, внесла свой вклад в верификацию положения о культурной обусловленности нарративного формирования реальности.

Истории, анализируемые Гудом, не были закончены в момент рассказа – их рассказывали во время болезни или, как пишет сам Гуд, «исходя из “слепой”» неоднозначности настоящего, каким оно переживается» [Ibid. P. 146]. Поэтому в этих историях возможность дальнейшей альтернативной интерпретации событий в будущем оставалась открытой. Такая открытость подразумевает существование нескольких потенциальных, возможных или желаемых вариантов развязки историй в воображении больного. Гуд полагает, что данное свойство историй конструирует опыт болезни, как «открытый чуду», исцелению, изменению жизни страдающего и поддерживает надежду на позитивный, даже чудотворный конец.

Болезнь, как «толчок» к глубокому внутреннему изменению личности больного, а в таком контексте процесс исцеления, нарратив исцеления – лейтмотив творчества Артура Франка, канадского социолога и одного из идейных вдохновителей нарративной медицины. Франк сам прошел испытание тяжелой болезнью, на протяжении длительного времени он боролся с раком. Он вводит термин «общество ремиссии» (общество, в котором размыты границы между

здоровьем и болезнью), содержание которого, на наш взгляд, автор блестяще раскрывает, как ученый и как непосредственный участник такого общества.

Для Франка важна этическая сторона «жизни в болезни». В его этической концепции нарратива рассказывание историй о болезни рассматривается как моральная практика рассказа «правды» о страдании, чтобы «направлять» других больных. С помощью нарратива больные стремятся не столько предоставить «новую карту» мира, которая будет направлять других – каждый должен создать свою, но свидетельствовать (witness) об опыте реконструирования такой карты (автор вводит метафору «карты» как представление о болезни, эквивалентное потере «карты» жизни и ее направлений) [Frank, 1997. P. 17]. Франк выделяет следующие три типа нарративов о болезни, характерных для северо-американской культуры.

1. Нарратив восстановления (the restitution narrative) рассказывает о подробностях болезни с медицинской точки зрения: о постановке диагноза, возможных схемах лечения, вероятных результатах и прогнозах, квалификации врачей и мед персонала и т. д. [Ibid. P. 77]. В основе такой сюжетной линии – возвращение из временного состояния болезни к идеальному здоровью. Больной здесь – пассивный объект медицинских манипуляций. Болезнь воспринимается как прерывание нормального течения жизни, «машинная поломка, которая вскоре будет устранена». Здесь превозносится значение медицины и игнорируется экзистенциальный контекст. Франк подробно анализирует нарратив выздоровления как преобладающий в обществе в эпоху модерна.

2. Хаотичный нарратив (the chaos narrative), сюжетом которого являются переживаемый больным полный хаос, потеря возможности управлять физическим состоянием или контролировать его, непонятные перспективы, а часто и их отсутствие в результате лечения в будущем. Сами истории осмысливаются больным как лишённые временного порядка и рассказываются они им так же беспорядочно и бессвязно, как они в реальности переживаются.

3. Поисковый нарратив или истории о поиске – подвиге (the quest narrative), где болезнь метафорично предстает как испытание, подвиг, поиск или путешествие. Цель пациента – не просто восстановить здоровье, но научиться жить со своей болезнью. Страдание преподносится рассказчиком обществу, как некая реально существующая «правда». Этот тип рассказа отличается большой социальной активностью. В нем говорится о том, что умалчивается (например, сюжеты о врачебных ошибках или нарушении прав пациентов) с целью

стимулировать других больных к совместным действиям. Такая деятельность ориентирована на улучшение положения и качества жизни больных в обществе. Поисковый нарратив есть история духовного преобразования рассказчика (self-story), его «возвращения в жизнь» как обретения «улучшенной версии своей моральной личности», обладающей новой этической миссией – «свидетельством» [Ibid. P. 131, 137], а на этом основании и укрепления в новой жизни. Self-story – это те истории, которые появились и восторжествовали в эпоху пост-модерна.

Типология нарративов, предложенная Франком, на наш взгляд, является более значимой и универсальной. Во-первых, Франк, как социолог, очень четко выстраивает свою концепцию в методологическом плане, что позволило ему успешно классифицировать типы нарративов в их взаимосвязи с определенными типами телесности, характерными для разных состояний человека. Во-вторых, его типология опирается на исторический и культурный фон процесса переживания болезни: через преодоление хаоса, который всегда останется на заднем плане истории и будет служить основой других историй, выход к восстановлению в его медицинской версии (акцент модерна), к исцелению на экзистенциальном уровне и «свидетельству» (акцент постмодерна).

Анализируемое Франком «преображение» или «создание улучшенной версии себя» происходит благодаря исцелению на основе актуализации экзистенциального опыта больного в его чувственно-эмоциональном взаимодействии или глубинном общении с другим. Важно, что в процессе такого исцеления происходит изменение личности больного. Попадая в «мир болезни» (о чем шла речь выше), человек утрачивает смыслонаполненность наличного бытия и нуждается в открытии / обретении новых смыслов. При этом каждый больной нуждается в опыте другого для того, чтобы стать самими собой. Такой «обмен» и осуществляется в рамках поискового нарратива. Экзистенциальный опыт есть напряжение / актуализация тех человекообразующих сил индивида, которые вращены культурой в его онтогенезе и обуславливают его творческий потенциал. Его актуализация предполагает возвышение человека к онтологическим основам своего бытия. П. Д. Тищенко пишет: «В страдании бытие человека предстает как само себе неравное, расщепленное на отчужденные и рефлексирующие друг в друга моменты дефектной реальности недолжного и переживаемой в желании преодоления дефектности (исцеления) целостности... Благодаря экзистированию за рамки себя в страдании человек становится в деятельное отношение к самому

себе, тем самым продуцируя ресурс для творческого антропо-познания – творческого самоизобретения – преобразования из несовершенного в более совершенный вид» [2006. С. 36]. Это преобразование становится основой трансформации сложившихся социальных условий и отношений в своеобразную модель будущего в контексте открывшихся новых смыслов. Формируются предпосылки для развития новых форм общественной жизни больного, его социальной активности. Здесь и происходит «свидетельство» с его этическим посылом рассказать правду о страдании, изменить жизнь больных в обществе и т. д.

Выводы Франка об этической стороне поискового нарратива, о его преобладании в эпоху постмодерна подтверждаются обзором публикаций (постов) тяжелобольных людей в социальных сетях. В частности, в популярных социальных сетях Инстаграм и Фэйсбук под различными тэгами, содержательно связанными с лечением онкологических заболеваний, сегодня аккумулированы десятки, сотни тысяч, миллионы реальных историй борьбы с раком в духе поискового нарратива по Франку. Социальные сети и в целом возможности интернет-коммуникации сегодня стали благодатной почвой для предоставления «свидетельства», рассказа правды о страдании, а также для социальной активности тяжелобольных людей, а тем самым для осуществления благотворительной деятельности, взаимопомощи, создания общественных движений, объединений и новых социальных структур.

Список литературы

Броди Х. Из книги «Истории болезни» (Broody H Stories of Sickness, Yale University Press, 1987) / Пер. В. Н. Чулкина // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 52–64. URL: [http://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2013/IJCR_01\(10\)_2013.pdf](http://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2013/IJCR_01(10)_2013.pdf) (дата обращения 10.11.2017).

Готлиб А. С. Субъективные смыслы болезни и их реализация в отечественных медицинских практиках: опыт эмпирического анализа // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине. Самара, 2012. С. 169–191.

Тищенко П. Д. Тело страдания: философско-антропологическое истолкование // Бюллетень сибирской медицины. Томск, 2006. Т. 5, № 5. С. 35–47.

Фукс Т. «Науки о жизни» и жизненный мир // Топос. 2007. № 2 (16). С. 5–22.

Ясперс К. Философское ориентирование в мире. М.: Канон РООИ Реабилитация, 2012.

Charon R. Narrative Reciprocity // Narrative Ethics: The Role of Stories in Bioethics, special edition, Hastings Center Report, 2014. P. S21–S24.

Good B. Medicine, Rationality and Experience: an Anthropological Perspective. New York: Cambridge Univ. Press, 1994.

Frank A. The Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1997.

Leder D. A Tale of Two Bodies: The Cartesian Corpse and the Lived Body // The Body in Medical Thought and Practice / Ed. by D. Leder. Dordrecht: Springer, 1992. P. 17–35.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2018

N. A. Siniukova

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sinuknat@gmail.com

THE MORAL-EXISTENTIAL CONTEXT OF THE EXPERIENCE OF SERIOUS ILLNESS IN MODERN TIMES

The paper analyzes the narrative in the field of medicine, which is not yet articulated in Russian research. However, it is extremely topical in the theoretical and practical sense, affects the moral and existential sphere of the relations between the patient and medical personnel and is oriented toward the development of narrative medicine and ethics. The article also considers the ethical side of the narrative about the disease associated with the actualization of the patient's existential experience, which causes the patient's personality to change and leads to his healing. This means internal transformation, the formation of an «improved» moral personality, the development of the desire to form new forms of the patient's social life, and, on this basis, to his strengthening in a new life.

Keywords: experience of the disease, chronicization of diseases, personalization of medicine, chronic pain, suffering, narrative of the disease, narrative turn, narrative medicine, existential experience, healing.

References

Broody H. Iz knigi istorii bolezni [From the book "Stories of Sickness", Yale University Press, 1987]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kultury* [*International Journal of Cultural Studies*], 2013, 1(10), p. 52–64. URL: [http://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2013/IJCR_01\(10\)_2013.pdf](http://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2013/IJCR_01(10)_2013.pdf).

Gotlib A. S. Sub'ektivnye smysly bolezni i ih realizatsiya v meditsinskih praktikah: opyt empiricheskogo analiza [Subjective meanings of illness and their implementation in medical practices: empirical analysis experience]. *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoi meditsine* [*The Remission Society: on the Way to Narrative Medicine*]. Samara, 2012, p. 169–191. (In Russ.)

Tischenko P. D. Telo stradaniya: filosofsko-antropologicheskoe istolkovanie [The body of suffering: philosophical and antropological view]. *Byulleten sibirskoi meditsiny* [*Bulletin of Siberian Medicine*]. Tomsk, 2006, vol. 5, no. 5, p. 35–47. (In Russ.)

Fuks T. «Nauki o zhizni» i zhiznennyi mir [«Life sciences» and lifeworld]. *Topos*, 2007, no. 2(16), p. 5–22. (In Russ.)

Jaspers K. *Filosofskoe orientirovanie v mire* [*Philosophical World Orientation*]. Moscow, Kanon ROOI Reabilitatsiya Publ., 2012. (In Russ.)

Charon R. Narrative Reciprocity. *Narrative Ethics: The Role of Stories in Bioethics*, special edition, Hastings Center Report, 2014, p. S21–S24.

Good B. *Medicine, Rationality and Experience: an Anthropological Perspective*. New York, Cambridge Univ. Press, 1994.

Frank A. *The Wounded Storyteller: Body, Illness and Ethics*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1997.

Leder D. A Tale of Two Bodies: The Cartesian Corpse and the Lived Body. *The Body in Medical Thought and Practice*. D. Leder (ed.). Dordrecht, Springer, 1992, p. 17–35.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (91)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-189-200

М. Н. Вольф

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

rina.volf@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ КАК МОДУС АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Понятия истории философии, историографии философии или истории философии, а также философии истории философии нередко оказываются взаимозаменяемыми. В аналитической традиции историография истории философии имеет свою специфику. Возникшая на почве аналитической философии как рефлексия о ее значении и вкладе в философию, она пересматривает ее аисторические установки в подходе к философии и ее истории в пользу апроприационизма. Благодаря последнему историография конструирует доктрины и ставит значимость философов в прямую зависимость от их публичной репрезентации, сама оставаясь при этом слишком философичной и аисторичной. На первый взгляд преодолеть эти затруднения помогают контекстуализм и континентальный диалектический подход, однако они также подвержены апроприационистской историографии. На этом основании делается вывод о том, что апроприационистскую историографию можно признать одним из модусов существования истории философии.

Ключевые слова: история философия, методология, историография истории философии, подходы, историцизм, контекстуализм, апроприационизм, контекст, аналитическая философия, континентальная философия.

Каждый новый этап развития науки и культуры, и в их рамках – философии, требовал своей собственной концепции истории философии, что легко проследить на историческом материале [Вольф, 2017. С. 238–240]. Можно отнести начало написания истории философии к Аристотелю и Теофрасту. С эпохи Ренессанса и вплоть до XVII в. сменяют друг друга различные историко-философские традиции – *prisca theologia*, *perennis philosophia*, *historia philosophica*, воплотившие в себе различные формы и подходы к написанию истории философии.

фии. Знание об этих проектах сегодня доступно только узким специалистам, тогда как историко-философские проекты XIX и начала XX в. хорошо известны широкому российскому читателю, как и историко-философские проекты Гегеля, Ясперса, Лосева, Рассела и др. Зачастую такая ситуация создает иллюзию актуальности и современности этих проектов, подкрепляемую ощущением «завершенности» истории философии, неизбежным в контексте распространения концепции «конца философии», и слабым доступом (а возможно, и интересом) к тому, что действительно происходит в дисциплине.

Однако существенные изменения, которые претерпела философия в течение XX в., потребовали и новых средств, способов изучения ее истории, переосмысления методов и подходов к постановке и решению историко-философских задач и оформления новых эффективных путей развития истории философии вплоть до серьезных сомнений в необходимости самого историко-философского знания и автономного существования этой дисциплины. В англо-американской истории философии дискуссии о задачах и методах современной истории философии стали активно обсуждаться начиная с 80-х гг.

В сегодняшней литературе принято различать историю философии¹, историографию философии или истории философии и философию истории философии, нередко эти понятия используются как взаимозаменяемые, однако правильнее было бы корректно различать их специфические значения. Если история философии может быть представлена в этом ряду дисциплин как «доксография» – простой пересказ мнений, взглядов какого-либо философа, то две последние имеют непосредственное отношение к осмыслению того, для чего и, главное, каким образом, с какой целью и для какой аудитории эти взгляды должны быть предъявлены.

Значительные дискуссии об истории философии развернулись в рамках аналитической традиции во 2-й половине XX в. Здесь вопрос ставится в первую очередь в отношении самоценности истории философии как продукта исследовательской деятельности историков философии, необходимости ее существования как самостоятельной дисциплины: почему осмысление истории предмета оказывается столь же значимым, как и сам предмет, и есть ли тогда прогресс

¹ Когда мы говорим об истории философии в данной статье, мы имеем в виду результат осмысления деятельности философов, их творчества. Разумеется, существует сам объективный процесс развития философской мысли, независимый от его последующего выражения или представления доксографами, но о нем говорить здесь мы не будем.

в философии, а если есть прогресс, то как прошлое знание может быть столь же актуальным, как и настоящее? [Ayers, 1985. Р. 27]. Философия и ее история в этих дискуссиях оцениваются по аналогии с точными и естественными науками, которые вполне комфортно существуют без тесной связи со своим прошлым, и вопрос ставится достаточно жестко – если философия претендует на наличие прогресса, на то, чтобы выступать в качестве науки, ей придется пересмотреть свои отношения с прошлым. Такая постановка вопроса будет определять специфику англо-американской историографии (истории) философии².

В 1977 г. «American Philosophical Association» провела симпозиум по философии и историографии, на котором обсуждалась проблема разграничения сферы истории философии на так называемую внутреннюю и внешнюю историю в силу взаимосвязи мысли прошлого и современных интеллектуальных практик, осознания важности контекста. Фактически это положило начало новому течению в истории философии, получившему название «appropriationism» (осовременивание) или проблемно-ориентированная история философии, противопоставляемая контекстуализму. Своего рода программным заявлением этого направления стала книга «Philosophy in History» [1984]³. Она написана по итогам серии лекций по философии в исто-

² В исторической науке историографией называют критический или рефлексивный обзор исследований, посвященных какой-либо теме или исторической эпохе. Напрашивается и аналогичное толкование историографии философии как собственной истории истории философии. В частности, подробное рассмотрение такого подхода излагается в статье [Звиревич, 2012. С. 167], включая подробный раздел о советской историографии философии.

Общая схема, которую предлагает В. Т. Звиревич, для историографии выглядит следующим образом: «Представим объект историографии в виде, например, такой цепочки: Демокрит и Эпикур – философы; К. Маркс, написавший диссертацию о различии их натурфилософских воззрений, – историк философии; А. Г. Тихолаз, написавший, в свою очередь, диссертацию “Карл Маркс как историк античной философии”..., – уже историограф» [Там же. С. 167]. Однако Звиревич делает верную оговорку – историография истории философии определяет роль и вклад «того или иного историка философии или историко-философской школы в развитие и совершенствование наших представлений о философии прошлого и современности» [Там же]. От англо-американской трактовки историографии философии его отделяет только один шаг, о котором мы подробнее скажем ниже: историограф не просто определяет вклад философа в развитие философии, он его *конструирует* и мифологизирует. Кроме того, Звиревич называет историографию вспомогательной историко-философской дисциплиной, тогда как для аналитической традиции – это вполне самостоятельный модус существования истории философии.

³ На русский язык переведены следующие статьи из этой книги (перечислены в порядке расположения в сборнике): [Тэйлор, 2001; Рорти, 2001; Скиннер, 2013].

рии в Университете Джонса Хопкинса в 1982–1983 гг. Книга получила невероятный резонанс в западном философском сообществе, хотя скорее всего он был вызван повышенным интересом не к истории философии, а к таким ярким фигурам, как Ричард Рорти, Квентин Скиннер, Аласдер Макинтайр, Майкл Айерс и Чарльз Тейлор, и все возрастающим влиянием их идей на интеллектуальное сообщество. Книга не могла остаться незамеченной. Более того, она написана в тот сложный период, когда философы, воспитанные на аналитической традиции, начинают рефлексировать о ее значении и вкладе в философию и с удивлением обнаруживают, что, представляя себя как кульминацию интеллектуальной философской деятельности, аналитические философы предпочли вести диалог исключительно с точной наукой, оставив далеко в стороне гуманитарные науки и культуру, что поставило их в полную изоляцию от актуальных живых проблем повседневной жизни, которые продолжали формулироваться в том же виде, какими их увидели философы прошлого, хотя для аналитиков эти проблемы представлялись уже решенными раз и навсегда [Philosophy in History, 1984. P. 13]. Фактически книга является в некотором роде призывом к аналитическим философам вернуться к более живым, а не целиком аисторическим, формам написания истории философии, к таким, которые наполнены историческим самосознанием. Главная идея в ней направлена на понимание того, как возможны отношения между возможностью чистого, антикварного контекстуализма (представляющего собой видоизмененный историцизм) и полностью внеисторического проблемно-ориентированного подхода в изучении прошлого философии ⁴.

После статьи Р. Рорти «Историография философии: четыре жанра» [2001], впервые опубликованной в этом сборнике, в западной традиции принято различать подходы истории философии и истории идей, подчеркивая, что общего между ними только то, что оба они – историческое исследования, но существенно расходятся в методах. В частности, история философии, в отличие от истории идей, не сосредоточена на установлении конкретных концепций или их совокупностей, прослеживая их в конкретные исторические промежутки или у конкретных мыслителей. Ее задача – отразить философскую работу, философское мышление, а это уже подразумевает анализ взаимоотношения и взаимосвязей между концепциями, критическое исследование аргументов, задействованных в построении или обо-

⁴ О контекстуалистской программе см.: [Вольф, 2017. С. 244–248].

сновании этих концепций. Но этот последний подход также зачастую критикуется как аисторичный и слишком философский.

В 1983 г. А. Холланд организовала конференцию по историографии истории философии в Ланкастере, по результатам которой опубликована книга [Philosophy, Its History and Historiography, 1985]. В ней в качестве главной идеи подчеркивается междисциплинарность историко-философской работы, которая показывает, что история философии сегодня переосмысливается во многом за пределами самой философии, средствами других дисциплин – литературоведения, политологии, теологии и др., а значительное число статей в этом сборнике появляется как резонанс на недавно вышедшую к тому моменту книгу [Порти, 1997] Именно в этом сборнике М. Р. Айерс формулирует задачи историографии философии и ее отличия от истории философии [Ayers, 1985. Р. 28]. Можно сказать, что к этому моменту историография (истории) философии состоялась как новая философская дисциплина, которая и позволяет сформулировать, в чем заключается искомый прогресс в философии, не будучи при этом полностью аисторичной и не превращаясь в тривиальный исторический комментарий.

Суть историографии философии можно выразить следующим образом. Философия полна неразрешенных споров, невозможно строго доказать чью-то правоту или неправоту, как это бывает в точных науках. Длительное существование таких споров порождает философские мифы. Историография философии, с точки зрения Айерса, как раз и занимается разработкой и поддержанием таких мифов: какая-либо современная доктрина нуждается в героической фигуре, авторитете, ее подкрепляющем. Именно историография создает миф о такой героической фигуре (будь то Платон, Юм или кто-либо еще), уничтожившей разные путаницы и ошибки, к которым тяготеют предшествующие философы. Именно историография способна продемонстрировать, почему в интеллектуальном плане мы пришли туда, куда пришли, к такому, а не иному набору проблем и решений, который актуален на сегодняшний день. Простым пересказом взглядов Платона в «Софисте» или Юма в «Опытах» такого эффекта добиться невозможно. Из этого следует, что только от историографии философии, от публичной репрезентации ею философа зависит, будут ли его взгляды и аргументы использованы в современных философских дебатах или он будет навсегда забыт, как это бывает с отжившими и устаревшими научными теориями или концепциями. Однако разница очевидна: в науке теории «уходят» естественным об-

разом, не удовлетворяя требованиям наилучшего объяснения фактов или претензиям на истинность, а в философии этот процесс носит риторический характер, в силу произведенного историографией эффекта на аудиторию ⁵.

Еще один любопытный образец обсуждения историко-философской методологии представлен в сборнике «Analytic Philosophy and History of Philosophy» [2005]. В 2016 г. на кафедре истории философии философского факультета НГУ прошел ряд семинаров с подробным обсуждением отдельных статей этой книги (автор находился среди инициаторов и участников этого обсуждения).

Предыдущий опыт мы обозначим как апроприационистскую историографию, которая стремится уйти от аисторизма, однако в то же время в определенной мере осовременить историко-философский дискурс, универсализируя проблемы и аргументы, которыми оперируют философы разных эпох. Авторы данного сборника предлагают подход, на их взгляд, в большей мере удовлетворяющий целям и намерениям истории, а именно – контекстуалистский подход. Чтобы уйти от «летописной» или дескриптивной формы написания истории философии, от «внятного» пересказа учений философов прошлого, можно подстраховать текст его собственным контекстом. Аналитическая философия часто осуществляет подмену контекста, извлекая текст или философские концепции из их собственного исторического прошлого и помещая его в контекст современных дискуссий [Рокмор, 2014. С. 74–75]. С точки зрения авторов сборника, подлинная историко-философская работа не отделяет рассмотрение текста от его контекста. Но именно в этом пункте и возникает множество затруднений, в первую очередь связанных с тем, как ограничить или вообще задать контекст для философского текста, что именно следует понимать как релевантный для верного истолкования текста

⁵ Вопрос, что такое «философская аудитория», требует отдельного досконального исследования. Особенно когда она понимается в контексте разного рода убеждающих стратегий и коммуникативных практик, которые невозможны без прогнозирования необходимой реакции целевой аудитории, тем более если мы имеем в виду, что историография конструирует (а не реконструирует) и мифологизирует определенные фигуры, придавая им краеугольное значение в понимании и решении философских проблем. Разница между уровнем признания значения Канта и Гегеля в аналитической и континентальной философии соответственно колоссальна; однако для «универсальной аудитории» (пользуясь термином Х. Перельмана) эти фигуры должны быть равновелики. Означает ли это, что историография опирается на некоторую локальную аудиторию, учитывая ее ценности и веры, что в свою очередь привело бы к невозможности написания никакой другой универсальной истории философии, кроме банальной летописи или хронологии?

контекст. Как только мы задаемся таким вопросом, мы сразу оказываемся на поле историографии, *конструируя* и искусственно ограничивая контекст.

Большинство авторов сборника, предлагая подробное обсуждение контекстуализма, в то же время хорошо осознают его слабые стороны ⁶. Поэтому они предлагают не только его перспективы именно для аналитической философии, стремясь показать, почему аналитикам *следует* заниматься историей философии, а не отбрасывать ее, склоняясь к аисторизму или историографии, но и стараются защитить или оправдать этот подход, в частности размежевывая его с историцизмом. С другой стороны, многие авторы сборника, отстаивая ценность исторических оснований контекстуализма, не слишком вникали в то, что же именно делают аналитические философы, когда все-таки обращаются к истории, и в чем ценность и эвристичность аисторических или апроприационистских методов. «Аналитический философ» для авторов сборника – это некоторый идеальный тип, который говорит только от себя, в принципе не учитывая историческую перспективу. Вступая в дискуссию с ним, авторы, однако, подводят читателя к мысли, что мы все, имеющие отношение к истории философии, делаем что-то не так, и пытаются разобраться, каким должен быть именно философский инструментарий исследования прошлого. Таким образом, книга стимулирует нас на следующий шаг. Историцизм суть противоположный полюс аисторизма, со своими ограничениями и опасностями. Вероятно, оптимальный вариант историко-философского исследования мог бы оказаться там, где сойдутся интересы сторонников апроприационизма и контекстуализма, если те будут равноудаляться от обозначенных полюсов.

Своеобразный итог этому обновлению истории философии за последние сорок лет подводит издание «Philosophy and Its History...» [2013]. Своей задачей его авторы видят осмысление целей и методов истории ранней современной философии. Здесь можно указать на одну характерную особенность всего направления, обсуждающего методы истории философии. Его представители – это прежде всего те исследователи, чьи интересы сосредоточены на событиях XVII–

⁶ В статье [Вольф, 2017. С. 245–249] мы обсуждали относительно подробно позицию И. Ш. Зарки, который наглядно обрисовал слабые стороны и опасности контекстуализма.

Также отметим, что наиболее яркими представителями контекстуализма являются сторонники «истории понятий» (среди которых Р. Козеллек, Кв. Скиннер, Дж. Покок), для которых суть определенных понятий становится прозрачной только при размещении их в социокультурный или политический контекст эпохи.

XIX вв., т. е. на том периоде, когда формулировались многие проблемы и категории так называемой «современной» философии. Для них характерна установка на понимание того, как мы вообще пришли к этим проблемам, и установление непосредственного преемства между прошлым и современностью.

Во введении редакторы настаивают на различении проблемно-ориентированной истории философии, которая тщательно изучает прошлые тексты или готовые аргументы для использования в решении современных философских проблем, что характерно для современного состояния этой дисциплины, от откровенно антикварной контекстуалистской истории философии, которая исследует тексты прошлого для своего собственного блага без учета интересов современной философии. Ситуация, в которой оказались историки философии сегодня, – это их собственная Сцилла и Харибда: их действия либо не соответствуют целям и намерениям философии (удовлетворяя интересы только историков или филологов), либо изолируют их от актуальных социальных или культурных запросов [Philosophy and Its History..., 2013. P. 2]. Авторы и редакторы сборника видят проход между этими Сциллой и Харибдой, вернее, третий подход, который, возможно, способен снять напряжение между сторонниками двух направлений. Это континентальная философия и присущий ей диалектический метод. Как указывают редакторы в предисловии, диалектики не согласны с контекстуалистами, что философы прошлого должны «говорить за себя», поскольку вряд ли мы в состоянии их услышать и понять независимо от наших интересов и философского бэкграунда, и тем самым разделяют аргументы Р. Рорти и М. Айерса. Но они также не согласны и с апроприационистами, интерес к прошлому для которых ограничен только поиском вневременных хороших аргументов [Ibid. P. 3]. Задача диалектиков – построить такую картину прошлого, чтобы она одновременно была и чувствительна к прошлому, и стремилась преодолеть свои исторические ограничения. Однако здесь также есть очевидная опасность впасть в историографию или начать «говорить от себя», поскольку прошлое оказывается также только средством понять свой собственный жизненный мир.

Из нашего обзора становится ясно, что историки философии все еще далеки от идеального метода исследования. Более того, существует значительный раскол между запросом студентов (вообще изучающих философию) и профессионалов на философию и ее историю: первые по-прежнему требуют перечня имен и внятной хронологии,

тогда как профессиональная область явно отошла от такого принципа организации философского знания. Сегодня, по крайней мере, профессионалы уже не видят философию как задокументированную деятельность отдельных *великих* философов, порой им даже трудно провести различия между великими и популярными фигурами. Актуальная история философии обращена на противостояние «измов», например, в прагматистской литературе – противостояние объективизма, релятивизма, фундаментализма и т. д., или борьбу направлений (континентального и аналитического), или процесс становления определенных идеологий (феминизм), или трансформацию тех или иных *понятий*. Иначе говоря, принципиально изменился масштаб величин историко-философского знания, философия обрела иной *контекст*, этот контекст явно требует дополнительного конструирования в отношении прошлого (философы прошлого не называли себя релятивистами или фундаменталистами), но отказаться от прошлого – значит отказаться от собственного самосознания. Наверное, трудно сказать, какой станет история философии в ближайшие десятилетия, но легко видеть, что никогда она настолько не сближалась с философией, и легко предсказать, что к жанру тривиального исторического самописания она вряд ли вернется.

Список литературы

Вольф М. Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 3. С. 237–257.

Звиревич В. Т. Историография истории философии как вспомогательная историко-философская дисциплина. Лекция // Изв. Уральского федерального ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 166–175.

Рокмор Т. Заметки об истории философии и ее отношении к философскому «духу времени» (Zeitgeist) // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 64–79.

Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. С. 180–198.

Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск, 1997.

Скиннер К. Идея негативной свободы: философские и исторические перспективы // Логос. 2013. № 2 (92). С. 155–186.

Тэйлор Ч. Философия и ее история // История философии. 2001. № 8. С. 78–95.

Analytic Philosophy and History of Philosophy (Mind Association Occasional Series) / Eds. T. Sorell, G. A. J. Rogers. Oxford, 2005.

Ayers M. R. «The end of Metaphysics» and the historiography of philosophy // Philosophy, its history and historiography / Ed. by A. J. Holland. Dordrecht, 1985. P. 27–40.

Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / Eds. M. Lærke, J. E. H. Smith, E. Schliesser. Oxford Univ. Press, 2013.

Philosophy in History / Eds. R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge, 1984.

Philosophy, Its History and Historiography / Ed. by A. J. Holland. Dordrecht, 1985.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2018

M. N. Volf

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

rina.volf@gmail.com

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY AS A MODUS OF THE ANALYTIC HISTORY OF PHILOSOPHY

The concepts of the history of philosophy, the historiography of philosophy or of the history of philosophy, as well as the philosophy of the history of philosophy, are often interchangeable. In the analytic tradition the historiography of the history of philosophy has its own meaning. It originated on the basis of analytic philosophy, and was a reflection on its significance and contribution to philosophy, hereby it revised its ahistorical attitudes towards philosophy and its history in favor of appropriationism. According to the latter, historiography constructs doctrines and puts the importance of a philosopher in direct dependence on his public representation, while remaining itself too philosophical and ahistorical. At first sight, contextualism and the continental dialectical

approach help to overcome these difficulties, but these approaches are also subject to appropriationalist historiography. Thus it is concluded that appropriationalist historiography is one of the modes of the history of philosophy.

Keywords: history of philosophy, methodology, historiography of the history of philosophy, approaches, historicism, contextualism, appropriationism, context, analytic philosophy, continental philosophy.

References

Analytic Philosophy and History of Philosophy (Mind Association Occasional Series). Tom Sorell, G. A. J. Rogers (eds.). Oxford, 2005.

Ayers M. R. «The end of Metaphysics» and the historiography of philosophy. *Philosophy, its history and historiography*. A. J. Holland (ed.). Dordrecht, 1985, p. 27–40.

Philosophy its History and Historiography. A. J. Holland (ed.). Dordrecht, 1985.

Philosophy and Its History: Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy. M. Lærke, J. E. H. Smith, E. Schliesser (eds.). Oxford Univ. Press, 2013.

Philosophy in History. R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner (eds.). Cambridge, 1984.

Rockmore T. Zametki ob istorii filosofii i ee otnoshenii k filosofskomu «dukhu vremeni» (Zeitgeist) [Notes on the history of philosophy and its relation to the philosophical «spirit of the time» (Zeitgeist)]. *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of Philosophy: Challenges of the 21st Century]. N. V. Motroshilova (ed.). Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitatsiia, 2014, p. 64–79. (In Russ.)

Rorty R. Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. *Dzhokhadze I. D. Neopragmatizm Richarda Rorti* [Neopragmatism of Richard Rorty]. Moscow, URSS, 2001, p. 180–198. (In Russ.)

Rorty R. *Philosophy and Mirror of Nature*. Novosibirsk, 1997 (In Russ.)

Skinner Q. The idea of negative liberty: philosophical and historical perspectives. *Logos*, 2013, no 2 (92), p. 155–186. (In Russ.)

Taylor Ch. Philosophy and its history. *History of Philosophy*, 2001, no. 8, p. 78–95. (In Russ.)

Volf M. N. Sovremennye diskussii ob istorii filosofii: protivostoyanie teksta i konteksta [Contemporary debates about the history of philosophy: the tug-of-war between text and context]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 3, p. 237–257. (In Russ.)

Zvirevich V. T. Istoriografiya istorii filosofii kak vspomogatelnaya istoriko-filosofskaya distsiplina. Lekciya. *Bulletin of the Ural Federal University*. Series 3, social sciences, 2012, no. 4 (109), p. 166–175. (In Russ.)

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-201-211

А. А. Санжеников

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

sanzhenakov@gmail.com

О ВЛИЯНИИ АНТИЧНОГО ТЕАТРА НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ *

Рассматривается обоснованность использования понятия «общественное мнение» по отношению к древнегреческому обществу, а также возможность античного театра выступать инструментом влияния на общественное мнение. Сначала рассматривается генезис исследуемого понятия от его появления в XII в. до его концептуализации в XIX в. Отмечается, что структурирующими элементами общественного мнения являются единый источник информации и общее поле коммуникации. Настоящее понимание общественного мнения не может быть приравнено к греческому понятию «мнение большинства». Поэтому в поисках античного аналога общественного мнения вместо прямого терминологического перенесения был использован метод выявления структурных элементов. Показано, что в рамках отдельного полиса существовало достаточно публичных площадок для коммуникации, а в силу ограниченной территории не было нужды в специальных средствах информации. Театр наравне с поэзией и музыкой был сильным средством воздействия, заставляя зрителей задуматься о самых актуальных социально-политических вопросах.

Ключевые слова: античный театр, общественное мнение, коммуникация, воспитание, образование, Исократ, Эсхил, Софокл, Еврипид.

Считается, что древнегреческая цивилизация была родоначальницей многих современных системообразующих институтов. Поэтому велик соблазн отыскать корни окружающих нас сегодня социальных и политических явлений в истории Древней Греции. Таких попыток предпринималось великое множество. Одной из таковых является книга известной французской исследовательницы Коринны

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-36-01006. «Воспитание театром и в театре: античная педагогика сцены»).

Куле «СМИ в Древней Греции»¹, посвященная комплексному рассмотрению феномена коммуникации на материале древнегреческой истории. Несмотря на то, что понятие «коммуникация» является современным и в значении «обмена информацией» было сформировано лишь в XX в., автор убеждена, что «оно способно стать орудием анализа более древних цивилизаций» [2004. С. 7]. В ходе этого анализа Куле обращается к роли античного театра в системе обмена информацией в античном полисе. Здесь она выдвигает интересные гипотезы. В частности, предлагается рассматривать античный театр как пространство рефлексии относительно актуальных социально-политических проблем. По ее выражению, «полис выходил на сцену» и «подвергал себя расследованию» [Там же. С. 68, 69]. Иначе говоря, те вопросы, которые волновали жителей полиса, обыгрывались на сцене в художественной форме. Куле приводит следующий пример: «Орест в трилогии Эсхила, посвященной Атридам, убивает свою мать Клитемнестру и ее любовника за то, что они убили его отца Агамемнона по возвращении из Трои. По древнему праву, которое придерживалось исключительно фактов, он заслуживает смерти, потому что убил, и притом собственную мать. Но древнему праву в трилогии противостоит суд Афины, в контексте полисных институтов соответствующий Ареопагу, суду, которому подлежали кровавые преступления, реформированному непосредственно перед написанием “Орестей”. Этот суд после долгих прений оправдывает Ореста, поскольку принимает во внимание уже не просто факты, а обстоятельства убийства. Тем самым на общедоступную сцену выводился настоящий спор о самой сути общественных институтов» [Там же. С. 68–69]. Если предположение К. Куле имеет под собой основания, и античный театр был не столько местом развлечения, сколько пространством рефлексии, то мы можем сделать еще один шаг и предположить, что театр, будучи явлением массовым, был еще и инструментом, оказывающим влияние на общественное мнение.

Однако с применением понятия «общественное мнение» возникают те же самые трудности, что и с применением понятия «коммуникация». Прежде всего, что мы понимаем под общественным мнением? Затем, можем ли мы с уверенностью утверждать, что общественное мнение так, как мы его понимаем сейчас существовало в древне-

¹ Справедливости ради следует отметить, что в оригинале название звучит несколько менее анахронично – «Communiquer en Grèce Ancienne». Французское «communiquer» переводится как *сообщать, передавать* (гл.) или *сообщение* (сущ.) и подразумевает передачу информации или в более широком смысле слова передачу чувств, идей, настроений и т. д.

греческом обществе? Если да, то каков был механизм воздействия театральных постановок на общественное мнение? На эти вопросы мы постараемся ответить в нашей статье.

Считается, что сам термин «общественное мнение» был введен в XII в. английским богословом и писателем Иоанном Солсберийским в книге «Поликратик, или О забавах придворных и заветах философов» (ок. 1159 г.). Поскольку это сочинение было посвящено нормативному описанию государственного и общественного устройства и правителя государства, постольку понятие «общественное мнение» изначально было связано с политическим контекстом. Однако современный смысл это понятие начинает обретать лишь в начале XIX в. Так, в работе французского социолога Г. Тарда «Общественное мнение и толпа» (1901 г.) проводится различие *публики* и *толпы* по принципу объединения. В то время как толпа – это общность, в которой люди вступают в непосредственный контакт, который обеспечивается близким территориальным расположением, публика представляет собой «группу индивидуумов, физически разделенных и соединенных чисто умственной связью» [2015. С. 1]. Именно такая группа людей, разделенных физически, но имеющих общность убеждений, становится носителем общественного мнения. Хотя «эти люди не соприкасаются между собой, не видятся и не слышат друг друга; они рассеяны по обширной территории, сидят у себя по домам, читая одну и ту же газету. Какая же связь существует между ними? Эта связь состоит в одновременности их убеждения или увлечения, в сознании, проникающем каждого, что эта идея или это желание разделяется в данный момент огромным количеством других людей» [Там же. С. 3]. Важно отметить, что решающую роль в этом объединении играет общий источник информации (в данном случае газета, позже радио, телевидение, Интернет). Впрочем, по замечанию Тарда, читатель абсолютно не догадывается о степени влияния газеты на него, и даже не самой газеты, а массы других читателей, поскольку журналист в конечном счете всегда учитывает их вкусы. Таким образом, живой интерес к свежим новостям объясняется «бессознательной иллюзией общности» [Там же. С. 4]. По мнению Г. Тарда, публика как особый тип объединения людей возникает не раньше начала широкого книгопечатания в XVI в., и ни греческий язык, ни латинский язык не обнаруживают аналогов слову «публика». Дальнейшая концептуализация понятия «общественное мнение» проводилась в работах У. Липпмана [2004], Э. Ноэль-Нойман [1996], Г. Чайлдса, Ю. Хатбермаса, И. Бентама, Дж. Цаллера и др.

Помимо общего источника информации, большое значение для развития и становления общественного мнения имеют места общественного скопления – «социальные реки», как их живописно называет Г. Тард. В XVIII в. эту роль выполняли публичные библиотеки, а еще ранее кафе, распространившиеся с середины XVII в., двери которых были открыты для представителей всех слоев общества, и по этой причине кафе стали символом равенства и народовластия. Значительная роль этих заведений также объясняется их широким распространением. Достаточно сказать, что в 1739 г. только в Лондоне насчитывалось 551 кафе, куда заходили для обсуждения политики, чтения свежих газет, причем как проправительственных, так и оппозиционных. Не будет большим преувеличением сказать, что лондонские кафе в первой половине XVIII в. стали местом сосредоточения английской свободы. Однако постепенно они разделили эту роль с джентльменскими клубами, влияние которых достигает максимума в конце XIX в.

Завершая этот исторический обзор, еще раз отметим самые основные концептуальные моменты. С одной стороны, наиважнейшим фактором формирования общественного мнения являются средства информации (газеты, книги, радио и т. д.), которые выражают не столько точку зрения автора и редакции, сколько услужливо представляют «зеркало» своему читателю. С другой стороны, не меньшую роль в этом становлении сыграли публичные площадки (кафе, клубы, библиотеки и т. д.), где можно было обсудить актуальные политические вопросы. Так, Ю. Хабермас выделяет три главных качества публичной сферы: 1) всеобщий доступ; 2) возможность ведения рациональных дебатов в ее рамках; 3) игнорирование статусных различий.

Определившись с тем, что понимается под общественным мнением, мы можем обратиться к древнегреческому обществу в поисках его аналогов. Что касается терминологического аналога, то таковым является прямой перевод – «мнение большинства» (ἡ τῶν πολλῶν δόξα). Однако эта дословная калька несет в себе несколько иной смысл. Так, в «Панафинейской речи» Исократ противопоставляет «мнение большинства» и доброе мнение немногих, «пытающихся установить истину» [2013. С. 278]. Критон в одноименном диалоге Платона увещевает Сократа: «Но ведь ты уже видишь, Сократ, что необходимо также заботиться и о мнении большинства. Теперь-то оно ясно, что большинство способно причинять не какое-нибудь маленькое, а пожалуй что и величайшее зло тому, кто перед ним оклеветан» [Платон, 1990. С. 99]. На это Сократ отвечает, что большинство не способно причинить ни благо, ни зло (в силу того, что оно не может сделать человека

ни разумным, ни неразумным), оно лишь «делает что попало». Таким образом, мнение большинства здесь понимается как неразборчивая слава или пустопорожная молва, заботиться о которой человек приличный не должен. Поэтому прямое терминологическое перенесение в нашей статье применять не следует.

В поисках аналога понятия «общественное мнение» в древнегреческом обществе, нам прежде всего надо ограничить локацию до уровня одного полиса. В самом деле, бессмысленно вести речь об общественном мнении в Древней Греции в целом, поскольку средства коммуникации того времени не позволяли охватить всю Грецию и быстро продуцировать единое информационное поле. Однако если речь идет об отдельном полисе, то вопрос становится осмысленным. Как отмечает А. И. Зайцев, в силу ограниченной территории и относительно небольшого числа обитателей полиса его граждане в большинстве своем могли знать друг друга [2001. С. 162]. Если же речь идет о таком полисе, как Афины времен его расцвета, то ответ скорее положительный, чем отрицательный. Именно здесь мы находим места, в которых активно обсуждались актуальные социально-политические вопросы.

В Древней Греции зарождается особый тип существования – βίος πολιτικός. «Теперь каждый в определенной мере принадлежит двум порядкам, собственное (ἴδιον) и всеобщее (κοινόν) в жизни гражданина четко отделены друг от друга. Человек не только “идиот”, но и “полит”. Теперь наряду с профессиональной компетентностью ему нужна общая гражданская добродетель, πολιτική ἀρετή, делающая его способным к единодушному и сознательному сотрудничеству с другими в одном и том же жизненном пространстве полиса» [Йегер, 2001. С. 148]. Это вовлечение человека в общее, *койноническое* пространство не могло произойти без формирования специальных дискурсивных практик, в которых оформлялись отношения и суждения политического характера. Самым известным пространством, где происходили подобные процессы, было народное собрание (ἐκκλησία), в котором мог принимать участие любой гражданин, достигший 20-летнего возраста. Постановления народного собрания публиковались на агоре (писались краской на специальных выбеленных деревянных досках в рост человека – кирбах) [Блаватский, 1973. С. 80]. Другим общественным местом был пританей (πρυτανεῖον), где помещались должностные лица города – пританы. Еще стоит упомянуть булевтерий, где заседали члены городского совета, называемого буле (βουλή). Наконец, не следует забывать о гимназиях, где юноши не только занимались физическими упражнениями, но и вели дискуссии со сверстниками.

Таким образом, «центров» формирования общественного мнения в древнегреческих полисах было предостаточно, а относительно небольшая территория позволяла поддерживать коммуникацию без специальных средств информации. Давайте теперь зададимся вопросом, какую роль играл театр в становлении и корректировке этого общественного мнения? Прежде чем ответить на этот вопрос, поставим более общую проблему, как вообще греки относились к той идее, что искусство влияет на человека, его образ мыслей? Все говорит в пользу того, что эта идея не была чужда им. Поэзия и музыка по общему признанию того времени считались истинными наставниками человека. Начать следует с особого отношения к Гомеру и Гесиоду как учителям жизни. Поэтому только что появившаяся философия видела в поэзии главного соперника в борьбе за внимание слушателей и читателей, что итоге вынудило ее создавать новые литературные жанры, новый язык ². Ксенафан Колофонский, Гераклит Эфесский, Платон – все они порицали поэтов и призывали изгнать их из государства, только чтобы уменьшить колоссальное влияние поэтического логоса. Что касается музыки, то об этом достаточно сказано Платоном и Аристотелем. Платон считал музыку настолько же превосходным методом воспитания души, насколько гимнастика является таковым для тела. Воспитательная сила музыки кроется в том действии ³, которое она оказывает на душу слушателя, вызывая в ней либо покой (ионийский и лидийский лады), либо возбуждение (дорийский и фригийский лады). Эта связь музыки и душевного состояния слушателей, по мнению Платона, настолько глубока, что выходит далеко за рамки частных проявлений и распространяется на уровень социально-политический, поэтому «стили музыки не изменяются без больших [изменений] политических законов» ⁴ (*Resp.* 424c). Вслед за пифагорейцами, музыкальный строй рассматривается Платоном

² Подробнее см.: [Васильева, 2008. С. 28–33].

³ Это действие в свою очередь имеет место в силу того, что звук, а вместе с ним и гармония транслируются без значительных изменений от их источника к слушателю, тем самым как бы передавая ритм в душу человека. Ср. у Северина Боэция: «Консонанс, который управляет всей гармонией музыки, не может возникнуть без звучания, звучание же не производится без какого-либо толчка или удара, толчок же, а также удар, не могут осуществиться, если им не будет предшествовать движение. Ведь если бы существовала всеобщая неподвижность, то одно с другим не могло бы соединиться, потому что одно приводится в движение другим, а при общей статике и отсутствии движения не может возникнуть никакое звучание. Поэтому звук определяется [как] удар воздуха, не исчезающий вплоть до самого слушания» [2010. С. 321].

⁴ Пер. по: [Герцман, 2010. С. 450].

как прообраз или модель для душевного расположения: «...в этом главнейшее воспитательное значение мусического искусства: оно всего более проникает в глубь души и всего сильнее ее затрагивает; ритм и гармония несут с собой благообразие, а оно делает благообразным и человека, если кто правильно воспитан, если же нет, то наоборот» [Платон, 1994. С. 168]. Здесь и далее Платон обращает наше внимание на то, что музыка как воспитательный инструмент должна ложиться на уже благодатную почву, иначе она скорее навредит.

Схожих взглядов на роль музыки придерживался Аристотель. Как и его учитель, Аристотель обращает внимание на разнообразие музыкальных ладов и делает из этого вывод, что музыка используется для разных целей. «Ввиду того что мы принимаем то подразделение мелодии, какое установлено некоторыми философами, различающими мелодии этические, практические и энтузиастические и определяющими природу отдельных ладов, соответствующую каждому виду этих мелодий, мы утверждаем, что музыкой следует пользоваться не ради одной цели, а ради нескольких: и ради воспитания (παιδείας ἔνεκεν), и ради очищения (καθάρσεως) (что мы называем очищением – этого теперь мы объяснять не будем, а в сочинении “О поэтике” скажем об этом яснее); в-третьих, ради времяпрепровождения (πρὸς διαύωγην), т. е. ради успокоения и отдохновения от напряженной деятельности» [1983. С. 641–642]. Кроме того, отдельные инструменты имеют каждый собственную специфику и различное назначение: «...флейта – инструмент, не способный воздействовать на нравственные свойства, а способствующий оргиастическому возбуждению, почему и обращаться к ней надлежит в таких случаях, когда зрелище скорее оказывает на человека очистительное действие (κάθαρσιν), нежели способно его чему-либо научить (μάθησιν)» [Там же. С. 640].

Итак, из вышесказанного мы можем заключить, что для древнегреческих философов было очевидно, что искусство, а особенно поэзия и музыка способны оказывать на человека сильнейшее воздействие, изменяя его душевный склад. Можем ли мы то же самое сказать о театре? Вероятно, да. Театр, будучи в своей основе религиозным действием, не мог расцениваться древними греками исключительно как место отдыха. Дионисийские празднества, из которых произошел театр, сопровождалось шествием мужчин и женщин в козлиных шкурах, перевоплощающихся в богоодержимых «вакхов» и «вакханок». Поэтому изначально пространство театра предполагало трансформацию участников действия. Насколько это относилось к зрителям? Здесь следует отметить, что древнегреческая театральная публика была намного более чувствительной и отзывчивой, нежели современная.

Достаточно сказать, что многие постановки вызывали искренние слезы и неподдельный ужас. Например, по сообщению Геродота, «Фриних сочинил драму “Взятие Милета”, и когда он поставил ее на сцене, то все зрители залились слезами. Фриних же был присужден к уплате штрафа в 1 000 драхм за то, что напомнил о несчастьях близких людей. Кроме того, афиняне постановили, чтобы никто не смел возобновлять постановку этой драмы» [1972. С. 280]. Колоссальное воздействие театральных постановок несколько не удивительно, если учесть тот факт, что театр объединял в себе поэзию, пение, музыку и танец [Йегер, 2001. С. 295], суммируя потенциал каждого из них.

В то же время для нас важно не просто установить факт изменения душевного склада зрителей, но показать, что в итоге эти изменения формировали общественное мнение, т. е. суждения, касающиеся актуальных социально-политических вопросов. Чтобы показать это, нам прежде всего следует напомнить о том, что древнегреческая трагедия и тем более комедия, черпая сюжеты из мифов, осознают эти сюжеты «целиком из внутренних предпосылок настоящего момента» [Там же. С. 299]. Эсхил написал и поставил одну единственную трагедию по историческому сюжету – «Персов». В кульминационной части трагедии гонец рассказывает матери Ксеркса Атоссе о гибели персидского флота у Саламина. Причины успеха греков гонец объясняет просто: «У них есть люди. Это щит надежнейший» [Эсхил, 1978. С. 63]. Эта фраза и последующие описания подвигов эллинов, конечно, были призваны не только потешить самолюбие, но и сформировать гражданскую добродетель, заключающуюся в осознании того, что полис защищают не стены, а люди. В самом начале статьи мы уже упоминали о трилогии «Орестея», в которой Орест добивается своего оправдания через суд. До этого он обращается к Афине и та отказывается разрешить «нелегкое» дело, передает его в суд, выбрав из граждан достойнейших. Эсхил снимает груз ответственности с богов и перекладывает его на общественный институт, показывая зрителям, что вопросы справедливости находятся в их собственных руках.

Трагедия Софокла «Антигона» также была богатым источником рефлексии относительно вопросов социальной нормы, законности, гражданского и личного долга. Допустимо ли «закон нарушить и царя веленье»? Кто прав? Царь Креонт, который запретил хоронить брата Антигоны за его предательство? Или Антигона, нарушившая царский запрет, влекомая простой сестринской любовью? Вопросы социального плана умножаются в стократ у современника Софокла Еврипида. Его персонажи всерьез рассуждают на сцене об общественном

положении женщин, о природе брака, о мести и возмездии, о справедливости наказания и т. д. Вопросы эти должны были показать, что общепризнанные конвенции уже не действительны, а поле неочевидного все более и более расширяется⁵.

Таким образом, главные древнегреческие трагики обращались со сцены к зрителям по-разному, но неизменным мотивом их обращения было стремление проблематизировать основы общественного и государственного строя, но не в силу нигилистического отрицания и разрушения, а с целью воспитать новые гражданские добродетели и показать, что решение самых важных социально-политических вопросов зависит от каждого гражданина.

Список литературы

Аристотель. Политика / Пер. С. А. Жебелева // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–643.

Блаватский В. Д. Античная цивилизация. М.: Наука, 1973. 270 с.

Бозций С. О музыкальном установлении / Пер. Е. В. Герцмана // Герцман Е. В. Музыкальная бозциана. 2-е изд. СПб.: Невская Нота, 2010. С. 314–448.

Васильева Т. В. Поэтика античной философии. М.: Академ. проспект, Трикта, 2008. 735 с.

Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 599 с.

Герцман Е. В. Музыкальная бозциана. 2-е изд. СПб.: Невская Нота, 2010. 504 с.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. / Под ред. Л. Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 318 с.

Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подг. Э. Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013. 1072 с.

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека / Пер. А. И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. Т. 1. 593 с.

Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия / Пер. с фр. С. В. Кулланды. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 256 с.

Липпман У. Общественное мнение / Пер. Т. В. Барчуновой. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Пер. с нем. Л. Н. Рыбаковой. М.: Прогресс-Академия, 1996.

⁵ См.: [Санжеников, Дугарь, 2018].

Платон. Государство / Пер. А. Н. Егунова // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.

Платон. Критон / Пер. М. С. Соловьева // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 97–111.

Санжеников А. А., Дугарь К. И. Образ Елены в трагедиях Еврипида // *Nyrophikai*. 2018. Вып. 2. С. 86–95.

Тард Г. Общественное мнение и толпа / Пер. с фр.; под ред. П. С. Когана. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 208 с.

Эсхил. Трагедии / Пер. С. Апта. М.: Искусство, 1978. 367 с.

Материал поступил в редколлегию 12.03.2018

A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sanzhenakov@gmail.com

ON AN INFLUENCE OF THE ANCIENT THEATER ON PUBLIC OPINION

The paper is devoted to the problem of the appropriateness of using the notion «public opinion» in connection with the Greek society and possibility of the ancient theater to affect on the public opinion. After examination of the notion «public opinion», the author concludes that the structuring elements of public opinion are a common source of information and a common field of communication. In that sense public opinion do not correspond with the Greek notion «opinion of the many». At the same time, the ancient polis had enough public spaces for communication and did not need special media to create a common information field due to the limited territory, and therefore there were all conditions in the ancient polis for the formation of public opinion. The crucial role in this formation was played by the theater, which was a powerful means of influence, along with poetry and music, forcing audience to think about important social and political issues.

Keywords: ancient theater, public opinion, communication, education, Isocrates, Aeschylus, Sophocles, Euripides.

References

Aeschylus. *Tragedii [Tragedies]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. (In Russ.).

Aristotle. *Politika* [Politics]. *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, vol. 4, p. 375–643. (In Russ.).

Blavatskii V. D. *Antichnaya civilizatsiya* [The Ancient Civilization]. Moscow, Nauka, 1973. (In Russ.).

Boethius. *O muzykal'nom ustanovlenii* [The principles of music]. Gertsman E. V. *Muzykal'naya boetsiana* [Musical Boethian]. St. Petersburg, Nevskaya Nota Publ., 2010, p. 314–448. (In Russ.).

Coulet C. *SMI v Drevnej Grecii: sochineniya, rechi, razyskaniya, puteshestviya* [The Media in Ancient Greece: Essays, Speeches, Inquiries, Travels]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. (In Russ.).

Gertsman E. V. *Muzykal'naya boetsiana* [Musical Boethian]. St. Petersburg, Nevskaya Nota Publ., 2010. (In Russ.).

Herodotus. *Istoriya* [Histories]. Leningrad, Nauka, 1972. (In Russ.).

Isocrates. *Rechi. Pis'ma; Malye atticheskie oratory. Rechi* [Orations. Letters. Minor Attic Orators. Orations]. Moscow, Lodomir Publ., 2013. (In Russ.).

Jäger W. *Paideiya. Vospitanie antichnogo greka* [Paideiya: The Education of Greek]. Moscow, «Greko-latinskii kabinet» Yu. A. Shichalina Publ., 2001, vol. 1. (In Russ.).

Lippmann W. *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie» Publ., 2004. (In Russ.).

Noelle-Neumann E. *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1996. (In Russ.).

Plato. *Gosudarstvo* [Republic]. *Sobranie sochinenii: V 4 t.* [Selected Works: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3, p. 79–420. (In Russ.).

Plato. *Kriton* [Crito]. *Sobranie sochinenii: V 4 t.* [Selected Works: In 4 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1, p. 97–111. (In Russ.).

Sanzhenakov A. A., Dugar K. I. *Obraz Eleny v tragediyakh Evripida* [The Character of Helen in the Tragedies of Euripides]. *Hypothekai*, 2018, vol. 2, p. 86–95. (In Russ.).

Tarde G. *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* [L'Opinion et la Foule]. Moscow, LENAND Publ., 2015. (In Russ.).

Vasil'eva T. V. *Poetika antichnoi filosofii* [The Poetics of Ancient Philosophy]. Moscow, Akademicheskii prospekt and Triksa Publ., 2008. (In Russ.).

Zaitsev A. I. *Kul'turnyi perevorot v Drevnei Gretsii VIII–V vv. do n. e.* [Cultural Revolution in Ancient Greece in the 8th–5th Centuries B. C.]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2001. (In Russ.).

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-212-222

В. В. Бровкин

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

drakar@ngs.ru

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ МОНАРХИЙ

Установлено, что в эллинистической философии нашли выражение две тенденции: отчуждение индивида от общества и политическая активность. Влияние образования эллинистических монархий на развитие греческой философии проявилось в усилении первой тенденции и ослаблении второй. Самое значительное влияние на греческую философию оказала такая черта эллинистических автократий, как неограниченная власть монарха.

Ключевые слова: стоики, Эпикур, скептики, эллинистические монархии, политика, полис, тенденция к отчуждению индивида от общества.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о влиянии на развитие греческой философии такого исторического процесса, как образование эллинистических монархий. Сразу определимся с хронологическими рамками данного периода. К числу монархий, игравших важнейшую роль в эллинистическом мире, традиционно принято относить Птолемея Египет, державу Селевкидов и Македонию Антигонидов. Таким образом, верхней границей данного периода можно уверенно считать 277 г. до н. э., год утверждения в Македонии династии Антигонидов. К этому времени уже были образованы такие эллинистические государства, как царство Птолемея в Египте, держава Селевкидов в Азии, а также Пергамское и Понтийское царства в Малой Азии. Что касается нижней границы данного периода, то здесь ситуация не такая однозначная. Согласно распространенному мнению, обра-

зование эллинистических монархий берет свое начало в 323 г. до н. э., когда после смерти Александра Македонского его ближайшие сподвижники и полководцы – диадохи вступили в борьбу за его наследство. Но мы полагаем, что первым эллинистическим государством следует считать империю Александра Македонского. Именно оно явилось тем государством, которое стало ориентиром для всех последующих эллинистических царств. Идея объединения греческого мира и Азии впервые получила воплощение не после смерти Александра Македонского, а уже при его жизни, причем в наиболее полной мере. Исходя из этого мы полагаем, что нижней границей периода образования эллинистических монархий является 334 г. до н. э., год начала походов Александра Македонского в Азию и образования его империи.

Когда заходит речь о связи между образованием эллинистических монархий и развитием греческой философии, исследователи, как правило, акцентируют внимание на стоиках, эпикурейцах и скептиках. Принято считать, что именно в этих учениях в наиболее полной степени отразились те изменения, которые произошли в период формирования нового эллинистического мира. Прежде всего это касается такого фактора, как образование военно-бюрократических монархий. В упрощенном виде схема выглядит так: греки потеряли политическую свободу, полисы уступили место монархиям, связь между полисом и индивидуумом была разрушена, и, как следствие, главной целью в философии стало обретение индивидуального счастья независимо от внешних обстоятельств. Именно с этим, как принято считать, связаны такие черты эллинистической философии, как индивидуализм, космополитизм, аполитичность, подчинение теоретических построений практическим целям, возвышение этики над физикой и логикой, а также обретение душевного спокойствия и невозмутимости в качестве конечной цели жизни (см.: [Целлер, 1996. С. 39–41, 175; Коплстон, 2003. С. 150–151; Лосев, 2000. С. 8–12].

Данная концепция имеет как своих сторонников, так и противников. Какие аргументы приводятся в пользу этой точки зрения? Во-первых, указывается на такую общую для всех появившихся в начале эпохи эллинизма философских учений черту, как стремление к внутреннему покою и безмятежности. По мнению сторонников данной точки зрения, это не могло быть случайностью. Стоики, эпикурейцы и скептики расходились по многим вопросам, но при этом всех их объединяло стремление к обретению душевного спокойствия. Пути достижения этой цели были у всех разные, порой даже противоположные, но сама цель была у всех одинаковая. Из этого вытекало

и то, что во всех этих учениях теоретическая часть философии была строго подчинена практической цели, а именно достижению невозмутимости. Самостоятельной ценности теоретические построения у стоиков, эпикурейцев и скептиков не имели.

В качестве еще одного важного аргумента в пользу рассматриваемой нами точки зрения выступает образование эллинистических монархий и связанный с этим индивидуализм. В классический период Греции мироощущение индивидуума было неразрывно связано с полисом. Появление огромных многонациональных военно-бюрократических государств во главе с правителями, обладающими неограниченной властью, разрушило эту связь и индивидуум лишился прежней опоры. Связывать счастье с полисом индивидуум уже не мог, поэтому он сосредоточился на обретении счастья в самом себе, независимо от внешних обстоятельств.

С данной точкой зрения на развитие эллинистической философии решительно не согласен Пьер Адо. По его мнению, с переходом от полисного устройства к монархическому и утратой греками политической свободы направленность философской деятельности не претерпела существенных изменений (см.: [1999. С. 105–106]). Представление о том, что «философы эпохи эллинизма, не имея возможности заниматься делами государственного управления, развили индивидуалистическую мораль, обратившись к внутреннему миру человека» [Там же. С. 106], согласно Адо, является слишком упрощенным и ограниченным. Как полагает Адо, в действительности, отношение к социальной реальности и роли философии в жизни у представителей эллинистической философии было таким же, как у Платона и Аристотеля. Всех античных философов объединяла идея «философской жизни как средства избавления от того зла, которое несет в себе государство» [Там же]. Такую мировоззренческую позицию едва ли могли поколебать те изменения, которые были связаны с образованием эллинистических монархий. С другой стороны, как отмечает Адо, у эллинистических философов сохраняется интерес к политике. Особую активность в этом плане проявляли стоики. Но даже и отдельные эпикурейцы участвовали в политической жизни. На основании этого Адо делает вывод, что общественно-политическая трансформация в эпоху эллинизма никак не повлияла на стремление греческих философов изменить общество (см.: [Там же. С. 107–108]).

На наш взгляд, каждая из этих двух точек зрения имеет свои слабые стороны. Рассмотрим их. Начнем с представления о практической направленности и господстве индивидуалистической морали в греческой философии в эпоху эллинизма, которые были вызваны

потерей греками политической свободы и образованием военно-бюрократических монархий. Мало кто обращает внимание на тот факт, что практическая направленность и господство индивидуалистической морали проявились в греческой философии задолго до эпохи эллинизма. В первую очередь это касается таких малых сократических школ, как киники и киренаики. Образовавшиеся почти за сто лет до появления стоиков, эпикурейцев и скептиков, эти философские направления отстаивали такие идеи и принципы, как космополитизм, аполитичность, самодостаточность индивида, гедонизм, пренебрежительное отношение к законам и общественным нормам. Практическая направленность философии у киников и киренаиков проявилась гораздо сильнее, чем у стоиков, эпикурейцев и скептиков. Если у последних физика и логика были подчинены этике и практическим целям, то киники и киренаики, по сути, полностью отказались от этих разделов философии, сосредоточившись исключительно на морали и этике.

Еще одним философом V–IV вв. до н. э., в учении которого можно обнаружить тенденцию к индивидуализму и космополитизму, является Демокрит. У этого философа имеются высказывания, которые характеризуют его как сторонника полисных ценностей, демократии и активной жизненной позиции. Но одновременно с этим Демокриту принадлежат высказывания и совершенно иного рода. Например, слова о том, что «для мудреца открыта вся земля, ибо весь мир – родина для высокого духа» [Лурье, 1970. С. 372] и «мудрец не должен повиноваться законам, а жить свободно» [Там же. С. 371], звучат в совершенно стоическом духе. В ряде высказываний Демокрит также одобряет идею тихой и незаметной жизни и критикует семейные ценности (см.: [Там же. С. 371–373]). Здесь налицо совпадение взглядов с Эпикуром.

Говоря об индивидуалистической морали и тенденции к отчуждению в греческой философии классического периода, нельзя не упомянуть о софистах. Отдельные представители этого философского направления уже во второй половине V в. до н. э. высказали идеи, которые шли вразрез с полисными ценностями и общественными устоями. Это сомнение в существовании богов Протагора (см.: [Нерсисянц, 1979. С. 96–97]); представление Горгия о непостижимости добродетели; идеал Гиппия о полной автаркии индивида; представление Продика о религии как результате обоготворения людьми всего, что полезно для жизни; противопоставление природы (естественного права) законам (несправедливым искусственным установлениям), а также представление о равенстве всех людей по природе у Гиппия

и Антифонта; отрицание нравственных основ политики у Фрасимаха и Пола Агригентского; представление Крития о законах, морали и религии как человеческом изобретении, которое полезно для управления толпой [Нерсисянц, 1979. С. 103, 110–116, 118].

Как мы видим, тенденция к отчуждению индивида от общества в греческой философии отчетливо проявилась в конце V в. до н. э. – начале IV в. до н. э. Можно сказать, что образование эллинистических монархий и смена исторических эпох в этом плане не оказали того решающего воздействия на развитие греческой философии, которое зачастую приписывают этим процессам. Тенденцию к крайнему индивидуализму, космополитизму, аполитичности, преобладанию морально-этической проблематики эллинистическая философия унаследовала от различных философских школ и направлений классического периода.

Рассмотрим второе слабое место в теории о том, что формирование греческой философии в эпоху эллинизма было обусловлено исключительно потерей греками политической свободы и образованием эллинистических монархий. Если обратиться к истории Греции в период раннего эллинизма, то обнаружится одна «деталь», которая нарушает всю стройность данной теории. Дело в том, что с образованием империи Александра Македонского и монархий диадохов политическая жизнь в греческих полисах не затухает. Полисная система, вопреки расхожему мнению, не исчезает. Даже в разгар распрей между диадохами за наследство Александра Македонского греческие полисы продолжают сохранять определенную степень автономии ¹. А некоторые из них (в частности, Афины, Спарта) и вовсе пытаются, правда зачастую неудачно, восстановить свою политическую независимость в прежнем объеме ². Уже во второй половине III в. до н. э. отдельные греческие полисы и федерации (Спарта, Ахейский и Этолийский союзы) добьются политической независимости, которая позволит им участвовать в традиционной для Греции борьбе за ге-

¹ В период образования эллинистических монархий политической самостоятельностью обладали Родос и Этолийский союз. Родос был могущественным полисом, процветавшим от торговли, который смог в 305–304 гг. до н. э. выдержать беспрецедентную осаду огромной армии Деметрия Полиоркета. Этолийский союз в это время, несмотря на все попытки македонцев, смог не только отстоять свою независимость, но и усилиться в военно-политическом плане.

² В ходе Ламийской войны (323–322 гг. до н. э.) греки потерпели поражение, и гегемония Македонии над значительной частью греческих полисов сохранилась. Попытка освободиться от македонской гегемонии, предпринятая греками в ходе Хремонидовой войны (267–261 гг. до н. э.), также закончилась неудачей.

гемонию. И, что важно, ведущие эллинистические монархии будут с этими полисами считаться.

Теперь обратимся к представлению, согласно которому образование эллинистических царств не оказало значительного влияния на развитие греческой философии. Слабым местом этой точки зрения, на наш взгляд, является игнорирование того факта, что все философские учения, появившиеся в период раннего эллинизма, преследовали в качестве конечной цели жизни невозмутимость и душевное спокойствие. Ранее мы уже отметили, что тенденцию к отчуждению индивида от общества нельзя считать исключительной особенностью эллинистической философии. Все это уже было в греческой философии задолго до стоиков, эпикурейцев и скептиков. Тем не менее эпоха, порожденная завоеваниями Александра Македонского, все же наложила свой отпечаток на греческую философию. Стоиков, эпикурейцев и скептиков объединяла одна черта, которая принципиально отличала их от всех предшествующих философских учений. Этой чертой как раз и было подчинение всего учения цели обретения невозмутимости. Закрывать глаза на данную особенность или не придавать ей большого значения мы считаем ошибочным.

Итак, как мы показали, существующие точки зрения по поводу вопроса о влиянии эллинистических монархий на развитие греческой философии носят слишком схематичный и отвлеченный характер. Как нам кажется, сторонники этих представлений не в полной мере учитывают всю сложность политического развития и все многообразие греческой философии в период раннего эллинизма ³. Мы полагаем, что главная особенность политического развития Греции в данный период заключается в сосуществовании двух политических систем. Это именно тот ключевой момент, который не получил должного освещения в историко-философских исследованиях. Речь идет о сосуществовании традиционной полисной системы и эллинистических монархий ⁴.

³ В период образования эллинистических автократий (334–277 гг. до н. э.) греческие философы представляли собой очень пестрое сообщество, состоящее из платоников, перипатетиков, киников, киренаиков, мегариков, зретрийцев, демокритовцев, эпикурейцев, стоиков и скептиков. Пожалуй, не будет преувеличением, если мы скажем, что ни до ни после этого короткого периода в античной философии не было такого разнообразия в плане учений и школ.

⁴ Проблема взаимоотношения полиса и монархии в эпоху эллинизма, в частности, рассматривается в работах В. Тарна «Эллинистическая цивилизация» [1949. С. 63–по 88], Э. Бикермана «Государство Селевкидов» [1985. С. 131–135] и Г. А. Кошеленко «Греческий полис на эллинистическом Востоке» [1979. С. 222–249].

Вопросу о влиянии полисной системы на развитие греческой философии в период раннего эллинизма мы уделили внимание в ряде предыдущих статей [Бровкин, 2013; 2015; 2017]. Теперь мы сосредоточимся на существенных аспектах политического устройства эллинистических монархий и их влиянии на греческую философию. Основными чертами политического устройства государств, основанных диадохами, принято считать неограниченную власть монарха и его обожествление, постоянный бюрократический аппарат, царскую собственность на значительную часть земель, наличие профессиональной армии. Данные особенности, как уже давно было замечено, роднят эллинистические монархии с древневосточными деспотиями. Однако, на наш взгляд, далеко не все из этих особенностей оказали одинаковое влияние на развитие греческой философии. Чертой, оказавшей самое существенное влияние, мы считаем неограниченную власть монарха. Говоря об этом, мы имеем в виду принципиальное различие между политическим устройством полисов и эллинистических монархий. В полисах главное – это власть закона, а в эллинистических царствах – воля монарха. Очень точно об этом говорится у Элиаса Бикермана: «Чтобы выразить мысль, что миром правит *nomos* (“закон”), позитивный порядок вещей, греки говорили, повторяя стих Пиндара: “Закон – царь всего: и смертных и бессмертных”. Поэтому и о законах говорили, что они “в республике цари”. Но эллинистический правитель сам был воплощением “закона”. Политическая доктрина эпохи на разные лады повторяла основополагающую идею, что *basileus* (“царь”) – это “одушевленный закон”» [1985. С. 13].

Период образования эллинистических монархий был отмечен активным вмешательством диадоров в дела греческих полисов. Эллинистические правители ограничивали политическую самостоятельность полисов, размещали военные гарнизоны в греческих городах и устанавливали в них тиранические режимы, навязывали грекам свою волю, заставляя вступать в одни союзы и выходить из других. Такая политика монархий по отношению к полисам с переменным успехом будет продолжаться до начала II в. до н. э., когда Рим покончит с влиянием этих государств на Балканах. И это не могло пройти незаметно для тех, кто всегда очень чутко реагировал на все изменения общественно-политического характера – греческих философов.

Мы полагаем, что влияние образования эллинистических монархий на развитие греческой философии было тесно связано с таким феноменом, как степень вовлеченности индивида в политическую жизнь государства. В классический период греческой истории политическая жизнь граждан носила очень интенсивный и напряжен-

ный характер. Участие в выборах и голосовании, в государственном управлении, в суде и военных походах было для граждан полисов не только правом, но и обязанностью. Такая высокая степень вовлеченности в политическую жизнь порождала чувство ответственности за судьбу отечества и чувство патриотизма, ощущение неразрывной связи между гражданином и государством, политическую активность граждан. В условиях формирования новой исторической эпохи степень вовлеченности индивида в политическую жизнь государства снизилась. В период образования эллинистических царств рычаги управления политическими процессами оказались в руках диадохов, их ближайшего окружения и царских наместников на местах. На народных собраниях в большинстве греческих городов-государств уже мало что решалось.

Такое положение дел и привело, на наш взгляд к тому, что в философских учениях, появившихся на рубеже IV–III вв. до н. э., главный акцент был сделан на идее достижения внутреннего покоя независимо от внешних обстоятельств. Связывать счастье с благополучием сограждан, с полисом, в условиях сильной зависимости этого полиса от воли монарха, основателям Стои, эпикуреизма и скептицизма, видимо, представлялось делом ненадежным. Счастливая жизнь нуждалась в прочном фундаменте. А зависимость греческих городов-государств от воли эллинистических правителей не позволяла Эпикуру, Зенону Китийскому и Пиррону рассматривать полис в качестве этого основания. В результате упор во всех трех учениях был сделан на стремлении к обретению внутреннего покоя с помощью правильного взгляда на мир и самодостаточного образа жизни.

На основании всего вышеизложенного мы приходим к следующим выводам. Мы согласны с представлением о социально-исторической обусловленности эллинистической философии. Прежде всего здесь имеются в виду такие факторы, как образование военно-бюрократических монархий или автократий и военно-политическое ослабление греческих полисов. Но мы не согласны с мнением о том, что это влияние привело к кардинальному изменению общей направленности эллинистической философии. В этом и других наших исследованиях было показано, что тенденция к отчуждению индивида от общества является не сущностной характеристикой эллинистической философии, а лишь усилением одной из двух тенденций, которые уже давно существовали в греческой философии. Речь идет о тенденции к отчуждению индивида от общества и тенденции к политической активности. В греческой философии классического периода также присутствовали обе эти тенденции. Но доминирующей, полагаем, была

вторая. Мы это связываем с влиянием полисных ценностей, которые в это время, в условиях устойчивости полисной системы, господствовали в греческом обществе. В эллинистической философии, под влиянием социально-исторической трансформации, главным элементом которой было образование эллинистических монархий, ситуация изменилась. На первый план вышла тенденция к отчуждению индивида от общества. Но при этом важно отметить, что тенденция к политической активности, несмотря на ослабление, также сохранилась. Мы это связываем с сохранением в эпоху эллинизма полисной системы. Но о том, что собой представляла эта тенденция в эллинистических философских учениях, можно узнать из наших предыдущих публикаций.

Список литературы

Адо П. Что такое античная философия?: Пер. с фр. М.: Изд-во гуманитар. лит., 1999.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985.

Бровкин В. В. Древнегреческий полис и раннеэллинистическая философия // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 4. С. 118–125.

Бровкин В. В. Феномен интеллектуального отчуждения и ориентация на практическую деятельность в эллинистической философии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 116–123.

Бровкин В. В. Аристотель о перспективах политического развития Греции // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 4. С. 196–207.

Коплстон Ф. История философии. Древняя Греция и Древний Рим. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. Т. 2.

Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Изд-во «АСТ», 2000.

Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970.

Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979.

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М.: Изд-во иностр. лит., 1949.

Целлер Э. Очерк истории греческой философии: Пер. с нем. СПб.: Алетейя, 1996.

Материал поступил в редколлегию 05.02.2018

V. V. Brovkin

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

drakar@ngs.ru

GREEK PHILOSOPHY AND THE FORMATION OF THE HELLENISTIC MONARCHIES

It is established that in Hellenistic philosophy found expression of two trends: the alienation of the individual from society and political activity. The impact of the formation of the Hellenistic monarchies in the development of Greek philosophy manifested in the increase in the first trends and the weakening of the second. The most significant influence on Greek philosophy has had such a feature of the Hellenistic autocracies as the unlimited power of the monarch.

Keywords: Stoics, Epicurus, skeptics, Hellenistic monarchies, politics, policy, tendency to alienate the individual from society.

References

Ado P. *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [Qu'est-ce que la philosophie antique]. Moscow, Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 1999. (In Russ.)

Bikerman E. *Gosudarstvo Selevkidov* [Institutions des Seleucides]. Moscow, Nauka, 1985. (In Russ.)

Brovkin V. V. Aristotel' o perspektivakh politicheskogo razvitiya Gretsii [Aristotle on the prospects of political development of Greece]. *The Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 196–207. (In Russ.)

Brovkin V. V. Drevnegrecheskii polis i ranneellinisticheskaya filosofia [Ancient Greek Polis and early Hellenistic philosophy]. *Vestnik of Novosibirsk State University, Serie Philosophy*. 2013, vol. 11, no. 4. p. 118–125. (In Russ.)

Brovkin V. V. Fenomen intellektual'nogo otchuzhdeniya i orientaziya na prakticheskuyu deyatel'nost' v ellinisticheskoi filosofii [The phenomenon of intellectual alienation and orientation to practical activity in Hellenistic philosophy]. *The Siberian Journal of Philosophy*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 116–123. (In Russ.)

Copleston F. *Istoriya filosofii. Drevnyaya Gretsia i Drevnii Rim* [A History of Philosophy. Greece and Rome.]. Moscow, ZAO «Tsentrpoligraf», 2003, vol. 2. (In Russ.)

Koshelenko G. A. *Grecheskii polis na ellinisticheskom Vostoke* [*The Greek Polis in the Hellenistic East*]. Moscow, Nauka, 1979. (In Russ.)

Losev A. F. *Istoriya antichnoi estetiki. Rannii ellinizm* [*The History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism*]. Moscow, «AST» Publ., 2000. (In Russ.)

Lurie S. Ya. *Demokrit. Teksty. Perevod. Issledovaniya* [*Democritus. Texts. Translation. Researches*]. Leningrad, Nauka, 1970. (In Russ.)

Nersesyants V. S. *Politicheskie ucheniya Drevnei Gretsii* [*Political Teachings of Ancient Greece*]. Moscow, Nauka, 1979. (In Russ.)

Tarn W. W. *Ellinisticheskaya Tsivilizatsiya* [*Hellenistic Civilisation*]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1949.

Zeller E. *Ocherk istorii grecheskoi filosofii* [*Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1996. (In Russ.)

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-223-230

В. В. Попов

ул. Лукьянова, 1, Междуреченск, 652888, Россия

popov-v-nsu@yandex.ru

О ТРЕХЧАСТНОЙ АНГЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ В «РЕЧИ О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА» ДЖОВАННИ ПИКО *

Построена сеть идей учения об ангельской жизни в «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико. Концептуально обобщены терминологически различающиеся места «Речи», касающиеся этого учения. Прояснена роль созерцательной способности, составляющей существенное содержание жизни ангелов-херувимов. Созерцание – это духовная познавательная способность, через которую возможно познание как всей природы, так и бога. Кроме того, именно через нее становится доступна жизнь в любви к богу (жизнь серафимов) и жизнь в деятельном осуществлении высшей справедливости (жизнь тронов). Таким образом, через созерцание открывается возможность трехчастной ангельской жизни. Последнее и составляет наилучшую для человека осуществленность своих внутренних жизненных потенций.

Ключевые слова: итальянское Возрождение, Джованни Пико делла Мирандола, «Речь о достоинстве человека», виды ангельских существ, созерцательная жизнь, сеть идей.

В «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико делла Мирандола выдвинут тезис о том, что человеку дана свобода стать любым из существ, которые были созданы богом. Согласно этому тезису человек может стать как растением или животным, так и ангелом. При этом имеется в виду, конечно же, не внешнее преобразование плоти, а преобразование внутреннее, с которым и связывается важное различие между всеми существами. Об этом тезисе Джованни Пико мы подробнее говорили в одной из наших прежних публикаций (см.:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-50154а(ф) «Концептуальное единство “Речи о достоинстве человека” Джованни Пико делла Мирандола»).

[Попов, 2013]). Теперь же более внимательно обратимся к учению об ангельской жизни.

Чем же обусловлен интерес именно к этой части философии Джованни Пико? В свете тезиса о свободе человека, идея наилучшего его духовного облика становится одной из важнейших. В следующих выражениях эта идея представлена в «Речи»: «Пусть наполнит душу святое стремление, чтобы мы, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего, [...]. Отвергая земное, пренебрегая небесным и, наконец, оставив позади все, что есть в мире, поспешим в находящуюся над миром курию, самую близкую к высочайшей божественности» [Пико, 1981. С. 250]¹; «...чтобы на крыльях бежать из этого мира, вместилища дьявола, и достигнуть быстро небесного Иерусалима!» (с. 254). Идея же наилучшего духовного облика человека напрямую связывается философом с ангельской жизнью. Джованни Пико указывает, конечно, на то, что для человека открыта возможность растительной и животной жизни, но в плане практической реализации эти способы существования его мало интересуют. Гораздо большее значение для него имеет возможность стать существом высшим, наиболее близким к богу. Ниже мы детально разберем содержание учения об ангельской жизни, в том виде, в котором оно представлено в «Речи о достоинстве человека». Именно через конкретизацию представлений об ангельской жизни мы и увидим представления философа о наиболее предпочтительном духовном облике человека. Кроме этого, отобразим результаты концептуального анализа в построении сети кластер идей учения Джованни Пико об ангельской жизни. Принципы и приемы построения такого рода сети идей были сформулированы в нашей прошлой публикации (см.: [Попов, 2017]).

В исследовательской литературе вопрос об ангельской жизни рассмотрен недостаточно подробно. Исследователи чаще всего ограничиваются упоминанием того, что такая жизнь доступна и желательна для человека. Однако само содержание учения об ангельской жизни в философии Джованни Пико обходится стороной. Это, на наш взгляд, имеет конкретную причину. Рассуждения об ангельской жизни воспринимаются как часть обширной христианской мифологии. И это вполне справедливо. Заниматься подобного рода рассуждениями и их изучением должна скорее теология, чем философская наука. Однако для Пико ангельская жизнь интересна именно в том отношении, в котором она доступна и человеку. Поэтому мы счита-

¹ Далее ссылки на эту работу приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

ем нежелательным упускать из поля внимания эту часть философии Джованни Пико. Пусть ее рассмотрение и связано со значительными трудностями в понимании зачастую символического языка христианской мифологии.

Надо начать с того, что ангельские существа далеко не однообразны по внутреннему содержанию их способа существования. Высшие существа, высшие духи, божественные существа, ангелы, сыны бога – вот обобщающие наименования тех существ, чей духовный облик Пико считает наиболее желанным человеческим уделом. И прежде чем философ переходит к разговору о различных видах высших существ, он дает им и некоторые обобщающие характеристики. Приведем ряд мест: «В рождающихся людей отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. Возделает [...] интеллектуальные, – станет ангелом и сыном бога» (с. 249); «...ангела создает не отделение его от тела, но духовный разум» (с. 250); «Если же видишь чистого созерцателя, не ведающего плоти и погруженного в недра ума, то это не земное и не небесное существо. Это – более возвышенное, божественное, облаченное в человеческую плоть» (с. 250). Мы видим, что не отсутствие плоти есть признак ангельского существа, а некоторый способ духовной жизни. Этот способ связывается с интеллектом или духовным разумом, созерцанием и погруженностью в недра ума. Сразу оговоримся, что этот способ существования не есть способ существования философа. Последний он четко отграничивает от ангельского существования и приписывает ему иные признаки.

К большей детализации содержания ангельской жизни Джованни Пико переходит, рассматривая отдельные виды ангельских существ. Наиболее близкими к богу философ признает три рода ангельских существ: «Там, как рассказывают мистерии, первые места занимают серафим, херувим и трон» (с. 250). Именно эти существа интересуют Пико. Он пишет о трех различных способах существования этих ангелов: «Серафим горит в огне любви, херувим блистает великолепием разума, трон хранит твердость судьи» (с. 250–251). Что же будет означать каждый из этих способов существования для собственно человеческой жизни? На этот вопрос Пико дает нам следующий ответ: «...если, предавшись деятельной жизни, мы примем на себя справедливую заботу о низших, то укрепимся стойкой твердостью трона. Если, освободившись от дел, предадимся созерцанию на досуге, постигая творца в работе и работу в творце, то засверкаем светом херувима. Если только загоримся истребляющим огнем любви

к творцу, то вспыхнем внезапно в образе серафима» (с. 251). Однако, когда Пико говорил об ангельской жизни доступной человеку, в общих выражениях он указывал на некоторую духовную интеллектуально-созерцательную жизнь, проходящую в погруженности в недра ума. Такое существование, согласно его же суждениям, свойственно лишь роду ангелов-херувимов. Но теперь мы видим, что философ не считает, что все содержание человеческой жизни должно быть ограничено лишь созерцанием божественного. Теперь он представляет созерцательность как одну из частей трехчастной ангельской жизни. При этом созерцательная природа раскрывается в человеке вне его деятельной жизни: «освободившись от дел, предадимся созерцанию на досуге». В своих же делах человек способен к воплощению жизни ангелов-тронов. А жизнь в любви к богу, свойственная ангелам-серафимам – это та жизнь, которая лишь может случиться с человеком, но, похоже, не организуется им самим через какое-либо подражание наивысшему роду ангелов: «если только загоримся истребляющим огнем любви к творцу, то вспыхнем внезапно в образе серафима». Только херувима Пико называет созерцателем и именно в нем видит первый и наиболее доступный для человека способ ангельского существования.

Джованни Пико задается справедливым вопросом: «каким образом кто-либо может рассуждать о неизвестном или любить неизвестное?» (с. 251). Он полагает, что через рассуждения о боге может стать доступна человеку жизнь тронов, а через любовь к нему – жизнь серафимов. Но о неизвестном невозможно рассуждать и уж тем более любить его. Неизвестность же может быть рассеяна только через созерцание. Приводя в пример Моисея, в котором соединилась трехчастность ангельской жизни, Пико пишет: «Моисей любил бога, которого видел, и устраивал как судья в народе то, что прежде увидел как созерцатель на горе» (с. 251). Итак, согласно философу, именно через созерцание открывается путь к жизни в любви к богу и жизни, осуществляющей в делах божественную справедливость: «находящийся посредине херувим своим светом готовит нас к серафическому огню и равным образом озаряет нас для суда трона. [...] это то, чему нам следует прежде всего подражать и что мы должны исследовать и понять, чтобы подняться к вершинам любви и спуститься хорошо обученными и готовыми к свершению дел» (с. 251).

Задав перспективу пути к обретению трехчастной ангельской жизни через созерцательную жизнь, Пико, отходя немного назад, ставит вопрос об обретении самой созерцательной жизни. Он пишет: «Но ведь если необходимо строить нашу жизнь по образцу херувимов,

нужно видеть, как они живут и что делают» (с. 251). Ссылаясь на апостола Павла и Дионисия Ареопагита, Пико следующим образом описывает жизнь и дела херувимов: «...они очищаются, затем наполняются светом и наконец достигают совершенств» (с. 251). Каким же образом Пико понимает это применительно к человеческой жизни? Здесь ангельская жизнь херувима тесно смыкается с жизнью философа. Однако это совсем не одно и то же. Философа Пико считает существом небесным, но не наднебесным (ангельским). Но именно через философию Пико видит возможность прийти к ангельскому созерцанию. Если только на пути философии будут пройдены те самые три этапа: очищение, наполнение светом и достижение совершенств. Именно последний этап такого философского пути и смыкается с созерцательностью херувимов, и в нем уже неясным становится отличие жизни философской и ангельской. Философия как бы поднимается до своей высшей формы – созерцания. Рассмотрение содержания философского восхождения к ангельской жизни херувимов требует отдельной и тщательной детализации и выходит за пределы поставленной нами задачи.

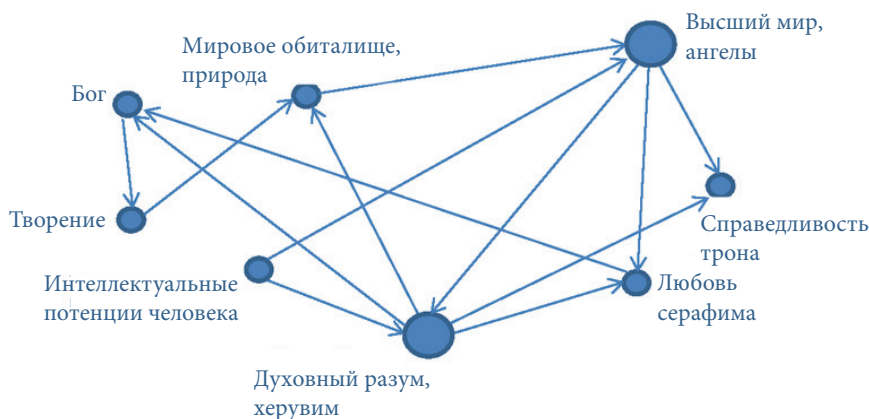
Говоря о созерцательной жизни херувимов, Джованни Пико вводит метафору лестницы, «которая тянется из глубины земли до вершины неба и разделена на множество ступенек», а «на вершине этой лестницы восседает господь» (с. 251). Согласно философу, «ангелы-созерцатели то поднимаются, то спускаются по ней» (с. 251). Через эту метафору Пико сообщает нам о том, что херувимы созерцают не только бога в его надмировом бытии, но и всю лестницу сущего. Под этой лестницей Пико подразумевает природу (с. 252). Однако природа для него не есть нечто видимое. Напротив, это скорее нечто скрытое от чувственного восприятия. Надо помнить, что ангельские существа – это существа бестелесные и, следовательно, не обладающие телесными органами восприятия. Выше мы уже обращали внимание на то, что ангельская жизнь в человеческом воплощении связывается с погруженностью в недра ума. Эту погруженность можно понимать как отстраненность от чувственного познания. Поэтому философом применительно к ангельской жизни используется и термин «духовный разум», т. е. разум, не связанный с познанием телесно-чувственным. Характеризуя созерцательное движение по лестнице природы, Пико использует выражение: «доискиваясь до сути всего» (с. 252). Иллюстрацией такого способа познания могут явно служить и некоторые рассуждения самого философа: «И действительно, не кора составляет существо растения, но неразумная и ничего не чувствующая природа, не кожа есть сущность упряжной лошади, но тупая и чув-

ственная душа, не кругообразное вещество составляет суть неба, а правильный разум; и ангела создает не отделение его от тела, но духовный разум» (с. 250). Мы видим в приведенном месте, как Пико противопоставляет возможные чувственные данные некоторой сути или природе. Последнее, по-видимому, и усматривается созерцанием, отбрасывающим чувственные восприятия.

Джованни Пико дает еще одну немаловажную характеристику ангельской жизни. Философ ставит вопрос: «...чего больше всего желает высший бог от миллионов ангелов, которые ему служат?» (с. 250). И следом дается короткий и однозначный ответ ««конечно, мира» (с. 250). Однако, что имеется в виду? Под этим миром Пико понимает некоторые неразрывные узы «согласной дружбы», благодаря которой «все души не только согласованно живут в едином разуме, который выше всех разумов, но некоторым образом сливаются в единое целое» (с. 253). Другими словами, жизнь ангелов есть жизнь в некоторой неразделенной целостности и единстве. Поэтому человеку становится доступна жизнь не только одного какого-то рода ангелов, но некая общая ангельская жизнь. И хотя эта жизнь обретается, согласно Пико, именно через подражание херувимам созерцателям, она объединяет в себе и жизнь ангелов-тронов и ангелов-серафимов. Путь к ангельской жизни через жизнь созерцателей-херувимов оказывается путем к своего рода трехчастной ангельской жизни.

Следует заметить, что при этом жизнь серафимов, т. е. жизнь в огне любви к богу, есть уже нечто единое с самим богом: «И когда поднимемся на самую высокую вершину, то, сопоставляя в вечности все, что было, есть и будет, и созерцая первородную красоту, мы станем прорицателями Феба, его крылатыми поклонниками, и тогда, как порывом возбужденные невыразимой любовью, подобно окружающим нас пылким серафимам, мы, полные божеством, станем тем, кто нас создал» (с. 254). Охваченность любовью к богу уподобляется здесь некоему порыву. Иными словами, единство с богом есть лишь нечто случающееся в ангельской жизни, но не постоянное. Ему, как и другим видам ангельской жизни, выделено свое место в единой жизни.

Теперь представим графическую схему кластера идей, связанных с учением об ангельской жизни (см. рисунок). Построение сети этого кластера идей уточняет построенную нами ранее сеть идей «Речи о достоинстве человека» (см.: [Попов, 2017]). В названиях идей данного кластера обобщены терминологически различающиеся места «Речи», касающиеся учения об ангельской жизни.

Кластер идей учения Джованни Пико об ангельской жизни

В предложенной сети идей явственно видна роль идеи духовного разума (созерцательной способности). Духовный разум составляет существенное содержание жизни ангелов-херувимов. Он заключен в человеке в качестве его внутренних интеллектуальных потенций. Эта созерцательная способность есть не только особая познавательная способность, через которую может быть осуществлено познание как всей природы, так и бога. Через нее открывается возможность к жизни в любви к богу (жизнь серафимов) и жизни в деятельном осуществлении высшей справедливости (жизнь тронов). На рисунке роль созерцательной способности видна через исходящие, от идеи духовного разума к другим идеям данного кластера идей, стрелки. Также выше было показано, что жизнь трех родов ангелов представлена в «Речи» как нечто нераздельное. Эта нераздельность ангельской жизни представлена на рисунке идеей высшего мира ангелов (см. стрелки). И через созерцательную жизнь человек, согласно Пико, может достичь трехчастной ангельской жизни.

Список литературы

Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: В 2 т. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 248–265.

Попов В. В. Сеть идей «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико // Сиб. филос. журн. 2017. Т. 15, № 2. С. 196–204.

Попов В. В. Самоформирование человека в философии Джованни Пико делла Мирандола // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 133–137.

Материал поступил в редколлегию 12.02.2018

V. V. Popov

1 Luk'yanov Str., Mezhdurechensk, 652888, Russian Federation

popov-v-nsu@yandex.ru

ABOUT THE THREE-PART ANGEL LIFE IN GIOVANNI PICO DELLA MIRANDOLA'S «ORATION ON THE DIGNITY OF MAN»

The article contains a network of ideas of the doctrine of angelic life in the «Oration on the Dignity of Man» by Giovanni Pico. Conceptually generalized are the terminologically different places of «Oration» concerning this topic of the teaching. The role of the contemplative ability, which is the essential content of the life of the cherubic angels, is clarified. Contemplation is a spiritual cognitive ability, through which it is possible to know both nature and god. In addition, through it the opportunity to live in love for god (the life of the seraphim) and life in the active realization of the highest justice (life of the thrones) is opened through it. Thus, through it the possibility of a three-part angelic life is revealed. The latter is the best for the human to realize his inner life potencies.

Keywords: Italian Renaissance, Giovanni Pico della Mirandola, «Oration on the Dignity of Man», types of angelic beings, contemplative life, network of ideas.

References

Pico della Mirandola Dzh. Rech' o dostoinstve cheloveka [Oration on the Dignity of Man]. *Estetika Renessansa* [The Aesthetics of the Renaissance]: In 2 vols. Moscow, Iskusstvo Publ., 1981, vol. 1, p. 248–265. (In Russ.)

Popov V. V. Set' idei «Rechi o dostoinstve cheloveka» Dzhovanni Piko [Network of ideas of Giovanni Pico's «Oration on the Dignity of Man»]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 196–204. (In Russ.)

Popov V. V. Samoformirovanie cheloveka v filosofii Dzhovanni Piko della Mirandola [Selfformation of the Person in the Philosophy of Giovanni Pico della Mirandola]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 2, p. 133–137. (In Russ.)

УДК 141.12 + 165.12

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-231-237

М. И. Щеглова

*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, Оренбург, 460018, Россия*

mashylena@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ПРОБЛЕМ КВАЛИТАТИВНОСТИ В РАБОТАХ Э. ШРЁДИНГЕРА

Рассматривается исследование Э. Шрёдингером соотношения сознания и восприятия. Несмотря на то, что Э. Шрёдингер в своих философских изысканиях не использовал термин «квалиа», часть его работ посвящена исследованию специфики качественности восприятия. Разделяя механический процесс восприятия, который поддается описанию в физическом дискурсе, и то, как переживается результат этого процесса, он приближается к формулировке «трудного вопроса сознания» – «почему процессы не идут в темноте?».

Ключевые слова: квалиа, философия сознания, субъективный опыт, восприятие.

На сегодняшний день под качественностью понимается субъективный, нетранслируемый опыт чувственного «переживания» какого-либо явления. Дословный же перевод – «свойство» или «качество». Исследование вопросов о сущности и существовании качественности возникло еще до того, как был введен в философский дискурс сам термин «квалиа». И хотя годом «рождения» термина принято считать 1929 г., когда его впервые использовал философ К. И. Льюис для описания восприятия нами свойств вещей, тем не менее, еще такие античные атомисты, как Левкипп и Демокрит, задавались вопросами об источниках наших переживаний и, как следствие, об их реальности. Примечательно, что лауреат Нобелевской премии по физике Э. Шрёдингер в своих работах указывал на глубину мысли греческих мыслителей по данному вопросу. Как правило, имя Шрёдингера связывают с исследованиями в области физики, оставляя без внимания его философские работы, в частности такие, как «Мой взгляд на мир» [2009а], «Разум и материя» [2000].

Цель нашего исследования – поиск и обособление содержательно близких понятию квалитативности идей из философских работ Шрёдингера. Для достижения этой цели были сформулированы следующие задачи.

1. Рассмотреть предпосылки, сформировавшие философские воззрения Шрёдингера по проблеме качественного содержания сознания.

2. Вычленить наиболее общее представление Шрёдингера о явлении сознания.

3. Проанализировать рассуждения Шрёдингера о сущности и роли качественного восприятия.

Несмотря на то, что имя Шрёдингера прочно ассоциируется с квантовой физикой, ученый всегда тяготел к философским изысканиям, так как наука начала XX в. не могла дать ответов на все вопросы ученого. В 1944 г. Шрёдингер публикует междисциплинарное исследование «Что такое жизнь с точки зрения физики?» [20096]. Мало того, с 1948 г. на базе Лондонского университета он прочел для студентов и всех желающих курс лекций по греческой философии, что объясняет количество отсылок к античным мыслителям в работах автора.

Напомним, что к середине XX в., моменту написания Шрёдингером работ «Мой взгляд на мир», «Разум и материя», в гносеологии были предприняты попытки объяснения специфики субъективного опыта, его связи с материальным миром, его соотношения с метафизическими конструкциями. В науке это было детерминировано сдвигом в квантовой механике, когда подверглись сомнению классические представления об объективности и объективном описания исследуемой реальности.

Сам Э. Шрёдингер писал о влиянии на него работ Д. Юма, И. Канта, Э. Маха, чьи идеи были распространены в интеллектуальных кругах в начале XX в. Открытие волны и феномена корпускулярно-волнового дуализма актуализировали на рубеже XIX–XX вв. идеи И. Канта. Под сомнение был поставлен сам факт реального существования материального мира. Так, Э. Мах, сформулировавший основные онтологические положения эмпириокритицизма (махизма), предлагал элиминировать понятие «материя» как таковое, оставив реальное бытие за чистыми ощущениями. Его единомышленник Р. Авенариус разработал принцип экономии мышления [1913]. Он может быть интерпретирован в двух значениях: поведенческом и методологическом. Поведенческий смысл этого сводится к тому, что для экономии сознательной деятельности мышления, действия, многократно повторяемые, доводятся до автоматизма и формируют бессознательное.

Эмпирически эти рассуждения подтверждались теорией Р. Земона о генетической памяти. Предполагалось, что биологические системы на генетическом уровне способны наследовать единицы памяти о доведенных до автоматизма умениях предков. И хотя на сегодняшний день в когнитивных науках данная теория считается ложной, вплоть до второй половины XX в. эти исследования оказывали большое влияние на мыслителей, в частности, и на Шрёдингера.

Принцип «экономии мышления» заключается в том, что в целях этой экономии не следует тратить силы и на теоретические объяснения, достаточно лишь эмпирического описания изучаемых явлений. Позже этот тезис был экстраполирован на цели и установки физики. Э. Шрёдингер кратко излагает эту экстраполяцию: «[цель физики]... как можно более полное и возможно более экономное описание фактов». Однако эта методологическая экономия не вызывает оптимизма у физика, так как, по его словам, «вопрос о том, в какой манере мы возместим убытки, связанные с упразднением метафизики, встает гораздо серьезнее и оказывается гораздо более сложным...» [2000. С. 58]. Этот вопрос возникает в связи с тем, что, отвечая на вопрос «как?», мы абстрагируемся от ответа на вопрос «почему?». Мы можем экономно описать в терминах физики то, как происходит процесс цветовосприятия, но уходим от вопроса, почему мы видим именно красный цвет.

Субъект-объектные отношения в традиционной форме выражаются независимостью материального мира от нашего сознания и непосредственно содержания последнего. «Какие материальные процессы напрямую связаны с сознанием?», – так ставит проблему Э. Шрёдингер в работе «Разум и материя». Шрёдингер, метафорично трактуя сознание, пишет: «...сознание – это преподаватель, руководящий обучением живой субстанции и оставляющий своего ученика наедине со всеми задачами, для решения которых тот достаточно подготовлен» [Там же. С. 74]. Внимание акцентируется на том, что сознание функционирует только в условиях новых ситуаций, требующих принятия нестандартного решения. Когда мы имеем дело с повторяющимися действиями, доведенными до автоматизма, то сознание «оставляет» нас, а само поведение детерминировано бессознательным. Эта идея не нова. Распространенный в первой половине XX в. взгляд бихевиоризма на природу сознания трактовал его как эволюционный способ приспособления к действительности, как оптимальный механизм поведения. Но Э. Шрёдингер не был последовательным в принятии этого взгляда, указывая, что некоторые виды растений также облада-

ют способностью нетривиально реагировать на вызовы окружающей среды, при этом не обладая сознательным опытом.

Предвосхищая так называемую «трудную проблему» сознания, метафорично обозначенную Д. Чалмерсом как вопрос «почему сознательные процессы не идут в темноте?» [Chalmers, 1995], физик писал: «...готовы ли мы поверить, что этот особенный поворот развития высших животных, поворот, который, в конце концов, мог и не произойти, был необходимым условием того, что мир осветился светом сознания?» [Шрёдингер, 2000. С. 102].

Мы можем интерпретировать эти слова об «освещении мира сознанием» как переход к вопросу феноменологического содержания сознания. В таком случае правомерно будет утверждать, что Э. Шрёдингер размышлял, случайно ли возникновение квалиа или существуют ли они в принципе. Соотнося возможность субъективного качественного опыта только со способностями живой природы, он критикует попытки некоторых философов (например, Спинозы) выражать сознание через атрибут материи как таковой. Примечательно, что упомянутый выше философ Д. Чалмерс, хоть и схож в своих мыслях по основному вопросу философии сознания с рассуждениями Э. Шрёдингера, отстаивает позиции натуралистического дуализма, полагая, что квалиа присущи и неживым, но организованным системам (например, «мыслящий термостат», так названный им самим).

Очевидно влияние онтологии и гносеологии И. Канта. Такая методологическая установка делает затруднительным вопрос об истинности любого акта восприятия, будь то цвет стола или вкус ягоды. Этот парадокс попытался разрешить Шрёдингер в пятой главе работы «Разум и материя» под названием «Загадки чувственных качеств». Обратим внимание на то, что уже тогда автор обращался к термину «качество» (букв. пер. «квалиа»), а не к психологическому «восприятие». В работе «Разум и материя» мы читаем следующее: «...с одной стороны, все наши знания об окружающем нас мире... обнаружены благодаря тщательно спланированным трудоемким экспериментам, всецело основанным на непосредственно чувственном восприятии; в то же время, с другой стороны, эти знания не раскрывают отношения чувственных восприятий и внешнего мира, поэтому в картине или модели внешнего мира, построенного на базе научных открытий, все чувственные качества отсутствуют» [2000. С. 132]. Шрёдингер раскрывает возникающее противоречие: чувства выступают источником знания, но в конечном результате познания сведения о чувственном опыте отсутствуют.

Чувственные данные совпадают с психологическим содержанием сознания, согласно классификации Д. Чалмерса, но его феноменальная составляющая так и остается загадкой. Неизвестно, были ли знаком с выводами Шрёдингера философ Ф. Джексон, но в 1982 г. в статье «Eiphenomenal Qualia» он сформулировал мысленный эксперимент «Комната Мэри» [Jackson, 1982]. Целью этого эксперимента было опровержение установки, что для объяснения всех ментальных актов достаточно физических терминов. Предположим, что ученая Мэри всю жизнь провела в комнате, где находились черно-белые предметы. Ей было доступно все знание о восприятии красного цвета: длины волн, образующих его, все красные предметы, нейронные процессы мозга, интерпретируемые как «красность». Но возникает вопрос: если Мэри увидит красное яблоко, получит ли она новое знание, в дополнение к имеющемуся фактологическому? Если мы утвердительно ответим на этот вопрос, то подтвердим предположение о наличии квалиа – субъективного опыта, не поддающегося трансляции в физических терминах. В таком случае, не имеет значение количество знаний о чувстве, Мэри не сможет понять, какое яблоко красное, если вместе с ним показать ей зеленое яблоко. Этот эксперимент, так широко освещаемый в философии сознания, еще раз доказывает, что выводы Шрёдингера имеют не только философский смысл в целом, но и относятся к этому разделу в частности.

Таким образом, проведенное аналитическое исследование философских работ Э. Шрёдингера позволяет нам говорить о том, что поставленная в начале цель достигнута. Мы смогли доказать, что Шрёдингер в своих исследованиях процесса восприятия реальности так или иначе затрагивает вопрос о квалитативности сознания.

Этот интерес был обусловлен влиянием на его научное мировоззрение таких философов, как Дж. Локк, Д. Юм, И. Кант, Э. Мах. Концепции, разработанные этими авторами, объединены направленностью на вопрос о субъективности опыта, его достоверности, истинности и познавательной возможности.

Излагая собственные представления о сознании, Шрёдингер отмечает, что описания сознания в терминах физики недостаточно для целостного представления о нем. Численные измерения позволяют нам выявить то, «как» мы воспринимаем, но не отвечают на вопрос, «что именно» мы переживаем в момент восприятия, какое его «качество». Концентрирование внимания на качественной стороне субъективности позволяет нам утверждать, что Шрёдингер предвосхитил современные представления о квалиа.

Его целью в исследовании качественности было разрешение гносеологических проблем. Стремясь доказать иллюзорность достоверности чувственного познания, он косвенно актуализировал вопрос о несводимости качественности познания к самому процессу восприятия, редуцируемого к терминам физики.

Список литературы

Авенариус Р. Философия, как мышление о мире, согласно принципу наименьшей меры силы. Прологомены к критике чистого опыта / Пер с нем. Р. А. Котляр. СПб.: Образование, 1913.

Шрёдингер Э. Разум и материя. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.

Шрёдингер Э. Мой взгляд на мир. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009а.

Шрёдингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? / Пер. с англ. А. А. Малиновского. М.: РИМИС, 2009б.

Chalmers D. Facing Up to the Problem of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. No. 2 (3). P. 200–219.

Jackson F. Epiphenomenal Qualia // *Philosophical Quarterly*. 1982. Vol. 32, No. 127. P. 127–136.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2018

M. I. Shcheglova

*Orenburg State University
13 Pobeda Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation*

mashylena@mail.ru

SUBSTANTIAL STUDY FIELD PROBLEMS IN THE WORKS QUALITATIVE E. SCHRÖDINGER

In article the research E. Schrödinger a question of consciousness and perception is considered. Despite the fact that E. Schrödinger in his philosophical investigations did not use the term «qualia», part of his work is devoted to the specifics of quality-perception. Sharing the mechanical process of perception, which is beyond description in a physical discourse, and how

experienced the result of this process, it is close to the wording of «the difficult question of consciousness» – «why processes do not go in the dark?».

Keywords: qualia, philosophy of mind, subjective experience, perception.

References

Avenarius R. *Filosofiya, kak myishlenie o mire, согласно принципу наименьшей меры силы. Prolegomenyi k kritike chistogo opyta* [Philosophy as Thinking of the World According to the Principle of the Smallest Measure of Force. Prolegomena to a Critique of Pure Experience]. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913. (In Russ.)

Chalmers D. Facing Up to the Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 1995, no. 2 (3), p. 200–219.

Jackson F. Epiphenomenal Qualia. *Philosophical Quarterly*, 1982, vol. 32, no. 127, p. 127–136.

Schrödinger E. *Chto takoe zhizn s tochki zreniya fiziki?* [What Is Life?]. Moscow, RIMIS Publ., 20096. (In Russ.)

Schrödinger E. *Moy vzglyad na mir* [My View of the World]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009a. (In Russ.)

Schrödinger E. *Razum i materiya* [Mind and Matter]. Izhevsk, NITs «Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika», 2000. (In Russ.)

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-238-245

К. Н. Евдокимова

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

namnamki@mail.ru

Ж.-П. САРТР О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ СВОБОДЫ И ОТЧУЖДЕНИЯ

Выявлены место и роль понятий свободы и отчуждения в творчестве французского философа Ж.-П. Сартра. Особое внимание уделено их соотношению. Обращено внимание на то, что в своих ранних работах Сартр не употреблял понятие отчуждения, но употреблял понятие свободы. О понятии отчуждения были лишь намеки, тогда как понятие свободы не только употреблялось, но и трансформировалось из труда в труд. Прослежены эволюция данных понятий и усложненный характер их трактовки Сартром. Показано, что у Ж.-П. Сартра понятия хотя и взаимоотрицают друг друга, но находятся в отношении взаимодополнения.

Ключевые слова: экзистенциализм, Сартр, свобода, отчуждение.

В философии Ж.-П. Сартра имеются два проблемных понятия, которые доставили много трудностей исследователям его творчества. Это понятия свободы и отчуждения. Они, на наш взгляд, являются ключевыми во всем творчестве Сартра. Вместе с тем, с одной стороны, у французского философа данные понятия претерпели определенную эволюцию. С другой стороны, сам Сартр иногда настолько видоизменяет ход своих мыслей, используя слова, которые только отдаленно передают содержание указанных понятий (скрывает некоторые стороны содержания этих понятий), что это значительно осложняет задачу оценки их роли в его творчестве, а также реконструкцию их содержания.

В период увлечения марксизмом (этап творчества, который начинается примерно с 1950 г.)¹ Ж.-П. Сартр уже существенно конкре-

¹ Данный этап также называют и поздним, и марксистским. Такая его оценка зависит от того, кому именно она принадлежит. См., например: Долгов К. М.

тизирует свою позицию, сосредоточив внимание непосредственно на понятии отчуждения (или, как часто говорят, – на феномене), что является предметом рассмотрения и раннего (молодого) К. Маркса, особенно в труде «Экономическо-философские рукописи 1844 года» (впервые опубликованы в 1932 г.) [Маркс, 2010. С. 303–359]. Еще задолго до увлечения марксизмом Сартр в своей известной работе «Бытие и ничто» (1943) фактически уже говорил о феномене отчуждения, но не используя это слово явно, а еще ранее затрагивал данную тему в романе «Тошнота» (1938). Это можно назвать своеобразной прелюдией последующих его усилий не по использованию термина, а по использованию и разработке того, что входит в содержание данного понятия.

Действительно в романе «Тошнота» мы читаем следующее: «И вот тут меня охватила Тошнота, я рухнул на стул, я даже не понимал, где я; вокруг меня медленно кружили все цвета радуги, к горлу подступила рвота. С тех пор Тошнота меня не отпускает, я в ее власти» [Сартр, 2014. С. 15]. Далее Сартр сообщает: «Так вот что такое Тошнота, значит, она и есть эта бьющая в глаза очевидность? А я-то ломал себе голову! И писал о ней неведь что! Теперь я знаю: я существую, мир существует, и я знаю, что мир существует. Вот и все. Но мне это безразлично. Странно, что все мне настолько безразлично, меня это пугает. А пошло это с того злополучного дня, когда я хотел бросить в воду гальку. Я уже собрался швырнуть камень, поглядел на него, и тут-то все и началось: я почувствовал, что он существует. После этого Тошнота повторилась еще несколько раз: время от времени предметы начинают существовать в твоей руке» [Там же. С. 70]. То, что описал Сартр, характеризует, на наш взгляд не что иное, как отчуждение. Ведь переживание того, что мир существует сам по себе и, соответственно, чужд человеку, имеющему фамилию Рокантен, вызывало у него неприятие этого своего переживания до такой степени, что характеризовалось ничем иным, как «тошнотой».

Если теперь обратиться к части третьей работы «Бытие и ничто», то можно заключить, что здесь эквивалент понятию отчуждения в поздних работах – концепт «бытия-для-других»: «Мы описывали человеческую реальность, исходя из отрицательных действий и *Cogito*. Мы открыли, следуя этой путеводной нити, что человеческая реальность есть-для-себя. Все ли это, чем она является? Не выхо-

От Киргекора до Камю. Философия. Эстетика. Культура. Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Канон+, 2011. С. 236–290; Киссель М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. М.: Лениздат, 1976; Кузнецов В. Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М.: Изд-во МГУ, 1969. 285 с.

дя за рамки рефлексивного описания, мы можем встретить способы сознания, которые, кажется, оставаясь в самих себе строго для-себя, указывают тип радикально отличной онтологической структуры. Эта онтологическая структура является *моей*; именно в *моем* субъекте я беспокоюсь, и, однако, это беспокойство “для-меня” открывает мне бытие, которое есть *мое* бытие, не являясь-для-меня» [Сартр, 2015. С. 361]. И далее Сартр пишет: «Исходя из этого присутствия по отношению ко мне другого-субъекта в моей объектности и через взятую на себя мою объектность мы можем понять объективацию Другого как второй момент моего отношения к Другому. В самом деле, присутствие Другого по ту сторону моей неоткрытой границы может служить мотивацией для моего нового постижения себя как свободной самости. В той степени, в какой я себя отрицаю в качестве Другого и в какой Другой обнаруживается вначале, он может обнаруживаться только как Другой, то есть как субъект по ту сторону моей границы, как то, что меня ограничивает. Действительно, ничто меня не может ограничить, за исключением Другого» [Там же. С. 453–454]. Сартр характеризует описанную им здесь ситуацию восприятия внешнего окружения как именно чуждого субъекту. И это дает основание квалифицировать и ее как проявление отчуждения. Таким образом можно сделать вывод, что в работе «Бытие и ничто» французского философа понятие «бытие-в-себе» содержательно напоминает гегелевскую концепцию отчуждения². Вместе с тем само это понятие «бытие-в-себе» содержит моменты, сближающие его с теми переживаниями Рокантена, которые Сартр описал в романе «Тошнота». В третьей части труда «Бытие и ничто» выделен такой важный момент, как понимание того, что можно квалифицировать как отчуждение, через анализ сознательности. «Бытие-для-себя» предполагает «бытие-для-других». Личность раскрывается через феномен «взгляда». Здесь можно выделить общий момент с Гегелем и Марксом в оценке роли понятия Другого: Другой есть зеркало, моя свобода – это граница Другого. Другой дает возможность посмотреть на себя как на объект. Это положительный момент. Но отрицательный момент заключается в этих столкновениях свобод, что порождает отчуждение.

Философские работы «Проблемы метода» (1957) и «Критики» (1960 и 1985) написаны Сартром несомненно с опорой на его более ранний труд «Бытие и ничто» как в плане понятия свободы, так и в плане по-

² По свидетельству многих исследователей творчества Ж.-П. Сартра, его очень сильно вдохновила и не оставляла в покое диалектика Г. Гегеля о «рабе и господине» из труда «Феноменология духа».

нения отчуждения³. В них Сартр уже использует слово «отчуждение» и выделяет синхроническое и диахроническое отчуждение [Sartre, 2004. Р. 66–96, 153–292, 306–307, 331–338]. Последнее Сартр квалифицирует как схожее с опредмечиванием и оценивает как более опасное, чем синхроническое. Акты человеческой деятельности являются феноменологическими элементами, которые индивид задает для того, чтобы определиться. Осуществление индивидом своего выбора ведет к реализации им своей аутентичности. Для того чтобы сделать выбор, необходимо предоставлять себе последовательность тех вариантов поведения, между которым осуществляется выбор, а сделать это невозможно, не прибегнув к воображению того, какими могут быть эти последствия. Таким образом, воображение является существенным условием выбора индивида. И оно оценивается Ж.-П. Сартром весьма высоко.

Для Сартра соотношение отчуждения и свободы – достаточно острая проблема. Как мы видели, внимание к феномену отчуждения имеет место в его самых ранних работах и является сквозным в его философии. Несмотря на то, что в плане содержательного наполнения эти два понятия в последующем существенно трансформируются Сартром, все же всегда, когда он говорит об отчуждении, он говорит и о свободе. Уже в работах раннего Сартра одной из характеристик свободы является выбор и проект. И этим тоже демонстрируется, что понятия свободы и отчуждения соотносимы, имея общую опору на выбор и проект.

Как и свобода, отчуждение, по Ж.-П. Сартру, является одной из важных составляющих человеческого бытия. Ж.-П. Сартр полагает, что отчуждение непреодолимо для человека, с ним приходится существовать, делая выбор и реализуя проект. Отчуждение, по Ж.-П. Сартру, характеризует состояние индивида в обществе, а именно, состояние переживания человеком своей заброшенности в мир. И данный процесс имеет место прежде всего в самом человеке. Но в этом проявляется и внутренняя свобода индивида.

Рассмотрению данной ситуации Сартр посвящает четвертую часть труда «Бытие и ничто». Здесь он раскрывает содержание понятий свободы, ответственности и действия. Выбор, намерения и действия, по Сартру, тесно связаны. Понятие абсолютной свободы стало для Сартра актуальным со времен оккупации, которая наложила

³ По мнению некоторых исследователей философии Ж.-П. Сартра, «Проблема метода» и «Критики» являются продолжением «Бытия и ничто» и завершающим моментом. См.: Долгов К. М. От Киргекорадо Камю...; Киссель М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра...; Кузнецов В. Н. Жан-Поль Сартр и экзистенциализм...

свой отпечаток на его миропонимание. При создании поздних трудов («Проблема метода» и «Критики») ситуация уже совершенно другая. Вот что пишет Сартр по этому поводу в более поздней работе «Проблема метода»: *«Проект*. Таким образом, отчуждение может изменить *результаты* деятельности, но не ее глубинную реальность. Мы не хотим смешивать отчужденного человека с вещью, отчуждение – с физическими законами, управляющими внешними обусловливаниями. Мы настаиваем на специфичности человеческого действия, которое пронизывает социальную среду, сохраняя все детерминации, и преобразует мир на основе данных условий. Для нас человек характеризуется прежде всего превосходством ситуации, тем, что ему удастся сделать из того, что из него сделали, даже если в своей объективации он так и не достигает самосознания. Такое превосходство мы находим в самой основе человеческого, и прежде всего в потребности: именно оно соединяет, например, недостаток женщин на Маркизских островах как структурный факт группы с полиандрией как брачным установлением. Ведь этот недостаток не есть просто нехватка: он в обнаженной форме выражает некоторую ситуацию в обществе и уже заключает в себе усилие преодолеть ее; даже самое примитивное поведение должно детерминироваться не только обуславливающим его отношением к реальным, имеющимся налицо факторам, но и отношением к определенному будущему объекту, который оно стремится вызвать к жизни» [2008. С. 87]. Когда Ж.-П. Сартр определяет условия абсолютности свободы, ему приходится абстрагироваться от того, что феномены свободы и отчуждения настолько органично связаны друг с другом, что осуществить абстрагирование от отчуждения при попытке определить условия абсолютной свободы для Сартра оказывается задачей невыполнимой.

Как видим, свобода, как и отчуждение, является важной характеристикой человеческого бытия, по Ж.-П. Сартру. Соотнести их можно по одному общему моменту – по выбору. Выбор является необходимым для развития личности, ибо наличием ситуации выбора определяется, по Сартру, последующее осознание индивидом неотъемлемости его свободы.

Данное соотношение отчуждения и свободы Ж.-П. Сартр характеризует как диалектику, раскрытие которой он начал в труде «Проблема метода» и пытался закончить в последнем томе «Критики». Сартра не интересует диалектика природы. Природа является для него негативным моментом, который предполагает то, от чего отталкиваются. Оно и понятно почему. Придавая большое значение человеку, Сартр и делает вывод, что диалектика происходит из него; соответственно,

все, что важно для диалектики, Сартр обнаруживает имеющимся в человеке. Человек создает и историю. Человек есть совокупность обстоятельств и отношений с другими людьми. Социальность в данном случае выступает для Сартра и как отчужденность. Отношение Сартра к социальности противоречиво. С одной стороны, для него социальность – это посягательство на автономность индивида. Но, с другой, ведь тот же индивид, по Сартру, хочет делать и творить историю.

Волнует Сартра порабощение и «завладевание» человеком. Это очень схоже с его концепцией свободы, особенно перед наступлением войны и послевоенных действий. Ведь, описывая то состояние, когда его призвали на войну, Сартр констатировал, что оно очень схоже с состоянием порабощения и «завладевания». И в данном случае Сартр подчеркивает взаимообусловленность феноменов свободы и отчуждения. Зачастую складывается впечатление, что когда Ж.-П. Сартр говорит о свободе, то фактически речь идет об отчуждении, и наоборот. Поэтому очень сложно выделить как общие моменты в его концепции феноменов отчуждения и свободы, так и то, что Сартр считает специфическим для каждого из них.

Говоря о соотношении свободы и отчуждения в философии Сартра, исследователи зачастую подчеркивают, что все, что делает человек в отношении своего становления в этом мире – неповторимо и индивидуально. Действительно, в труде «Критика диалектического разума» (1960, т. 1) Ж.-П. Сартр уделяет значительное внимание теме индивидуального действия. Тем не менее, как мы отмечали выше, отчуждение, по Сартру, неизбежно для индивида, поскольку его бытие есть его и социальное, и историческое бытие. А там, где бытие индивида именно такое, имеется и его свобода. Противоположность свободы и отчуждения такая, которая характеризует реальную личность в ее социальном окружении. Личность абсолютно зависит от общества. Вне общества личность не может даже сформироваться. Если личность, сформировавшись, ставит себе целью полностью «освободиться» от зависимого общества, то это не может не означать, что реализация этой цели – утрата личностью своего собственного статуса.

Понятие отчуждения, как и свободы, является, по Сартру, основой человеческого бытия. Это две крайности, от которых человеку спрятаться нельзя. Где свобода, там и отчуждение. И наоборот. Таким образом, у Ж.-П. Сартра, как мы видим, отчуждение и свобода человека взаимообуславливает друг друга. Говорить о каждом из них по отдельности, не обращаясь к противоположным понятиям, у Сар-

тра оказывается невозможным. Отчуждение у него – это характеристика ситуации человеческого индивида в обществе.

Трактовка отчуждения у Ж.-П. Сартра специфическая. Одно из важнейших проявлений ее специфики, отличающей ее от трактовки отчуждения ранним Марксом, состоит в том, что для Сартра отчуждение в обществе – это не только труд, но и субъективное состояние свободы и воли человека. «Бытие-для-других» «крадет» свободу и бытие у индивида. У Сартра имеет место упор на этику. Отчуждение для него является качеством, которое неизменно присуще человеческому бытию. Отчуждение есть форма проявления свободы как независимости. Отчуждение индивида – это некий момент, который возникает, когда общество начинает «требовать». Это требование исходит от других. Экзистенциализм Ж.-П. Сартра повлиял на построение им целостного образа человека. Сартр обозначил «пограничную ситуацию», в которой находится человек и человечество. Свобода, по Ж.-П. Сартру, – это то, что «содержится» в человеке, внутри него, и это вынуждает человека «делать» самого себя, а не просто быть в этом мире.

Список литературы

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академ. проект, 2010. С. 303–359.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. Серия: Философия – Neoclassic. М.: Изд-во «АСТ», 2015. С. 361–907.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Пер. с фр. В. П. Гайдамакова. Серия: Философские технологии. М.: Академ. проект, 2008. 222 с.

Сартр Ж.-П. Тошнота / Пер. с фр. Ю. Яхиной. Серия: Эксклюзивная классика. М.: Изд-во «АСТ», 2014. 317 с.

Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason) / F. Jameson (Foreword), A. Sheridan-Smith (Translator). Verso, London – New York, 2004. Vol. 1: Theory of Practical Ensembles (Critique de la Raison dialectique 1).

Материал поступил в редколлегию 01.03.2018

K. N. Evdokimova

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

namnamki@mail.ru

J.-P. SARTRE ON THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS OF FREEDOM AND ALIENATION

The paper reveals the place and the role of the concepts of freedom and alienation in the work of the French philosopher J.-P. Sartre. Particular attention is paid to their relationship. Also, account is taken of the fact that in his early works, Sartre did not use the notion of alienation, but he used the concept of freedom. There were only hints of the concept of alienation, whereas the notion of freedom was not only used but also transformed from work to work. The evolution of these concepts and the complicated nature of their interpretation by Sartre are traced. It is shown that the J.-P. Sartre's concepts of freedom and alienation mutually deny and, at the same time, complement each other.

Keywords: existentialism, Sartre, freedom, alienation.

References

Marx K. *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugiye ranniye filosofskie raboty* [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and other Early Philosophical Works]. Moscow, Academic Project Publ., 2010, p. 303–359. (In Russ.)

Sartre J.-P. *Bytie i nichego: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: The Experience of Phenomenological Ontology]. Trans. from French, pref., note. by V. I. Kolyadko. Series: Philosophy – Neoclassic, Moscow, AST Publ., 2015, p. 361–907. (In Russ.)

Sartre J.-P. *Problemy metoda* [Problems of the Method]. Transl. from French by V. P. Gaidamakov. Series: Philosophical Technologies, Moscow, Academic Project Publ., 2008. (In Russ.)

Sartre J.-P. *Toshnota* [Nausea]. Transl. from French by Y. Yakhina. Series: Exclusive classics, Moscow, AST Publ., 2014. (In Russ.)

Sartre J.-P. *Kritika dialekticheskogo razuma, Tom 1: Teoriya prakticheskikh ansamblei* [Critique of Dialectical Reason. Vol. 1: Theory of Practical Ensembles]. F. Jameson (Foreword), A. Sheridan-Smith (Translator). Verso, London – New York, 2004, p. 66–96, 153–292, 306–307, 331–338, 455–458, 615–631, 704–712.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, доцент Института философии и права Новосибирского государственного университета

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, заведующая отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Бровкин Владимир Викторович – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, старший преподаватель СУНЦ Новосибирского государственного университета

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, директор Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Диев Владимир Серафимович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Евдокимова Кристина Николаевна – аспирантка Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Карпович Валентин Никонович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Костюк Всеволод Григорьевич – профессор, научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Мадюкова Светлана Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН

Николина Надежда Валерьевна – кандидат философских наук, методист Колледжа индустрии питания, торговли и сферы услуг, Томск

Пастухова Елена Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент Омского государственного педагогического университета

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Новосибирского государственного технического университета

Попов Владислав Владимирович – магистр философии, ул. Лукьянова, 1, Междуреченск

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Новосибирского государственного университета

Санжениаков Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Синюкова Наталья Алексеевна – аспирантка Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Тарбастаева Инна Семеновна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Трубицын Олег Константинович – кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор Института философии и права Новосибирского государственного университета

Шевченко Александр Анатольевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Шкарин Дмитрий Леонидович – соискатель Центра развития тренинговых технологий, методолог, Екатеринбург

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск

Щеглова Мария Игоревна – аспирантка Оренбургского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые ре-

цензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
философский факультет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 20 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см, Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 20 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится

цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. Размер изображений не должен превышать 190 × 270 мм. Рекомендуемый размер фотографий 100 × 150 мм. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Просим Вас *не изменять исходный электронный формат* создаваемого Вами графического объекта. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 165.0

И. И. Иванов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

xyz@philosophy.nsc.ru

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ПЕРВИЧНОСТЬ МЕТАФИЗИКИ

Приведен ряд примеров, демонстрирующих преимущества рассуждений с точки зрения натуралистических представлений при анализе классических постановок скептического аргумента: неопределенность указания в рамках семантического приоритета, неопределенность и релятивизм онтологических допущений как следствие принятия во внимание проблемы недоопределенности теории данными и конструктивистских представлений об онтологии.

Ключевые слова: натуралистический поворот, скептицизм, семантический приоритет, недоопределенность, конструктивизм, реализм.

Основной текст статьи

Список литературы

I. I. Ivanov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

xyz@philosophy.nsc.ru

NATURALISTIC TURN: PUTTING METAPHYSICS FIRST

The paper aims to illustrate one of the main features of the naturalistic turn – overcoming of the sceptic's challenge by «putting metaphysics first» (M. Devitt). The sceptic's argument is viewed as a consequence of the wrong direction of thought from a priori epistemology and/or semantics to a priori metaphysics. The naturalistic turn gives us a chance to give up the sceptic's argumentation by allowing to argue from empirical metaphysics to empirical epistemology and/or semantics. Various examples of the advantage of the naturalized view are given. In particular, it is shown how to avoid scepticism, which is a follow-up of the indeterminateness and underdetermination problems and constructivist ideology.

Keywords: naturalistic turn, scepticism, semantic priority, underdetermination, constructivism, realism.

References

Сведения об авторе

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ...¹. Второй пример ². В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например ³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [Петров, 2002. С. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в [Rorty, 1979].

³ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html(дата обращения 11.09.2001).

(сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образец оформления списка литературы

Горан В. П. Исторические истоки христианской догмы о сотворении мира «из ничего» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 123–132.

Карпович В. Н. Термины в структуре теории. Новосибирск: Наука, 1978.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопр. философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Aach J. Psychologism Reconsidered: A Revaluation of the Arguments of Frege and Husserl // *Synthese*. 1990. Vol. 85. P. 315–338.

Benacerraf P. Tasks, Super-Tasks and the Modern Eleatics // *Zeno's Paradoxes* / Ed. by W. C. Salmon. Indianapolis, USA; Cambridge: Hackett Publ. Company, 2001. P. 103–129.

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1974. Vol. 47. P. 5–20.

Gödel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I // Kurt Gödel. *Collected Works* / Eds. S. Feferman, T. R. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore, R. M. Solovay, T. van Heijenoort. New York, 1986. Vol. 1.

Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1979.

Образец оформления References

Aach J. Psychologism Reconsidered: A Revaluation of the Arguments of Frege and Husserl. *Synthese*, 1990, vol. 85, p. 315–338.

Benacerraf P. Tasks, Super-Tasks and the Modern Eleatics. *Zeno's Paradoxes*. W. C. Salmon (ed.). Indianapolis, USA; Cambridge, Hackett Publ. Company, 2001, p. 103–129.

Goran V. P. Istoricheskie istoki khristianskoi dogmy o sotvorenii mira «iz nichego» [Historical Origins of The Christian Dogma of Creation of The World From Nothing]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2014, vol. 12, no. 1, p. 123–132. (In Russ.)

Gödel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I. *Kurt Gödel. Collected Works*. S. Feferman, T. R. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore, R. M. Solovay, T. van Heijenoort (eds.). New York, 1986, vol. 1.

Karpovich V. N. *Terminy v strukture teorii* [Terms in the Theory Structure]. Novosibirsk, Nauka, 1978. (In Russ.)

Tselishchev V. V. Ratsionalisticheskii optimizm i filosofiya Kurta Godelya [Rationalistical Optimism and the Philosophy of Kurt Godel]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 8, p. 12–23. (In Russ.)

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 1974, vol. 47, p. 5–20.

Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1979.

Образец оформления сведений об авторе

Иванов Иван Иванович – кандидат философских наук, доцент Новосибирского государственного университета, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, заведующий кафедрой философии и социологии; р.т. (383)000-00-00, e-mail: xyz@philosophy.nsc.ru

Таблица транслитерации символов

Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация	Русский алфавит	Транслитерация
А	A	К	K	Х	KH
Б	B	Л	L	Ц	TS
В	V	М	M	Ч	CH
Г	G	Н	N	Ш	SH
Д	D	О	O	Щ	SCH
Е	E	П	P	Ы	Y
Ё	E	Р	R	Ь	,
Ж	ZH	С	S	Э	E
З	Z	Т	T	Ю	YU
И	I	У	U	Я	YA
Й	I	Ф	F		